

МЕЖДУНАРОДНАЯ АНАЛИТИКА

2023 / ТОМ 14 / НОМЕР 4

ПРИРОДНО-ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

11–20

А.А. АВРАМЕНКО

Политизация
экологии и
экологизация
политики: ценности и
интересы

21–36

А.Б. ЛИХАЧЕВА

«Ни воды, ни войны»:
проблема пресной
воды в международных
отношениях первой
четверти XXI века

37–51

Е.А. МАСЛОВА

Продовольственная
безопасность и
климатическая
повестка

52–74

И.А. МАКАРОВ,
А.А. ШУРАНОВА

Климатические
изменения как
новый фактор
международных
отношений

2023 / VOLUME 14 / No. 4

CHIEF EDITOR

Sergey M. Markedonov
MGIMO University (Russia, Moscow)

DEPUTY EDITOR

Akhmet A. Yarlykapov
MGIMO University (Russia, Moscow)

EDITORIAL BOARD

Andrei Tsygankov – San Francisco State University (USA)

Aleksandar Životić – University of Belgrade (Serbia)

Benedikt Harzl – University of Graz (Austria)

Erkin Baydarov – R.B. Suleimenov Institute of Oriental Studies (Kazakhstan)

Kimitaka Matsuzato – University of Tokyo (Japan)

Mitat Celikpala – Kadir Has University (Turkey)

Richard Sakwa – University of Kent (UK)

Sanjay Deshpande – University of Mumbai (India)

Sayed Kazem Sajjadpour – Institute for Political and International Studies (Iran)

Xue Fuqi – Chinese Academy of Social Sciences (China)

Zhao Huasheng – Fudan University (China)

Alexander L. Chechevishnikov – MGIMO University (Russia, Moscow)

Andrey A. Sushentsov – MGIMO University (Russia, Moscow)

Dmitriy I. Pobedash – Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg)

Ilya N. Tarasov – Immanuel Kant Baltic Federal University (Russia, Kaliningrad)

Larisa V. Deriglazova – Tomsk State University (Russia, Tomsk)

Lyubov A. Fadeeva – Perm State University (Russia, Perm)

Michael I. Rykhtik – Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Russia, Nizhni Novgorod)

Natalia V. Eremina – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Oleg Yu. Mikhalev – Voronezh State University (Russia, Voronezh)

Pavel B. Parshin – Moscow State Linguistic University (Russia, Moscow)

Valeriy N. Konyshv – Saint-Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)

Viktor Yu. Apryshchenko – Southern Federal University (Russia, Rostov-on-Don)

Viktor L. Larin – Institute of History, Archaeology and Ethnology, the Far Eastern Branch of Russian Academy of Sciences (Russia, Vladivostok)

Yakov Ya. Grishin – Kazan Federal University (Russia, Kazan)

SCOPE

Journal of International Analytics focuses on current problems of international relations, theory and methodology of international politics based on a collection of regional materials. From 2010 to 2016, the journal was called the Institute for International Studies Yearbook.

Published since 2010 quarterly.

INDEXING

The Journal is included in the Russian Science Citation Index (RSCI), and in the List of leading peer-reviewed scientific journals and publications of the Higher Attestation Commission under the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (Q2). The Editorial Board is continuing to advance the Journal in international databases.

Mass media registration certificate
PI No. FS77-65736 of May 20, 2016

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

PUBLISHER

Institute for International Studies, MGIMO University, Russia

ASSOCIATE EDITORS

Alexander L. Chechevishnikov
Evgenia S. Larina
Grant A. Beglarian
Natalya A. Samoylovskaya
Nikita Ya. Neklyudov
Uliana V. Yakutova
Vladimir V. Pavlov

COMPUTER LAYOUT

Alexey V. Talalaevsky

DESIGN

Veronika E. Levitskaya

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Сергей Мирославович Маркедонов
МГИМО (Россия, Москва)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ахмет Аминович Ярлыкапов
МГИМО (Россия, Москва)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Александр Животич – Белградский университет (Сербия)

Бenedикт Гарцль – Университет Граца (Австрия)

Андрей Павлович Цыганков – Университет штата Калифорния в Сан-Франциско (США)

Еркин Уланович Байдаров – Институт востоковедения имени Р.Б. Сулейменова (Казахстан)
Кимитака Мацузато – Токийский университет (Япония)

Митат Челикпала – Университет Кадир Хас (Турция)

Ричард Саква – Кентский университет (Великобритания)

Сайед Казем Саджадпур – Институт политических и международных исследований (Иран)

Санджай Дешпанде – Университет Мумбаи (Индия)
Сюэ Фуци – Китайская академия общественных наук (КНР)

Чжао Хуашэн – Фуданьский университет (КНР)

Александр Леонидович Чечевишников – МГИМО (Россия, Москва)

Андрей Андреевич Сушенцов – МГИМО (Россия, Москва)

Валерий Николаевич Конышев – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Виктор Лаврентьевич Ларин – Институт истории археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук (Россия, Владивосток)

Виктор Юрьевич Апрыщенко – Южный федеральный университет (Россия, Ростов-на-Дону)

Дмитрий Иванович Победаш – Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина (Россия, Екатеринбург)

Илья Николаевич Тарасов – Балтийский федеральный университет имени И. Канта (Россия, Калининград)

Лариса Валерьевна Дериглазова – Томский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Томск)

Любовь Александровна Фадеева – Пермский государственный национальный исследовательский университет (Россия, Пермь)

Михаил Иванович Рыхтик – Нижегородский государственный национальный исследовательский университет имени Н.И. Лобачевского (Россия, Нижний Новгород)

Наталья Валерьевна Еремина – Санкт-Петербургский государственный университет (Россия, Санкт-Петербург)

Олег Юрьевич Михалёв – Воронежский государственный университет (Россия, Воронеж)

Павел Борисович Паршин – Московский государственный лингвистический университет (Россия, Москва)

Яков Яковлевич Гришин – Казанский федеральный университет (Россия, Казань)

ЦЕЛИ

В журнале поднимаются актуальные вопросы современных международных отношений, а также теории и методологии изучения международно-политических процессов с опорой на страновой материал. В 2010–2016 годах издание носило название «Ежегодник Института международных исследований».

Издается с 2010 г.
Выходит 4 раза в год.

ИНДЕКСИРОВАНИЕ

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (К2).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77–65736 от 20 мая 2016 г.

DOI Prefix 10.46272
ISSN (print) 2587-8476
ISSN (online) 2541-9633

ИЗДАТЕЛЬ

Институт международных исследований
МГИМО МИД России.

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Александр Леонидович Чечевишников
Владимир Владимирович Павлов
Грант Артурович Бегларян
Евгения Сергеевна Ларина
Наталья Александровна Самойловская
Никита Яковлевич Неклюдов
Ульяна Вячеславовна Якутова

КОМПЬЮТЕРНАЯ ВЕРСТКА

Алексей Владимирович Талалаевский

ДИЗАЙН

Вероника Евгеньевна Левицкая

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Храм или мастерская? Природно-экологические факторы международных отношений

С.М. МАРКЕДОНОВ

7

ИНТЕРВЬЮ

Политизация экологии и экологизация политики: ценности и интересы

А.А. АВРАМЕНКО

11

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ СТАТЬИ

«Ни воды, ни войны»: проблема пресной воды в международных отношениях первой четверти XXI века

А.Б. ЛИХАЧЕВА

21

Продовольственная безопасность и климатическая повестка

Е.А. МАСЛОВА

37

Климатические изменения как новый фактор международных отношений

И.А. МАКАРОВ, А.А. ШУРАНОВА

52

Климатическое лидерство ЕС: противоречия углеродного регулирования

И.В. БОЛГОВА, Е.А. СТОЛЯРОВА

75

Энергетическая дипломатия в эпоху энергоперехода

Р.А. АЛШЕВ

91

Пандемия COVID-19 в контексте эколого-политического дискурса: государство, гражданское общество, проблемы развития

Е.И. БУРКОВА

107

Пандемия коронавируса в Грузии: между церковью и вакцинацией

С.Б. МАНЫШЕВ

120

ОБЗОРНЫЕ СТАТЬИ

Экологическая повестка в современной морской политике Китая

М.Е. НАВДАЕВА

133

Гипотеза «ядерной зимы» и ответственная политика в ядерной сфере

А.С. ГИНЗБУРГ, Н.А. САМОЙЛОВСКАЯ

149

CONTENTS

EDITORIAL NOTE

Temple or Workshop? The Role of Natural Environmental Factors
in International Relations

S. MARKEDONOV

7

INTERVIEW

Politicization of Ecology and Ecologization of Politics: Values and Interests

A. AVRAMENKO

11

RESEARCH ARTICLES

“Neither Water, nor War:” the
Problem of Fresh Water in
International Relations of the
First Quarter of the 21st Century

A. LIKHACHEVA

21

Food Security and Climate
Agenda

E. MASLOVA

37

Climate Change as a New
Factor of International Relations

I. MAKAROV, A. SHURANOVA

52

EU Climate Leadership:
Contradictions Inherent
in Carbon Regulation

I. BOLGOVA, E. STOLYAROVA

75

Energy Diplomacy in the Era
of Energy Transition

R. ALIEV

91

The COVID-19 Pandemic
Through the Environmental
Discourse: the State, Civil
Society, the Problems
of Development

E. BURKOVA

107

Coronavirus Pandemic
in Georgia: Between Church
and Vaccination

S. MANYSHEV.

120

RESEARCH ESSAYS

Environmental Agenda in the
Modern Chinese Sea Policy

M. NAVDAEVA

133

“Nuclear Winter” Hypothesis
Research and Responsibilities
in Nuclear Policy

A. GINZBURG, N. SAMOYLOVSKAYA

149

Храм или мастерская? Природно-экологические факторы международных отношений

«Природа не храм, а мастерская, и человек в ней работник». Яркая формула, предложенная героем знаменитого тургеневского романа «нигилистом» Евгением Базаровым, как нельзя лучше передавала дух эпохи модерна¹. В ней деятельностный подход, рационализм, пафос знания, культ прогресса (зачастую без особых рефлексий по поводу его цены) противопоставлялись созерцательности и пассивности. Индустриализация, урбанизация, быстрый экономический рост, массивное внедрение новых научно-технических достижений и повышение уровня личного потребления радикально изменяли характер взаимоотношений человека и природы.

По словам русского мыслителя Николая Бердяева, техника дала людям «чувство планетарности земли, совсем иное чувство земли, чем то, которое было свойственно человеку в прежние эпохи»². Американский антрополог Эдвард Холл, размышляя о взаимовлиянии биологического и общественного развития, пришел к выводу об индустриально-технологическом прорыве как своеобразном продолжении эволюционного процесса, «способе человека отрастить себе крылья, ноги и хвост, не дожидаясь, пока это сделает за него природа»³.

Однако всякое движение вперед имеет и известные обременения. Десакрализация природы и акцент, прежде всего, на ее ресурсно-сырьевом измерении привели к недооценке негативных последствий растущей эксплуатации естественной среды. Как следствие, попытки переосмысления цены прогресса и возможных побочных эффектов научно-технологического и экономического бума. Не стоит сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что актуализация экологической повестки, появление таких концепций, как «зеленая теория», «энвайроментализм», происходили в 1950–1970-х гг. на фоне рефлексий по поводу итогов Второй мировой войны и попыток предотвращения нового глобального противостояния. И снова мы увидели серьезные маятниковые колебания в настроениях интеллектуалов. Если на рубеже позапрошлого и прошлого веков

1 Тургенев, И.С. Отцы и дети. М.: АСТ, 2018.

2 Бердяев, Н.И. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1933. № 38. С. 8.

3 Hall, Edward T. *Beyond Culture*. N.Y.: Anchor Books, 1989. P. 38.

наука и техника были критерием успешности, то теперь на смену технооптимизму пришли требования радикально пересмотреть критерии модернизационных процессов, поставить под сомнение целесообразность неконтролируемого экономического и научно-технологического роста. В центре споров оказались такие сюжеты, как цена прогресса, приемлемая для окружающей среды, а также воздействие природных факторов на общественные тенденции¹. В международную повестку дня вошли проблемы предотвращения голода и природно-климатических катастроф, пандемий, обеспечение сохранения водных и лесных ресурсов, поиск оптимальных моделей развития энергетики².

Как и в случае с мегатрендами (информатизация, глобализация, демократизация, интеграция и другие), экологизация международной политики представляет собой непростое сочетание ценностных подходов, национальных и транснациональных интересов. «Озеленение мира», сопровождаемое призывами положить конец жесткой эксплуатации природных ресурсов, нередко сопровождалось (и сопровождается) проталкиванием на глобальные рынки технологий «своих корпораций», а стремление к установлению неких общих экологических стандартов – борьбой по сдерживанию конкурентов. Став частью международно-политического дискурса, «зеленая повестка» неизбежно политизировалась. Это во многом объясняет различные экостандарты, продвигаемые национальными государствами. Известный британо-американский политолог и журналист Анатолий Ливен иллюстрирует это на примере отношения в различных странах к климатической повестке, так как «уход от углеводородов будет означать потерю огромной части национального дохода» для некоторых из них. Трудно не согласиться с мнением этого автора и о том, что украинский конфликт привел к тому, что российские власти «еще меньше желают слушать западные лекции о международной ответственности»³.

Конкуренция, которая распространяется и на вопросы природопользования, а также борьба за обеспечение интересов путем инструментальной апелляции к «зеленой повестке» не означают, конечно же, отсутствия серьезных экологических проблем как на общемировом, так и на национальном уровнях. Их решение предполагает поиск оптимального баланса между ценностями, интересами и инструментальными подходами, тактическими соображениями и стратегическими резонами. Но такой поиск проблематичен без качественного системного изучения политизации экологии и экологизации политики.

Четвертый номер нашего журнала за 2023 год посвящен феномену природно-экологических факторов в международной политике. Он традиционно открывается экспертным интервью. Андрей Авраменко проводит инвентаризацию основных проблем на данном направлении. Исследователь рассматривает коллизию интересов и ценностей при формировании экологической повестки. По его словам, «привязка экологических проблем и проблем природопользования к вопросам международных отношений вполне логична в глобализирующемся мире, даже в условиях его фрагментации, так как многие современные проблемы

1 Dobson, Andrew. *Green Political Thought*. London: Routledge, 2007.

2 Хлопов, О.В. «Зеленая теория» как экологический подход в исследованиях международных отношений // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 10. С. 31–35.

3 Lieven, Anatol. *Climate Change and the Nation State: The Case for Nationalism in a Warming World*. Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 23.

имеют трансграничный характер, затрагивают несколько государств, что усложняет их регулирование, тем более – разрешение». Интересны размышления ученого о широко обсуждаемой концепции «устойчивого развития». Он полагает, что «современная повестка устойчивого развития не отражает риски, характерные для перехода от индустриального общества к постиндустриальному и информационному».

В статьях Игоря Макарова и Анны Шурановой, Ирины Болговой и Евгении Столяровой рассматриваются различные аспекты климатической повестки. Первая из них посвящена климатическим изменениям как новому фактору международных отношений, вторая – учрежденному Европейской комиссией механизму трансграничного углеродного регулирования (*CBAM*).

По мнению Игоря Макарова и Анны Шурановой, в контексте сегодняшних глобальных трансформаций «Россия заинтересована как в продвижении альтернативной повестки декарбонизации, которая более соответствует ее национальным интересам, так и в консолидации под своим лидерством развивающихся стран, которые в более широком плане могут быть объединены стремлением к утверждению полицентричного миропорядка».

Ирина Болгова и Евгения Столярова приходят к выводу о том, что «*CBAM* сочетает в себе компоненты лидерства посредством примера и дипломатического лидерства. ЕС последовательно реализует амбициозные климатические цели на внутреннем рынке, вводя повышательные целевые показатели и усиливая наднациональное климатически-ориентированное регулирование во всех областях». В то же время «протекционистский характер *CBAM* провоцирует других глобальных игроков – прежде всего США – следовать по пути принятия охранительного законодательства». Риторический вопрос: как это сочетается с декларируемыми ценностями «свободного рынка» и традиционной критикой дирижистских практик?

Работы Елены Масловой и Анастасии Лихачевой посвящены таким актуальным проблемам, как продовольственная безопасность и фактор пресной воды в современных международных отношениях. Авторы обращаются к возможностям, открывающимся для России на фоне имеющихся вызовов.

Елена Маслова констатирует, что «тема продовольствия является одной из центральных в деятельности ООН». И на этом фоне Россия играет важную роль как один из ключевых экспортеров пшеницы в мире. Анастасия Лихачева полагает, что «пресная вода, несмотря на лозунги конца прошлого столетия о грядущих водных войнах, “голубой нефти” и “новом золоте” XXI века, не стала и, вероятно, не станет причиной противостояния великих держав, а средние и малые пока ограничиваются вполне традиционными формами конфликтов... водные объекты остаются предметом конкуренции». Автор заключает, что «у России имеются большие возможности включиться в этот процесс и играть заметную роль на международной арене именно как водная держава, востребованная в вододефицитных регионах мира».

Работа Руслана Алиева посвящена энергетической дипломатии в эпоху энергоперехода. По его мнению, «сроки энергоперехода остаются в достаточной степени неопределенными и зависят от множества факторов», а потому «можно предположить, что энергетическая дипломатия будет меняться по мере

конкретизации темпов энергоперехода». Автор считает, что в современных условиях наибольшую роль играют «газовое сотрудничество и газовая дипломатия, так как природный газ является ключевым “транзитным” источником энергии при переходе к углеродно-нейтральной экономике, а также сотрудничество в сфере ядерной энергетики».

Статьи Елены Бурковой и Сергея Манышева образуют своеобразный COVID-блок номера. Наш журнал неоднократно обращался к данной теме и даже посвятил международно-политическим последствиям борьбы с пандемией целый номер (2020. Т. 11 № 1). В статье Бурковой проблема рассматривается на глобальном уровне, автор анализирует политический ответ национальных государств на эпидемическую угрозу, а также вовлеченность в этот процесс гражданского общества. Манышев рассматривает конкретный страновой кейс – реакцию Грузинской православной церкви на меры властей по профилактике инфекции и борьбе с нею.

Работа Марии Навдаевой посвящена экологической повестке в современной морской политике КНР. Автор показывает, что, «используя экоповестку как мирное средство возвышения, Китай стремится трансформировать текущий глобальный порядок, показав себя при этом в качестве ответственного мирового лидера». С ее точки зрения, «скоординированные действия по улучшению морской среды являются не только важной частью морской политики Китая и его стремления к превращению в великую морскую державу, но и попыткой претендовать на первенство в мировой климатической повестке и лидерство в глобальной политике».

Статья Натальи Самойловской и Александра Гинзбурга напоминает нам об острых дебатах времен «холодной войны» вокруг гипотезы «ядерной зимы». Их текст – это отсылка к относительно недавней, но актуализированной сегодня истории. Авторы показывают эволюцию становления концепта. По их мнению, и сегодня «существует необходимость выработки стратегических решений, позволяющих минимизировать иррациональный фактор и фактор случайности в отношениях государств, обладающих ядерным оружием».

Таким образом, проблемы экологии и природопользования требуют пристального внимания ученых, причем не только специалистов из естественно-научных отраслей, но и гуманитариев, в особенности при рассмотрении воздействия окружающей среды на международную политику. Если среда нашего обитания придет в состояние коллапса, то никакие мега- и микротренды не будут иметь сколько-нибудь серьезного практического значения. Но эти споры должны опираться на четкое понимание сложной диалектики ценностных и инструментальных подходов в реализации политико-экологических проектов, не говоря уже о неоднозначности и многомерности протекающих процессов. К слову сказать, мы считаем важным достижением представленного номера то, что среди наших авторов присутствуют и исследователи с профильным биологическим и физическим образованием. Многомерный и многофакторный анализ, сочетающий понимание глобального и локального уровней международной повестки, – лучший способ понять взаимовлияние политики и окружающей среды.

Сергей Маркедонов, главный редактор

Политизация экологии и экологизация политики: ценности и интересы

Интервью с Андреем Авраменко, кандидатом экономических наук, доцентом Кафедры международных комплексных проблем природопользования и экологии, ведущим научным сотрудником Лаборатории анализа международных процессов Института международных исследований МГИМО МИД России

АННОТАЦИЯ

Андрей Алексеевич Авраменко – эксперт по вопросам эколого-ориентированного управления в организациях и по экономике природопользования. Биолог по базовому образованию, в 2004 г. получил степень кандидата экономических наук (специализация – экономика природопользования). Работу в ведущих высших учебных заведениях Москвы совмещал с реализацией проектов в консалтинговых компаниях и работой в компаниях реального сектора экономики. С 2014 г. преподает в МГИМО. Руководитель проектов «Цифровая библиотека МГИМО в сфере ЦУР и ESG» и Дайджест Центра устойчивого развития МГИМО (МЦУР). Соавтор монографии «Перспективы и проблемы развития биосеквестрационного потенциала наземных экосистем: российский и зарубежный опыт»¹, а также ряда научных публикаций и докладов по системным исследованиям проблем безопасности и снижения рисков возникновения чрезвычайных ситуаций; экономической оценке ущерба, причиненного окружающей природной среде; управлению конфликтами в сфере природопользования; экологическим проблемам мирового ТЭК и низкоуглеродному развитию.

Беседу вел С.М. Маркедонов, главный редактор журнала «Международная аналитика»

Сергей Маркедонов: В наши дни о проблемах природопользования, о климатической повестке все чаще говорят в привязке к вопросам международных отношений. И если раньше в дискуссии доминировали экологи, экоактивисты, лидеры «зеленых» партий, то сегодня в споры вовлекаются политики, дипломаты, военные, гуманитарии. Как и в случае с международно-правовой и правозащитной тематикой, «зеленая» повестка рассматривается в двух измерениях:

¹ Перспективы и проблемы развития биосеквестрационного потенциала наземных экосистем: российский и зарубежный опыт / [под общ. ред. Н.А. Черных, А.А. Авраменко]. М.: МГИМО-Университет, 2023.

ценностном и инструментальном. На Ваш взгляд, где пролегает граница между заботой о нашем общем доме – планете Земля – и национальными интересами различных стран, экономическим эгоизмом, соображениями безопасности? Возможно ли достичь баланса между ценностным и инструментальным подходами? Или эта коллизия будет с нами всегда?

Андрей Авраменко: Начнем с попытки ответа на вопрос, как формируется политическая повестка, повестка в международных отношениях. Ее формирование – один из этапов процесса, в ходе которого определяется круг вопросов, ко-

торые затем становятся предметом обсуждения и по которым в результате принимаются решения. Повестку, в том числе экологическую, «зеленую», климатическую или повестку в области устойчивого развития, полезно рассматривать не как область определенных проблем, а именно как политическую повестку, не как пассивную репрезентацию реальности, а как отражение активного процесса привлечения внимания отдельных социальных групп.

которые затем становятся предметом обсуждения и по которым в результате принимаются решения. Повестку, в том числе экологическую, «зеленую», климатическую или повестку в области устойчивого развития, полезно рассматривать не как область определенных проблем, а именно как политическую повестку, не как пассивную репрезентацию реальности, а как отражение активного процесса привлечения внимания отдельных социальных групп, общества в целом к некоторым вопросам в определенном сообществе субъектов¹.

Экологическая повестка справедливо ассоциируется с протестными движениями, в первую очередь в США, прежде всего со студенческими протестами. Достаточно вспомнить, что первый День Земли 22 апреля 1970 г. прошел в США; в университетах по всей стране были проведены лекции и дискуссии по экологическим вопросам. Политика и политики присутствовали в экологической повестке начиная с ее появления. Координацией мероприятий в рамках первого Дня Земли занимались Г. Нельсон – представитель Демократической партии США, сенатор штата Висконсин, а также П. Маккроски – конгрессмен-республиканец. Им помогали студенты Мичиганского университета, которые имели опыт организации протестов против войны во Вьетнаме. В тот момент успех Дня Земли был связан, в том числе, со стремлением сделать мероприятия как можно более персонализированными – помимо экологических и антивоенных тем, поднимались вопросы прав женщин, расового равенства и социальной справедливости. То есть экологическая повестка с самого начала была вплетена в социальный контекст, заняв особое место в складывающемся в 1970-е гг. «ансамбле», во многом определившем современную международную повестку². К слову, в 1995 г. Г. Нельсон был награжден президентом США Б. Клинтоном высшей наградой, присуждаемой гражданским лицам в Соединенных Штатах, – медалью Свободы.

Процессы политизации экологической проблематики и экологизации – проникновения экологических знаний в другие сферы человеческих знаний и дея-

1 Шакиров, О.И. Как формируется международная повестка дня? Ответ конструктивизма // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 3. С. 83–90.

2 Экологическое движение в СССР также зародилось в 1960–1970-х гг., но оно не было политизировано до конца 80-х гг. XX века.

тельности – взаимно дополняли друг друга. Конвергенции этих процессов способствовало то, что примерно на это же время пришлось поиски ценностной и этической оценки взаимоотношений природы и человека. Попытки сформулировать экологические ценности, соответствующие социально-экономическому развитию во второй половине XX в., предпринимались неоднократно. Например, в Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по окружающей человека среде, одобренной на Международной конференции по окружающей человека среде в Стокгольме в 1972 г.¹, в тексте Всемирной Хартии природы, одобренной Генеральной Ассамблеей ООН в 1982 г.², а также в Хартии Земли, представленной мировой общественности в 2000 г.³ Эти ценности формулировались в парадигме антропоцентрического подхода, то есть отражали в первую очередь потребности и интересы сообщества людей, коллективного человечества. Одновременно с этим предпринимались попытки сформулировать ценности, соответствующие био- или эоцентрическому подходу; наиболее ярко и радикально они представлены в «глубинной экологии»⁴, построения которой более инклюзивны и где ценность природы, живого преподносится как некий абсолют, в сравнении с другими ценностями.

Если ценности не сформулированы или не принимаются большинством, то баланс будет всегда смещен в сторону инструментального подхода. А граница между заботой о нашем общем доме – планете Земля – и национальными интересами различных стран будет определяться экономическим благополучием, уровнем культуры, организацией государственного управления в сфере экологии, развитием экологического образования, различными подходами к политике регулирования экологических конфликтов.

Но если ценности не сформулированы или не принимаются большинством, то баланс будет всегда смещен в сторону инструментального подхода. А граница между заботой о нашем общем доме – планете Земля – и национальными интересами различных стран, экономическим эгоизмом, соображениями безопасности, если не определяется универсальными ценностями, будет определяться сочетанием множества факторов, что мы и наблюдаем в настоящее время: экономическим благополучием, уровнем культуры в обществе, организацией государственного управления в сфере экологии и природопользования, развитием экологического образования и просвещения, институциональными конфликтами в сфере экологии и природопользования, различными подходами к политике регулирования экологических конфликтов и т.д.

- 1 Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды // ООН. 1992. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml (дата обращения: 15.12.2023).
- 2 Всемирная хартия природы // ООН. 28 октября 1982. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/charter_for_nature.shtml (дата обращения: 15.12.2023).
- 3 Международная Хартия Земли. Международный совет инициативы Хартия Земли. Пособие // Международный Секретариат Хартии Земли. Август 2008. [Электронный ресурс]. URL: http://www.newlineclub.net/downloads/eci/winter%20school/materials/earth%20charter/Microsoft%20Word%20-%20ECH_HANDBOOK_RUSSIAN_-_1.doc.pdf (дата обращения: 15.12.2023).
- 4 Devall, Bill, and George Sessions. *Deep Ecology*. Salt Lake City: Gibbs Smith Publisher Peregrine Smith Books, 1985.

При этом я предостерег бы от суждений, которые предполагают, что экологическая проблематика – это та сфера, в которой невозможно достичь прогресса и ничего не делается, в том числе на международном уровне. Ученые, занимающиеся естественно-научной стороной решения проблем отрицательного антропогенного воздействия на живые организмы, на их сообщества, природные и природно-антропогенные системы; экологи-экономисты, исследующие методы оценки природных ресурсов и экосистемных услуг, а также способы оценки внешних издержек, связанных с деградацией окружающей природной среды; представители экологических НКО, уделяющие основное внимание эколого-просветительской работе; энтузиасты заповедного дела; экологи-юристы; экологи на предприятиях; представители дипломатического корпуса, в чью зону ответственности входит экологическая проблематика; представители целого ряда других профессий, появившихся в последние десятилетия, – все они вносят огромный профессиональный практический вклад в сохранение природы. Осознание деградации окружающей природной среды, информирование и просвещение, экологизация науки и все большего числа сфер человеческой деятельности как раз и привели к тому, что сегодня в дискуссии по вопросам экологии и природопользования вовлекаются политики, дипломаты, военные, специалисты-гуманитарии. Привязка экологических проблем и проблем природопользования к вопросам международных отношений вполне логична в глобализирующемся мире, даже в условиях его фрагментации, так как многие современные проблемы имеют трансграничный характер, затрагивают несколько государств, что серьезно усложняет их регулирование, тем более – разрешение¹.

Также следует обратить внимание на то, что формирование повестки, включающей вопросы экологии и природопользования, – это эволюционный процесс. С момента своего появления в 1960–1970-х гг. глобальная экологическая повестка постепенно трансформировалась в «зеленую» повестку и в настоящее время включает в себя три доминирующие составляющие: климатическая повестка и переход к низкоуглеродному развитию; экологически ответственное инвестирование и мобилизация финансовых ресурсов для реализации «зеленой» повестки; приоритетность достижения Целей устойчивого развития². Результаты реализации глобальной «зеленой» повестки представлены в специальных докладах, документах, индексах и рейтингах, подготавливаемых международными организациями³⁴⁵. Количество подобных индексов и рейтингов исчисляется десятками, но все они носят фрагментарный характер (раскрывают отдельные стороны «зеленой» повестки). С учетом существенных геополитических рисков,

1 Демчук А.Л. Политика регулирования экологических конфликтов: концептуальные основы и национальные модели / Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2020.

2 Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН // ООН. 25 сентября 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

3 “Fostering Effective Energy Transition 2023,” World Economic Forum, June 28, 2023, accessed December 15, 2023, <https://www.weforum.org/reports/fostering-effective-energy-transition-2023/in-full>.

4 “Sustainable Development Report. Rankings,” The Sustainable Development Goals Transformation Center, 2023, accessed December 15, 2023, <https://dashboards.sdindex.org/rankings>.

5 “Progress towards the Sustainable Development Goals: Towards a Rescue Plan for People and Planet,” United Nations, April 27, 2023, accessed December 15, 2023, <http://surl.li/resmh>.

а также кризисных явлений в мировой экономике, перспективы реализации глобальной «зеленой» повестки являются весьма неопределенными.

Невозможность решения и / или сложные процедуры решения реально существующих экологических проблем на региональном и национальном уровне, глобальный характер таких экологических проблем (например, антропогенное загрязнение Мирового океана) повлекли за собой делегирование полномочий национальных государств международным институтам, финансируемым и, в значительной степени, контролируемым государствами и иными субъектами коллективного Запада. Постепенно формировалась и ставшая сегодня уже привычной на Западе, но противоестественная для России и стран Востока (например, Японии) «нагрузка» на «зеленую» повестку, проявляющаяся:

- в обосновании неприятия государства / государственности под предлогом глобального характера экологических проблем и конфликтов (когда экономические интересы государств противостоят достижению продекларированных и соответствующим образом интерпретируемых глобальных целей);

- в продвижении идеи «коллективной вины» человечества – сначала за загрязнение и деградацию окружающей природной среды (в первых докладах Римскому клубу), а теперь и за изменения климата.

В наиболее «острой» форме «зеленая» повестка продвигается в комплексе с отрицанием религии, национальной культуры и традиционной семьи, являющихся «столпами» традиционного государства и препятствующих, в том числе, продвижению тезиса о необходимости сокращения численности человечества как главного способа решения экологических и иных проблем в глобальном масштабе.

С.М.: Экологическую повестку сегодня активно продвигают США, Евросоюз, Китай, Индия. Что в подходах этих государств является общим, а где есть особенные черты? И чем на общем фоне выделяется Россия? Какие ноу-хау предлагает сегодня Москва? А от чего отказывается?

А.А.: В статье Л. Григорьева и А. Курдина «Механизмы глобального регулирования: экономический анализ» на основе ряда ключевых параметров, в частности характера распределения прав собственности, механизмов управления транзакциями и распространения институтов, авторами приведены несколько типов регулирования для решения международных проблем¹. США и Евросоюз в значительной степени являются создателями данных механизмов регулирования, в том числе в сфере формирования и реализации экологической повестки. Китай, Индия, будучи наиболее динамично развивающимися крупнейшими экономиками мира, активно включены в данные процессы. Без России действенность подобных механизмов также трудно представить. Все перечисленные Вами страны претендуют на лидерство в экологической повестке.

Например, Индия и Китай по итогам восьми месяцев 2023 г. возглавили список стран по числу зарегистрированных проектов, направленных на снижение

¹ Григорьев, Л.М., Курдин, А.А. Механизмы глобального регулирования: экономический анализ // Вопросы экономики. 2013. № 7. С. 4–28.

выбросов парниковых газов. На долю этих двух государств приходится 54% от общего числа углеродных проектов в мире¹.

Россия находится в наиболее уязвимом положении вследствие введения санкций, которые в целом отрицательно влияют на темпы реализации «зеленой» повестки. Например, существенно тормозится развитие ВИЭ, водородной и биоэнергетики. По мнению специального представителя Президента РФ по вопросам климата Р. Эдельгериева, санкции повлияли на возможность для многих компаний импортировать технологии для «зеленого перехода»². В результате внедрение ряда мер по реализации Стратегии социально-экономического развития с низким уровнем выбросов парниковых газов³ будет «сдвинуто вправо». Изначально запланированное на 2020 г. достижение доли ВИЭ в выработке электроэнергии (4,5%) впоследствии было перенесено на 2024 год⁴. Тем не менее совокупный объем мощности ВИЭ за 2023 год в России вырос, но составил примерно 2,4% от общей мощности энергосистемы РФ.

Россия, возглавляющая список стран по площади территорий и акваторий, не затронутых человеческой деятельностью, – рейтинг, составленный сотрудниками Квинслендского университета и экологической организации *Wildlife Conservation Society*⁵, – продолжает выступать с экологическими инициативами. Так, в ноябре 2023 г. Президент РФ подписал Указ «О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации»⁶. Согласно документу, правительство в шестимесячный срок разработает и утвердит план мероприятий, направленных на развитие природоподобных технологий⁷, в том числе на создание передовой научной инфраструктуры, формирование кадровых ресурсов и проведение научных исследований в этой сфере. Министерство науки и высшего образования разработало Стратегию развития природоподобных (конвергентных) технологий⁸. Впервые о необходимости развития природоподобных технологий В.В. Путин заявил, выступая на 70-й Генеральной ассамблее ООН в 2015 году.

Каждый Кондратьевский цикл характеризуется определенным набором инновационных технологий, которые составляют ядро данного уклада и являются локомотивом для экономики.

Каждый Кондратьевский цикл характеризуется определенным набором инновационных технологий, которые составляют ядро данного уклада и являются локомотивом для экономики.

- 1 Волобуев, А., Милькин, В. Индия и Китай опередили другие страны по числу углеродных проектов // Ведомости. 23 октября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2023/10/23/1001894-indiya-i-kitai-operedili> (дата обращения: 15.12.2023).
- 2 Суховеров, К. Перспективы «зеленого» перехода России в условиях санкционного давления стран Запада: доклад № 82 // Российский совет по международным делам (РСМД). 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-Green-Report82.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).
- 3 Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года // Правительство России. 29 октября 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/ADKkCzр3fW032e2yA0BhtlрyzWfHaiUa.pdf> (дата обращения: 15.12.2023).
- 4 Поляков, Л.В., Анкудинов, И.А., Егоров, В.Ю., Ляцос, А.Д., Рыжкин, Е.Н. Зеленая Россия будущего: экономические проблемы и политические перспективы // Бизнес, общество, власть. 2022. № 4 (46). С. 87–116.
- 5 Watson, James E. M., Venter, Oscar, Lee, Jasmine, Jones, Kendall R., Robinson, John G., Possingham, Hugh P., and Allan, James R. (2018). "Protect the last of the wild." *Nature* 563, no. 7729 (2018): 27–30.
- 6 Указ Президента Российской Федерации «О развитии природоподобных технологий в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. 2 ноября 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311020021?ysclid=lrq6neznhl968687435> (дата обращения: 15.12.2023).
- 7 Природоподобные технологии – технологии, воспроизводящие системы и процессы живой природы в виде технических систем и технологических процессов, интегрированных в естественный природный ресурсооборот.
- 8 Проект Указа Президента Российской Федерации «О стратегии развития природоподобных (конвергентных) технологий» // Портал ГАРАНТ.РУ. 14 июня 2022. [Электронный ресурс]. URL: <https://base.garant.ru/56923126/> (дата обращения: 15.12.2023).

С.М.: Одной из причин современной глобальной турбулентности в экономике является переход к т.н. шестому технологическому укладу. Какое влияние это окажет на мировые экономические тренды? Какие последствия транзит будет иметь для нашей страны?

А.А.: Переход к шестому технологическому укладу, или шестому Кондратьевскому циклу, имеет объективный эволюционный характер научно-технического и экономического развития¹. Такими технологиями в первом Кондратьевском цикле (1771–1830) были технологии, связанные с развитием текстильной промышленности, паровыми механизмами; во втором цикле (1830–1880) – развитие технологий, связанных с добычей угля, черной металлургией, железнодорожным транспортом; в третьем (1880–1930) – развитие технологий, связанных с электрификацией производств, тяжелым машиностроением; в четвертом (1930–1970) – развитие автотрома и технологий нефтехимии; в пятом (1970–2010) – развитие микроэлектроники, появление и совершенствование персональных компьютеров, то есть информационных технологий; в шестом (начиная с 2010 г.) технологическом укладе драйверами экономики определены биотехнологии, технологии, связанные с возобновляемой энергетикой, а также конвергенция nano-, био-, информационных и когнитивных технологий. Таким образом, «зеленая» повестка, в определенной ее части – климатической, и низкоуглеродная трансформация являются неотъемлемой частью процессов, связанных с переходом к шестому технологическому укладу. М.В. Ковальчук, президент НИЦ «Курчатовский институт», на который вышеупомянутым Указом от 02.11.2013 № 818 возложены функции головной научной организации, научное руководство, а также мониторинг и оценка научных результатов в сфере природоподобных технологий, отмечал: «Научно-технологические прорывы сегодня главным образом связаны с созданием принципиально нового природоподобного технологического уклада»².

Страны ЕС, являющиеся наиболее активными в продвижении «зеленой» повестки, проводят в пределах своих экономик достаточно рискованный эксперимент, при удачном завершении которого они устраняют конкурентов во временной перспективе нового технологического уклада; при отрицательном результате эксперимента – обрекают свои экономики на рукотворный системный кризис. Однако другие лидеры «зеленой» повестки – США и КНР, – обладая значительным количеством природных ресурсов, в том числе энергетических, спрос на которые возрастает при смене технологических укладов, а сейчас обладая и явным финансовым преимуществом по сравнению с ЕС, находятся в менее уязвимом положении, чем европейские страны. Независимо от положительного или отрицательного исхода эксперимента в ЕС, позиции российского бизнеса в мировой экономике будут уязвимы, так как конкуренция будет продолжаться с новыми лидерами «зеленой» технологической гонки – США и КНР.

С.М.: В 2023 г. Президентом РФ Владимиром Путиным была утверждена новая Климатическая доктрина, согласно которой Россия ставит своей це-

1 Кондратьев, Н.Д. Большие циклы конъюнктуры и теория предвидения. М.: Экономика, 2002.

2 Ковальчук, М.В. «Природоподобные технологии как ответ на новые глобальные вызовы» // Никитский клуб. 2022. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/resox> (дата обращения: 15.12.2023). С. 20.

лю достижение углеродной нейтральности не позднее 2060 года. Как бы Вы определили ключевые тренды сегодняшней мировой климатической повестки, и в чем принципиальные отличия российских целей и задач на этом направлении?

А.А.: Предыдущая версия Климатической доктрины, опубликованная в 2009 г., то есть до принятия Парижского соглашения по климату от 12 декабря 2015 г., значительно устарела. Российская Федерация присоединилась к Парижскому соглашению в сентябре 2019 года. Доктрина развивает положения принятого ранее документа – Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с

В интенсивном варианте глобальный энергопереход рассматривается как один из факторов обеспечения конкурентоспособности российской экономики в глобальном масштабе.

низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. В Стратегии предложены два сценария социально-экономического развития страны – инерционный и целевой (интенсивный), которые различаются по уровню технологического развития, структурным изменениям в экономике, поглощающей способности природных поглотителей и накопителей парниковых газов и другим эффектам. Еще до утверждения Климатической доктрины Президентом

была утверждена в марте 2023 г. обновленная Концепция внешней политики Российской Федерации. Это шестой документ такого рода (первый был принят в 1993 г., предыдущий – в 2016). Обращаясь к повестке устойчивого развития, экологическим и климатическим проблемам, следует отметить, что в концепциях внешней политики предыдущих лет внимание к этим вопросам постепенно повышалось (в документах 2000, 2008, 2013, 2016). В актуальной версии Концепции указывается, что в связи с серьезным давлением, которое оказывается на ООН и другие многосторонние институты, осложняется выработка коллективных ответов на транснациональные вызовы и угрозы, в том числе ухудшение состояния окружающей среды, стихийные бедствия и техногенные аварии. В Разделе III «Национальные интересы Российской Федерации во внешнеполитической сфере, стратегические цели и основные задачи внешней политики Российской Федерации» в числе национальных интересов указаны «охрана окружающей среды, сохранение природных ресурсов и рациональное природопользование, адаптация к изменениям климата», а также «содействие устойчивому развитию российской экономики на новой технологической основе». В документе сделан акцент на научной обоснованности усилий, противодействию политизации и использованию международной природоохранной и климатической деятельности в целях недобросовестной конкуренции, поддержке права каждого государства самостоятельно выбирать оптимальные механизмы охраны окружающей среды и климата.

Ключевые же тренды мировой климатической повестки определены в статье 2 Парижского соглашения¹ – «удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложения усилий в целях ограничения роста температуры до 1.5°C», «повышение

¹ Парижское соглашение. Рамочная конвенция Организации объединенных наций об изменении климата // Организация Объединенных Наций. 2015. [Электронный ресурс]. URL: https://unfccc.int/sites/default/files/russian_paris_agreement.pdf (дата обращения: 15.12.2023).

способности адаптироваться к неблагоприятным воздействиям изменения климата и содействие сопротивляемости к изменению климата и развитию при низком уровне выбросов парниковых газов таким образом, который не ставит под угрозу производство продовольствия», «приведение финансовых потоков в соответствие с траекторией в направлении развития, характеризующегося низким уровнем выбросов и сопротивляемостью к изменению климата». И Россия не является в данном случае исключением.

С.М.: Вы являетесь соавтором исследования «Управление конфликтами в сфере природопользования: анализ и поиск компромиссов»¹. Можем ли мы говорить о том, что вопросы биологической безопасности также стали частью конфронтации между Россией и Западом, США и КНР? Или они имеют собственную логику, лишь опосредованно связанную с проблемами геополитической и экономической конкуренции крупных государств? В какой степени малые и средние державы вовлечены в конфликты в сфере природопользования?

А.А.: Развитие биотехнологий и иных новых производственных технологий (синтетической биологии, искусственного интеллекта / ИИ, аддитивных технологий, робототехники) предоставляет огромный спектр возможностей, является конкурентным преимуществом. Однако одни и те же достижения могут применяться, с одной стороны, для лечения, а с другой – для создания биологического оружия. Основная проблема заключается в том, что невозможно заранее предусмотреть все варианты и все последствия проявления и распространения биологических угроз. Последствия нарушения биобезопасности непредсказуемы. Как отмечают представители Министерства государственной безопасности Китая: «При наличии достаточного количества генетических образцов человека можно проанализировать и понять уникальные генетические характеристики каждой этнической группы и расы, а также разработать генетическое оружие для избирательного нападения на цели с определенными расовыми генами». С учетом возможностей искусственного интеллекта выполнение данной задачи является все более реалистичным².

При этом и КНР, и США обвиняют друг друга в разработке этнического генетического оружия³. В 2022 г. в ходе Специальной военной операции Российская Федерация получила ряд документов и свидетельств, проливающих свет на характер военно-биологической деятельности США на украинской территории. Изучение указанных материалов дает все основания утверждать, что в непосредственной близости от российских границ велась разработка компонентов биологического оружия. Отметим, что еще в 2021 г. представителями стран, где размещены американские биологические лаборатории (Казахстан, Грузия, Латвия, Пакистан и Ирландия), была создана Международная коалиция по запрещению разработок и распространения биологического оружия. Коалиция выступает за немедленное закрытие военно-биологических объектов Министерства обороны США, которые

1 Новоселова, И.Ю., Новоселов, А.Л., Потравный, И.М., Авраменко, А.А. Управление конфликтами в сфере природопользования: анализ и поиск компромиссов. М.: Кнорус, 2020.
2 "China's Security Authorities Caution over Biosecurity, Revealing Species Data theft by Overseas NGO," Global Times, October 30, 2023, accessed December 15, 2023, <https://www.globaltimes.cn/page/202310/1300819.shtml>.
3 "China's Spy Agency Claims 'Gene Weapons' that Target Specific Races are being Developed by 'Certain' Countries in eerie Warning," MailOnline, October 31, 2023 accessed December 15, 2023, URL: <https://www.dailymail.co.uk/sciencetech/article-12694501/Chinas-spy-agency-claims-gene-weapons-target-specific-races-developed-certain-countries-erie-warning.html>.

неподотчетны местным правительствам¹. Данный пример иллюстрирует, с одной стороны, что вопросы биологической безопасности стали частью конфронтации между ведущими державами, с другой стороны – что малые и средние державы также могут быть вовлечены в эту конфронтацию или в конфликты в сфере природопользования. Как отмечает М.В. Терешина, экологические конфликты имеют такие же существенные черты и механизм развития, как и любой социальный конфликт, но специфическими особенностями экологического конфликта являются его предмет, объект, процесс возникновения, протекания и разрешения. Любой экологический конфликт зарождается именно как социальное противоречие².

С.М.: С момента предложения в 1987 г. комиссией Г.Х. Брундтланд термина «устойчивое развитие»³ прошло много лет институализации и развития данной концепции. Насколько она актуальна в настоящее время?

А.А.: К сожалению, современная повестка устойчивого развития не отражает риски, характерные для перехода от индустриального общества к постиндустриальному и информационному. Складывается ощущение, что мы до сих пор не вышли из парадигмы индустриального общества, где основные источники опасности имеют природное или техногенное происхождение. Но в постиндустриальном обществе основная часть угроз устойчивому развитию общества сосредоточена в сфере услуг (медицине, обеспечении качественным продовольствием, образовании); в информационном – в фальсификации информации и продвижении определенной информационной повестки, в современном мире формируемой в основном так называемыми развитыми странами, с собственными преобладающими мотивами. Уже сейчас мы можем наблюдать, как вышеперечисленные угрозы постиндустриального и информационного общества соединяются, порождая синергетические эффекты, имеющие непрогнозируемые последствия для человека как биологического вида⁴.

Цитирование

Авраменко, А.А. Политизация экологии и экологизация политики: ценности и интересы // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (4). С. 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-11-20>

For citation

Avramenko, Andrey A. "Politicization of Ecology and Ecologization of Politics: Values and Interests." *Journal of International Analytics* 14, no. 4 (2023): 11–20.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-11-20>

- 1 Декларация Международной коалиции по запрещению разработок и распространению биологического оружия // AN-TILAB. 13 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://stopbioweapons.org/plat.html> (дата обращения: 15.12.2022).
- 2 Терешина, М.В. Эколого-экономические конфликты в контексте национальной безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность: научно-практический и теоретический журнал. 2009. № 38. С. 40–47.
- 3 "Report of the World Commission on Environment and Development: Our Common Future," United Nations, March 20, 1987, accessed December 15, 2023, <https://sustainabledevelopment.un.org/content/documents/5987our-common-future.pdf> (дата обращения: 23.01.2024).
- 4 Авраменко, А.А. Устойчивое развитие в условиях глобальной трансформации // Устойчивое развитие: новое мировоззрение (приоритеты в области образования), под ред. В.М. Захарова. М.: Московский университет им. С.Ю. Витте / Центр устойчивого развития и здоровья среды ИБР РАН. 2023. С. 16–19. URL: <https://esg-library.mgimo.ru/publications/ustoychivoe-razvitie-novoe-mirovozzrenie-prioritety-v-oblasti-obrazovaniya/?ysclid=Irfnpatpn563557229>.

«Ни воды, ни войны»: проблема пресной воды в международных отношениях первой четверти XXI века

Лихачева Анастасия Борисовна, НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

Контактный адрес: alikhacheva@hse.ru

АННОТАЦИЯ

В статье сопоставляется динамика состояния водной проблемы с начала XXI в., последовательно ухудшающегося в большинстве регионов мира, с его внешнеполитическим измерением. Автор констатирует переход от глобального водного алармизма 1990-х гг. к вызовам для малых и средних держав, в решении проблем которых деятельно пока не заинтересован ни один крупный актер. Пресная вода, несмотря на лозунги конца прошлого столетия о грядущих водных войнах, «голубой нефти» и «новом золоте» XXI в., не стала и, вероятно, не станет причиной противостояния великих держав, а средние и малые пока ограничиваются вполне традиционными формами конфликтов, в том числе в бассейнах Тигра, Евфрата и Иордана, которые на протяжении десятилетий рассматривались в качестве полигонов будущих водных войн. Это, однако, не отменяет важнейшей роли водных объектов и экосистем в стимулировании развития или, напротив, консервации бедности и отсталости целых регионов. Водные объекты остаются предметом конкуренции как важный источник водоемкой продукции, которая может быть преобразована в ценные активы – водоемкие товары, энергию или способность достижения более высокого уровня Индекса человеческого развития. И, разумеется, могут послужить поводами для обострения этноконфессиональных и политических конфликтов. В этом контексте рассматривается и потенциал России, второй водной державы в мире, как в непосредственном регулировании региональных водных вызовов, так и в изменении подходов международных организаций и объединений, где Москва играет заметную роль.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

вода, водные конфликты, международное сотрудничество, водные войны, международные режимы

Введение

XXI в. международное сообщество встречало с амбициозными Целями тысячелетия ООН. Решение водной проблемы для полутора миллиардов людей значилось в них одним из приоритетов. Это был естественный ответ на феномен водного алармизма начала 1990-х гг., когда предсказания войн за воду усугублялись пессимистичными прогнозами климатологов по поводу состояния водных бассейнов при инерционном водопользовании.

За первую четверть XXI в. водная проблема объективно обострилась в большинстве регионов мира: уровень водного стресса, число людей, страдающих от жажды, ограниченного доступа к качественной воде и санитарии возросли в Азии, Африке, на Ближнем Востоке, в Латинской Америке. Истощение водных экосистем усугубилось в большинстве регионов мира, число и масштабы водных экстремумов – засух, наводнений – ежегодно бьют рекорды.

Тем не менее, в отличие от «зеленой» повестки, которая стала ответом на проблему изменения климата, в управлении глобальным водным вызовом не разработано никаких структурных инноваций. На сегодня глобальные усилия в этой сфере сводятся преимущественно к сумме национальных и крайне редко – региональных (на уровне того или иного международного водного бассейна) действий.

Однако обострение ситуации не привело к вспышке ожидавшихся войн за воду. В трех водных бассейнах, считающихся еще с конца XX в. высоко конфликтогенными именно с точки зрения водной безопасности – это бассейны Тигра, Евфрата и Иордана, ожесточенное противостояние и вооруженные конфликты начались не из-за воды. За указанный период водная проблема не стала экзистенциальной угрозой ни для одной великой державы, а конфликты и соперничество США и Китая или России и США, и даже делящих бассейн Брахмапутры Китая и Индии в последнюю очередь можно объяснить конкуренцией за водные ресурсы.

«Вода как оружие» – практически недопустимое нарушение гуманитарного права в начале XXI в. – становится практически нормой на фоне общего роста числа конфликтов в мире. Авиацисонные, артиллерийские и кибератаки на ГЭС и другие объекты водной инфраструктуры стали неотъемлемой частью военных кампаний и гибридных операций в бассейне Днестра, Иордана, Нила, Тигра и Евфрата, и даже имели место в штате Нью-Йорк (речь о кибератаках). Они приводят лишь к умеренно-неодобрительным реакциям международного сообщества и призывам «соблюдать международное гуманитарное право и прилагать максимум усилий для защиты гражданских объектов и населения», как отметил постпред Китая при ООН Чжан Цзюнь в ходе заседания Совета Безопасности ООН после подрыва Каховской ГЭС 7 июня 2023 года.¹

Параллельный анализ состояния водных ресурсов в мире и международных подходов в их отношении с начала XXI в. позволяет сформулировать следующую

1 Заседание Совбеза ООН: Россия и Украина обвиняют в подрыве Каховской плотины друг друга // Новости ООН. 6 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/06/1441772> (дата обращения: 23.11.23); Россия и Украина зеркально поговорили // Коммерсантъ. 7 июня 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6029252> (дата обращения: 23.11.23).

гипотезу. Несмотря на объективное и долгосрочное ухудшение ситуации с обеспеченностью водными ресурсами в большинстве стран мира, это не спровоцировало переход водной проблемы из физической категории в военную плоскость, поскольку водная проблема как таковая в ее нынешнем состоянии не имеет военных решений.

Тем не менее данную статью не стоит считать источником политического оптимизма. Негативные социально-экономические и политические эффекты водной проблемы на национальном уровне доказаны, а это само по себе способно быть фактором, влияющим на международную безопасность, и, безусловно, может использоваться и используется как повод для усугубления международных конфликтов. Одновременно обострение политических и этноконфессиональных разногласий и конфликтов (разной степени интенсивности) негативно сказывается на прогрессе в решении трансграничных водных вопросов. Под конфликтами в данной работе понимаются не только вооруженные конфликты.

За рамками исследования остается подробный анализ сугубо национальных водных проблем. Качество воды и уровень доступа населения к источникам чистой воды (ЦУР 6 «Чистая вода») затрагиваются лишь инструментально, в части возможного влияния на социально-экономические процессы в стране, имеющие международную составляющую – миграцию, трансграничную эскалацию этноконфессиональных и политических противоречий. Основное внимание сфокусировано на подходах к решению международных водных проблем, таких как управление трансграничными водными бассейнами и уровнем конфликтности водной проблемы в них, водные ресурсы как внешнеполитический и внешнеэкономический актив.

Водная проблема (водные конфликты, решения по их преодолению и возможности для отдельных стран формировать международную водную стратегию) рассматривается в статье в рамках реалистской парадигмы в ее неореалистской трактовке с опорой на государства как на ключевых акторов, влияющих на развитие водной динамики как положительно, так и, наоборот, зачастую крайне негативно.

Структурно работа разделена на три части. Первая представляет водную проблему как международный феномен, раскрывает уникальность и характеризует физические параметры пресной воды как объекта международных отношений. Также фиксируются актуальные наработки в области сотрудничества, преодоления водных вызовов через технологические и институциональные новации. Вторая часть описывает эволюцию международных подходов к осмыслению водной проблемы и актуальное состояние международной водной безопасности. В особенности автор статьи обращает внимание на односторонние действия в международных водных бассейнах: решений о строительстве плотин и отводных каналов становится все больше, а конфликтный потенциал подобных шагов максимален. Наконец, последняя часть статьи посвящена анализу и рекомендациям по выработке новых подходов для России, второй водной державы мира и первой водной державы Евразии, в отношении международных водных вызовов.

В заключении приводятся основные выводы и предлагаются направления для дальнейшей дискуссии. Главным образом такую дискуссию полезно сконцентрировать на разработке исследовательского инструментария,

способного моделировать и оценивать международные эффекты – риски, возможности, угрозы и шоки – от национальных водных кризисов и односторонних действий государств в международных водных бассейнах.

Вода и мир

Пресная вода – уникальный объект международных отношений в силу сочетания физических свойств (от трансграничности водных бассейнов и подземных водных горизонтов до незаменимости во всех цепочках добавленной стоимости), невозможности исключить ее из различных аспектов национальной и международной безопасности, роли в мировых религиях, национальной идентичности и культуре, статуса в международном праве. Эту специфичность и важность воды подчеркивал каждый Генеральный секретарь ООН как минимум с начала 1990-х годов¹.

Изменение климата, экспоненциальный рост населения и производства в XX и XXI вв., хищническое водопользование уже оказали прямое и негативное воздействие на доступные для человека качественные возобновляемые запасы пресной воды. Прямое последствие изменения климата во всех регионах мира – рост числа стихийных бедствий, чрезвычайных ситуаций и увеличение количества климатических экстремумов – засух, наводнений, рекордные осадки. Все это усугубляет водную проблему. По данным ООН², около двух миллиардов человек во всем мире не имеют доступа к безопасной питьевой воде³, и примерно половина населения мира испытывает острую нехватку воды по крайней мере часть года⁴. Ожидается, что эти цифры будут увеличиваться.

В то же время к 2024 г. ассортимент технологических и институциональных решений по смягчению водного вызова и на национальном, и на международном уровне широк как никогда. При наличии достаточного финансирования и политической воли водная проблема может быть сведена к перечню хозяйственных задач практически в любой климатической зоне – от пустыни с минимальным уровнем осадков, как в нефтяных монархиях Персидского залива, до тропиков с наводнениями и муссонами, как в Сингапуре.

«Меню» технологических решений охватывает все этапы взаимодействия человека с водными ресурсами: способность осуществлять точное наблюдение, контроль использования и прогнозирования «водных» ЧС; меры по увеличению объемов доступной пресной воды (опреснение, конденсат пара, подземные водные горизонты); повышение – в разы, а иногда и в десятки раз – эффективности использования имеющейся воды за счет сокращения потерь, технологий

- 1 S. Jerome, "A Brief History Of Water Conflict," Water Online. January 16, 2015, accessed November 25, 2023 <https://www.wateronline.com/doc/a-brief-history-of-water-conflict-0001>; Послание по случаю Всемирного дня водных ресурсов // Генеральный секретарь Пан Ги Мун. ООН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.un.org/ru/sg/messages/2014/waterday.shtml> (дата обращения: 23.11.23); Участники исторической конференции в Нью-Йорке приняли Программу действий по водным ресурсам // Новости ООН. 24 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2023/03/1439147> (дата обращения: 23.11.23); Кофи Аннан учредил Консультативный совет по вопросам воды и санитарии // Новости ООН. 22 марта 2004. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2004/03/1051341> (дата обращения: 23.11.23).
- 2 "Water – at the Center of the Climate Crisis," Climate Action, United Nations, accessed November 25, 2023, <http://surl.li/rmpbf>.
- 3 "Goal 6 – Clean Water and Sanitation," United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Statistics Division, accessed November 25, 2023, <http://surl.li/rmpcc>.
- 4 "Sixth Assessment Report," IPCC, October 2022, accessed November 25, 2023, https://www.ipcc.ch/report/ar6/wg2/downloads/outreach/IPCC_AR6_WGII_FactSheet_FoodAndWater.pdf.

повторного использования (очистки, перенаправления воды разных классов очистки на другие нужды, например, от бытового использования – в энергетику, снижения водоемкости производства); наконец, в мире работает рекордное количество ГЭС за всю историю человечества – более 65 тысяч.

«Меню» институциональных решений включает весь спектр международных взаимодействий в управлении совместными водными бассейнами: от базовых уровней (демаркация границы и водных источников, распределение квот водозабора, система компенсаций и штрафов) до полноценного совместного управления водными бассейнами и гидрообъектами (крупнейшая в мире ГЭС Итайпу между Бразилией и Парагваем, совместные бассейновые комиссии с мандатом на полный мониторинг водопользования в бассейне – Комиссия по Дунаю (11 стран), Комиссия Великих озер между США и Канадой, Водная инициатива Большого Меконга (5 стран) и др.). Однако с учетом того, что за пять лет (с 2018) заключено всего 10 международных соглашений с субстантивными решениями в области управления совместными водными бассейнами (пять из которых пришлось на Центральную Азию), говорить о востребованности институциональных решений не приходится.

Помимо отсутствия в ряде случаев политической воли, структурным ограничением для внедрения перечисленных инноваций выступает отсутствие эффективных финансовых механизмов. В отличие от зеленой экономики, финансовых инструментов экономики пресной воды не создано. Осталась нерешенной проблема бенефициара (общества в случае внедрения новых водохозяйственных решений) и инвестора (непосредственно финансирующего крайне капиталоемкие инвестиции с длительным горизонтом возврата), не создано регулирования, навязывающего необходимость водных инвестиций (для сохранения конкурентоспособности, допуска на рынки, получения субсидий и долгового финансирования и т.п.).

Сама философия «зеленого» подхода (сосредоточение на выбросах парниковых газов) получила распространение в странах Европейского Союза как борьба ради будущих поколений. Однако для многих стран, в том числе соседей и партнеров России в мире, водная проблема – проблема не будущих, а сегодняшних поколений, их родителей, а в ряде случаев бабушек и дедушек. Поэтому концентрация усилия на «зеленой», а не «синей» повестке создает отягчающие структурные обстоятельства для поколений, живущих в водедефицитных странах и странах, где водного дефицита как такового, по классификации ООН, на сегодня нет, но остается все меньше воды для активного развития, перехода этих государств из категории стран с низким уровнем дохода хотя бы к среднему уровню. Таким образом, сверхконцентрация на зеленой повестке наносит прямой урон повестке синей. Обостряются такие проблемы, как сезонность великих рек Азии, частые засухи и наводнения, более рискованное земледелие, но синих облигаций, страховок и таксономий не появляется.

Как такового комплексного подхода международного сообщества и даже крупных региональных интеграционных объединений к водной проблеме нет. Европейская инициатива – замечательный пример водной дипломатии, очень умный подход к управлению водными ресурсами, но воплотить принципы и использовать бюджет данной водной инициативы в странах Центральной Азии и

на Ближнем Востоке пока не удалось. Поэтому пока вопрос «синего» лидерства остается открытым. В эту нишу начинают проникать новые игроки, например Саудовская Аравия, которая в 2023 г. учредила Глобальную водную организацию¹, однако оценить эффективность предлагаемых мер и готовность непосредственно инвестировать в технологические решения за рубежом предстоит оценить.

На сегодня мировой водный ландшафт выглядит как все быстрее деградирующая экосистема, несмотря на наличие технологических адаптационных решений и успешных примеров международных договоренностей для управления водными бассейнами. Но наличие лучших практик проблему не решает, и ключевым препятствием видится именно международно-политическая трактовка водных вызовов различными странами. В своей работе, посвященной водным конфликтам на Ближнем Востоке, ведущий водный конфликтолог в мире А. Вульф уделяет самое пристальное внимание многочисленным возможностям, которые уже имеются в распоряжении сторон – технологическим и институциональным, – и наглядно показывает, что проблема в политической плоскости, а не в физических ограничениях водостока².

Вода как международная проблема

Цитируя Нобелевского лауреата А. Сена, сформулировавшего еще в начале 1980-х гг., что «не существует такой вещи, как аполитичная продовольственная проблема»³, Е. Лопез-Ган и ряд других авторов считают такой взгляд справедливым и в отношении воды⁴.

Однако новых предпосылок, что нас ожидают водные войны как таковые, не появляется. Этому посвящен обширный пласт исследований начиная с 2000-х гг., которые стали реакцией на водный алармизм 1980–1990-х годов. В книге Дж. Калпакян⁵ на трех региональных примерах (Нил, Евфрат и Инд) доказывалась и вовсе обратная гипотеза, что водные противоречия не приводят к международным конфликтам, в то время как международные конфликты ведут к обострению водных противоречий. Помимо классических для водных исследований показателей (гидрологические характеристики бассейна, структура водозабора, режимы водопользования, политические и военные конфликты в регионе), использована и категория национальной идентичности, включающая исторические противоречия между странами бассейна. Автор приходит к выводу, что страны никогда не воюют за воду как таковую, а причинами войн становятся, так или иначе, элементы идентичности государств.

Интересный пример – работа, в которой идея «водных войн» в условиях растущего спроса обсуждалась в форме, доведенной до абсолюта: «В случае острой засухи страны, конкурирующие за использование международных водных ресурсов,

1 "Saudi Arabia Launches New Global Water Organization," Smart Water Magazine, September 5, 2023, accessed November 25, 2023, <https://smartwatermagazine.com/news/smart-water-magazine/saudi-arabia-launches-new-global-water-organization>.

2 Wolf 2020.

3 Sen 1982.

4 Lopez-Gunn 2012.

5 Kalpakian 2004.

должны идти на обострение конфликта»¹. Исследование методом кейс-стади опровергло такую гипотезу, более того, подтвердило альтернативную ей: в период засух наблюдался всплеск сотрудничества между государствами. Когда речь идет о выживании населения – главной функции государства, – экономическое развитие и конкуренция отходят на второй план. Данное исследование, однако, не может считаться полноценным опровержением концепции «водных войн».

Причины военных конфликтов остаются традиционными, они увязаны с территориальными спорами, этноконфессиональными конфликтами, прокси-конфликтами великих держав. Для великих держав, т.е. стран, обладающих крупной совокупной мощностью и играющих ведущую роль на мировой арене, водная проблема практически не является международно значимой. Под последней понимается проблема, которую страна воспринимает как серьезную угрозу своей национальной безопасности. Предположить, что Китай и Индия как ядерные державы действительно начнут полномасштабную войну вокруг реки Брахмапутра, весьма затруднительно, подтверждений такому не содержится ни в доктринальных документах стран, ни в заявлениях высшего политического и военного руководства.

Снижение значимости водной проблемы для ведущих держав привело к тому, что мир сталкивается с вызовом международного значения, затрагивающим несколько миллиардов человек, создающим феномен сотен миллионов водных и экологических беженцев. Но в противодействии ему не заинтересован ни один крупный международный игрок. Это не создает позитивных предпосылок, особенно на фоне обострения международных конфликтов в Евразии и на Ближнем Востоке. Цель № 6 из перечня ООН в области устойчивого развития посвящена чистой воде и является любимой для крупных стран. О ней можно удачно рапортовать, что мы наблюдаем в российских, европейских и американских отчетах по устойчивому развитию. А структурный дефицит пресной воды становится проблемой тех, у кого недостаточно ресурсов для ее решения.

Недостача воды все больше влияет на внутреннюю ситуацию в уязвимых странах. Эффект подразумевает и прямые последствия – миграция из села в город, консервация бедности и отсталости, деградация экосистем, – и эффекты-импульсы к масштабным программам создания или обновления водохозяйственного комплекса, структурной трансформации региональных экономик. Одно из наглядных последствий таких «больших» решений – рост числа односторонних действий в международных водных бассейнах, возведение новых гидротехнических объектов, главным образом плотин и отводных каналов.

Флагманы каскадного строительства ГЭС в верхних течениях международных рек – Китай и Турция (с начала 2000-х), однако и Эфиопия с плотиной «Возрождение» (построена вопреки протестам Египта, заполнение водохранилища начато в 2023), и Киргизия и Таджикистан с программами развития малых, средних и крупных ГЭС, и Афганистан с отводным каналом из Амударьи (начало работ – 2023), реализуя суверенные права на водные ресурсы на собственных территориях, острее ставят вопросы управления водными ресурсами перед странами ниже по течению. Преодолеть разрыв национальных и бассейновых

1 Hamner 2008.

повесток удается пока только в случае вовлечения «нижних» стран в реализацию подобных проектов, либо инвестирования «верхних» стран в адаптационные проекты и проекты инфраструктурного развития в странах, расположенных ниже по течению. Подобные примеры есть и в Центральной Азии, и в бассейне реки Меконг, и в среднем течении Нила.

Однако в терминах жесткой водной безопасности начало XXI в. можно однозначно считать неудачным. За последние годы отмерла сама идея более гуманистического взгляда на водные инфраструктурные объекты как безусловно защищенные гуманитарным правом – бомбардировки ГЭС в Сирии в 2016 г.¹, широко освещавшиеся в СМИ разрушение Каховской ГЭС в 2023 г. и водная блокада Сектора Газа в 2023 г., кибератаки на водную инфраструктуру (только за пять лет кибератакам подверглись: в США – плотина Броумен², в Эфиопии – плотина Возрождение³, в Израиле – сельскохозяйственные насосы в Верхней Галилее⁴) «нормализовались» в международном политическом и информационном пространстве. Данные эпизоды не называют водными войнами, и это заводит в определенную когнитивную ловушку: раз анонсированные на самом высоком уровне «войны» не случились, ситуация не так плоха. Однако де-факто состояние проблемы как раз существенно деградировало с конца 1980-х гг., когда начался расцвет гидроалармизма.

Качество управления международными водными бассейнами остается производной от общего уровня политических отношений между странами и представляет собой частный случай теории режимов. Ситуаций, когда сначала был урегулирован вопрос по водным режимам и только после этого произошло улучшение политических отношений на стратегическом и высшем уровнях, нет. Более того, события в бассейнах Тигра и Евфрата с 2004 г. (война в Ираке, гражданская война в Сирии, борьба с ИГИЛ), Иордана с 2023 г. иллюстрируют, что ситуативное улучшение ситуации с водообеспеченностью или прогресс международных диалогов по управлению такими бассейнами никак не способны смягчить конфликт, лежащий в политической плоскости. Мы исходим из того, что влияние структуры международной системы, то есть характера взаимоотношений между ведущими игроками, на международную водную проблему, как в первую очередь межгосударственную, остается решающим. Однако одновременно объективное повышение уровня водного стресса вносит дестабилизирующий вклад в состояние региональной безопасности. Эти две тенденции приводят к тому, что растет число конфликтов, связанных с водой: увеличивается общая конфликтогенность, и это помножается на увеличение числа и размеров вододефицитных регионов.

- 1 Dave Philipps, Azmat Khan, and Eric Schmitt, "A Dam in Syria Was on a 'No-Strike' List. The U.S. Bombed It Anyway," *The New York Times*, January 20, 2022, accessed November 25, 2023, <https://www.nytimes.com/2022/01/20/us/airstrike-us-isis-dam.html>.
- 2 "Seven Iranians Working for Islamic Revolutionary Guard Corps-Affiliated Entities Charged for Conducting Coordinated Campaign of Cyber Attacks Against U.S. Financial Sector," Office of Public Affairs, U.S. Department of Justice, March 24, 2014, accessed November 25, 2023, <https://www.justice.gov/opa/pr/seven-iranians-working-islamic-revolutionary-guard-corps-affiliated-entities-charged>.
- 3 Tesfa-Alem Tekle, "Ethiopia 'Foils' Cyber-attack on Nile Dam, Financial Institutions," *The East African*, May 4, 2022, accessed November 25, 2023, <https://www.theeastafrican.co.ke/tea/rest-of-africa/ethiopia-foils-cyber-attack-on-nile-dam-3803726>.
- 4 Joby Warrick, Ellen Nakashima, "Foreign Intelligence Officials Say Attempted Cyberattack on Israeli Water Utilities Linked to Iran," *The Washington Post*, May 8, 2020, accessed November 25, 2023, https://www.washingtonpost.com/national-security/intelligence-officials-say-attempted-cyberattack-on-israeli-water-utilities-linked-to-iran/2020/05/08/f9ab0d78-9157-11ea-9e23-6914ee410a5f_story.html.

Хотя данная сфера (в силу природных качеств воды) требует координации действий государств бассейна, а в ряде случаев – межгосударственного сотрудничества (во избежание трагедии общин при использовании озер, подземных водоносных горизонтов и рек-границ) и разработки международных водных режимов, наблюдается почти повсеместное торжество водного «реализма». Исследования показывают, что технологические решения как таковые редко (если вообще когда-либо) играли определяющую роль при решении международных водных проблем¹. Такие дорогостоящие и во многом революционные с инженерной точки зрения проекты, как водоток между Малайзией и Сингапуром или плотина Итайпу, находящаяся в совместном пользовании Бразилии и Парагвая, никогда не могли бы быть построены без предварительного политического соглашения.

Таким образом, водный фактор играет и будет играть все более заметную роль в международных конфликтах в силу трех основных причин: в большинстве стран мира вода – это структурное ограничение и интегральная компонента продовольственной, энергетической, биобезопасности; дефицит воды вносит существенный вклад в рост социальной нестабильности в различных странах мира, особенно – наименее развитых и развивающихся; наконец, регулярно нарушается табу на прямые атаки гражданских водных объектов.

В этих условиях страны, обладающие обширными запасами пресной воды и достаточными мощностями для развития водоемких производств, получают не только дополнительные рыночные преимущества, но и возможность трансформировать это в ценный внешнеполитический актив в силу системной и долгосрочной секьюритизации водной проблемы в международных отношениях.

России как международная водная держава

Россия – вторая в мире страна по возобновляемым запасам пресной воды, на ее территории находится Байкал, крупнейшее пресное озеро в мире, и такие водные запасы – это, безусловно, стратегический ресурс, который пока используется преимущественно тактически. Проактивная позиция России в международной водной повестке практически отсутствует, хотя за 30 лет многое сделано и сказано куда менее влиятельными странами.

С точки зрения стандартного водного профиля особых вопросов нет, кроме качества внутренних вод, однако данная тема выходит за рамки статьи. В России протекает свыше 120 тыс. рек длиной более 10 км, их совокупная протяженность составляет 2,3 млн км. Ежегодный объем возобновляемых водных ресурсов оценивается в 4 202 км³. Хотя менее 5%² российских возобновляемых ресурсов пресной воды формируется вне территории России, она делит трансграничные воды практически со всеми соседями. Большая часть действующих соглашений была заключена в первое десятилетие после распада СССР, закрепляла существовавшее тогда распределение воды и накладывала на стороны обязательства по поддержанию ее надлежащего качества. Ряд спорных ситуаций имели место

1 Dinar et al. 2007; Bernauer et al. 2009.

2 Здесь и далее характеристика водных ресурсов приводится на основании данных FAO Aquastat.

на границах с Латвией, Эстонией и Азербайджаном, однако их удалось урегулировать.

Если на границах европейской части России соглашения достаточно детализированы, то соглашения с восточными соседями сложно назвать эффективными. Большинство из них не предусматривают механизмы санкций, межведомственные комиссии не становятся полноценным наднациональным органом управления бассейнами, не действуют многосторонние комиссии. Между тем именно на восточных границах зреют предпосылки к возникновению конфликтов интересов: на Амуре, его притоках, на Иртыше.

Амур – самая длинная речная граница в мире протяженностью 2 824 км – разделяет Россию и Китай. Это единственная крупная река в мире, в основном русле которой нет ни одной плотины¹, и страны имеют возможность контролировать полноводные притоки, но не общее русло. Основные риски для России связаны с промышленным загрязнением китайских притоков (прецеденты были), которые наносят прямой вред российским городам на Амуре и всей экосистеме реки.

Проблема Иртыша имеет другую природу: на реке последовательно расположены Монголия, Китай, Казахстан и Россия. В рамках государственной программы развития северо-западных территорий Китай построил два отводных канала на своей территории (общей протяженностью 380 км, главный канал – Иртыш – Карамай – Урумчи), что привело к резкому падению уровня воды, поступающей в Россию. Ситуация с Иртышом усугубляется тем, что из Китая река попадает в Россию не напрямую, а минуя Казахстан, и эффективных трехсторонних переговоров по Иртышу не ведется².

Парадоксально, но Россия – одна из немногих стран мира, где международная водная проблема пока не рассматривается как структурная. В современном мире это означает только отставание в выборе оптимальной стратегии при наличии явных конкурентных преимуществ. Последствия такой недальновидности предсказать не так трудно: как пишет А.В. Торкунов, «изоляция от глобальных процессов... даже частичная, неизбежно оборачивается падением конкурентоспособности, отставанием и, соответственно, оттеснением страны на мировую периферию»³. Если в Концепции национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., принятой 12 мая 2009 г., прямо говорилось о возможностях, открывающихся перед Российской Федерацией на фоне новых экологических вызовов: «усиление влияния экологических факторов, рост дефицита пресной воды и изменение климата ... создает дополнительные возможности для России, имеющей огромные запасы пресной воды и экологически благополучные территории», – то в Концепции национальной безопасности Российской Федерации, принятой 31 марта 2023 г., водный вопрос уже не затрагивается в международном измерении.

1 В 1960-е гг. был разработан советско-китайский план развития гидроэнергетического потенциала Амура, однако после разрыва отношений проект был заморожен. В 1991 г. было заключено Соглашение о совместном развитии гидроэнергетического потенциала на Амуре, однако после развала СССР к проекту так и не вернулись. Подробнее см. Базу международных соглашений Университета штата Орегон.

2 *Муратшина, К.* Иртыш в гидрополитике России, Казахстана и Китая // РСМД. 23 мая 2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/irtysh-v-gidropolitike-rossii-kazakhstana-i-kitaya/> (дата обращения: 23.11.23).

3 Торкунов 2009.

Несмотря на важность поддержания и существенного повышения качества внутренних вод, урегулирования вопросов трансграничного водопользования, стратегические возможности для России находятся именно в межрегиональной, глобальной водной повестке, на рынке глобальной и региональной торговли водоемкой продукцией уже в силу того, что на фоне усугубляющегося дефицита воды, пахотных земель и энергии в развитых и развивающихся странах Россия обладает наибольшим потенциалом развития сельского хозяйства и водоемких производств: целлюлозно-бумажных, нефтехимических, металлургических. Однако водный потенциал России далеко не исчерпывается экспортом водоемкой продукции. На концептуальном уровне Россия может играть существенную роль в международной водной повестке за счет четырех факторов: дипломатических и институциональных активов; космической группировки и линейки цифровых мониторинговых решений на ее основе; продовольственного экспорта; емкого рынка труда для регионов с существенным миграционным потенциалом, нарастающим из-за климатических и водных факторов.

Первым решением могла бы стать активная дипломатическая позиция для выработки модельных решений в отношении трансграничных рек в рамках институтов, где Россия активно участвует. В первую очередь речь идет о Евразийском Экономическом Союзе (ЕАЭС), поскольку трансграничные проблемы затрагивают российско-казахстанские реки (Иртыш, Урал) и водный вопрос между Киргизией и Казахстаном. Это перспективный «полигон», учитывая, что отношения между Россией и Казахстаном находятся на высоком стратегическом уровне, проблема Иртыша и Урала есть, и она де-факто симметрична, а между Киргизией и Казахстаном уже разработано самое эффективное регулирование трансграничных вод по рекам Чу и Талас в Центральной Азии. Более масштабная потенциальная площадка – Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), в которой участвуют все страны, имеющие острые трансграничные водные проблемы Большой Евразии. Включение водной повестки в проблематику ШОС, попытка выработки модельных решений сначала на малых реках, а потом предложение этих решений и для стран, делящих воду с Китайской Народной Республикой, для Индии, Пакистана, стало бы шагом в правильном направлении.

На базе действующих институтов эффективным решением является геокосмическое наблюдение за водными ресурсами – дипломатия водных данных. Из космоса при наличии современных технологий можно рассмотреть номер машины, но страны, делящие одну реку, не в состоянии договориться об обмене данными для прогнозирования наводнений, водного режима. Здесь Россия, имеющая собственную группировку спутников, в силах предложить интересный проект, что существенно помогло бы адаптации к водным стихийным бедствиям и организации переговоров по режимам водопотребления в деградирующих водных экосистемах.

Третьим решением может стать построение цепочки вода-продовольствие (*water-food nexus*). Здесь Россия как крупный экспортер продовольствия (зерна, в первую очередь) и удобрений для сельского хозяйства способна играть позитивную роль, когда конфликт из-за воды де-факто является конфликтом, вызванным необходимостью борьбы с голодом и социальными беспорядками, им вызванными. Российский агропромышленный комплекс (АПК), работающий как

экспортер и укореняющийся на вододефицитных рынках, может играть позитивную роль в смягчении связки «дефицит воды – риск голода».

Четвертое решение – приоритетное внимание к вопросам экологической и водной миграции. Проблема водных и экологических мигрантов известна давно, и пока она выглядит безнадежной. В этой связи Россия могла бы инициировать концептуализацию понятия экологического убежища и экологических мигрантов. Исследования вклада изменения климата и водной бедности в миграционные потоки, рост радикализации наиболее уязвимых слоев населения необходимы. При сохранении нынешней инерции высоки риски обострения проблем ксенофобии и дополнительные меры по защите границ вместо обращения к водным проблемам.

С точки зрения распределения задач между различными заинтересованными сторонами водную повестку можно разделить на три пакета: дипломатический, сервисный и торгово-инвестиционный. К первой группе – универсальной повестки урегулирования международных конфликтов – относятся: силовое урегулирование вооруженных столкновений, которое представляется наиболее ресурсоемким и нежелательным; дипломатическое посредничество в урегулировании вооруженных столкновений, что имело место, в т.ч. в рамках обострения между Киргизией и Таджикистаном осенью 2021 г.; дипломатическое посредничество в урегулировании невооруженных водных конфликтов, помощь в предотвращении водных конфликтов, содействие в разработке и имплементации новых режимов управления международными водными бассейнами в регионе (как гарант, посредник, держатель данных и т.п.) – важнейшее направление, в особенности с учетом потенциала действующих международных организаций, в которых участвует Россия, и опыта бассейнового управления СССР.

Ко второй группе, направленной на сервисную поддержку адаптации стран и регионов к структурному дефициту воды, относится широкий спектр услуг – цифровых, образовательных, финансовых: техническое содействие мониторингу и предотвращению ЧС, дипломатия данных, спутниковое наблюдение, моделирование водозабора на базе этих данных; подготовка кадров (гидрологи, сельское хозяйство, энергетика, МЧС); финансирование новых инфраструктурных проектов водно-энергетического комплекса.

Наконец, третья группа – преимущественно международная торгово-инвестиционная деятельность, физическая поддержка непосредственно на территории уязвимых стран и регионов: содействие в развитии энергетики (атомная энергетика, ГЭС, поставки замещающих углеводородов); поставки замещающей водоемкой продукции в регион, в первую очередь продовольствия, удобрений; имплементация решений в области безопасности водных объектов, в т.ч. кибербезопасности.

Если говорить о приоритетных регионах для подобных решений, то это, в первую очередь, Центральная Азия, водный фактор в которой играет все большую роль, в том числе в национальной повестке пяти государств. Второе направление – экспорт сервисных и торгово-инвестиционных решений в страны Ближнего Востока (пока преимущественно импортеры российского продовольствия) и Африки – перспективных, но пока слабо вовлеченных в каналы российского

экспорта и инвестиций. Третье направление – Китай не только как емкий рынок для российской водоемкой продукции (данное направление уже активно развивается), но и как страна-сосед, с которой Россия делит крупные водные бассейны, но пока не развивает их вместе.

Заключение

Вода, описание которой мы начали с ее уникальности в международных отношениях, интересна международникам в четырех ипостасях. Вода как причина международных войн – анонсированная, но пока не случившаяся. Вода, водная проблема как фактор – и все более заметный – дестабилизации региональной безопасности. Вода как повод для эскалации этноконфессиональных и политических конфликтов – все чаще. И наконец, новация последних лет: вода как оружие, объект вооруженных атак – и физических, и кибер – снова реальность в крупных и локальных водных конфликтах, как во времена средневековых осад.

С исследовательской точки зрения крайне востребована разработка инструментария, нацеленного на моделирование и оценку международных эффектов – рисков, возможностей, угроз и шоков – от национальных водных кризисов и односторонних действий государств в международных водных бассейнах. На основе подобных исследований – разработка новых решений и подходов в сфере адаптационных режимов управления международными водными бассейнами. Тем более что в силу изменения климата, демографической нагрузки и ограниченности финансирования странам все чаще приходится планировать водную политику не в терминах *win-win* или *zero-sum game*, а *not lose-not lose*.

С Конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро 1992 г. прошло больше 30 лет, и термин «водные войны» как квинтэссенция водных проблем прошел знаковую медийную кривую от главной грядущей проблемы XXI в., воды как новой нефти, воды как нового золота, того, из-за чего страны начнут воевать, к рутинному водному конфликту, который протекает в ряде стран мира точно так же, как и многие другие конфликты, далеко не всегда выливаясь в вооруженную плоскость.

Эксперты отмечают, что, несмотря на объективное ухудшение состояние многих водных бассейнов, «динамика водного конфликта часто возвращается не вокруг изменений окружающей среды и нехватки ресурсов, а вокруг политики и практики управления». Иными словами, как точно формулирует в своей последней книге доктор Д. Мишел, отсутствие политической воли определяет риски эскалации водных конфликтов куда в большей степени, чем уровень воды в той или иной реке¹. Соответственно, страны, обладающие политической волей и необходимыми ресурсами, могут превратить это в серьезные внешнеполитические активы. У России имеются большие возможности включиться в этот процесс и играть заметную роль на международной арене именно как водная держава, востребованная в вододефицитных регионах мира.

1 Michel 2020.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Торкунов, А.В. Мир становится другим // Мир и политика. 2009. № 1 (28). С. 6–20.

Torkunov, A.V. "Mir stanovitsya drugim," *Mir i politika*, no. 1 (2009): 6–20 [In Russian].

Bernauer, Thomas, and Anna Kalbhenn.

"The Politics of International Freshwater Resources." In *Potential Global Strategic Catastrophes: Balancing Transnational Responsibilities and Burden-sharing with Sovereignty and Human Dignity*, edited by Nayef R.F. Al-Rodhan. Berlin: LIT, 2009. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.1321034>.

Dinar, Ariel, Dinar, Shlomi, McCaffrey, Stephen, and Daene McKinney. *Bridges over Water: Understanding Transboundary Water Conflict, Negotiation and Cooperation*. River Edge, NJ: World Scientific 3, 2007. <https://doi.org/10.1142/6184>.

Hamner, Jesse H. "Until the Well is Dry: International Conflict and Cooperation over Scarce Water Resources." Phd diss. Emory University, 2008.

Kalpakian, Jack. *Identity, Conflict and Cooperation in International River Systems*. Farnham: Ashgate Publishing Ltd., 2004.

López-Gunn, Elena, Lucia De Stefano, and M. Ramón Llamas. "The Role of Ethics in Water and Food Security: Balancing Utilitarian and Intangible Values." *Water Policy* 14 (2012): 89–105. <https://doi.org/10.2166/wp.2012.008>.

Michel, David. "Water Conflict Pathways and Peacebuilding Strategies." *Peaceworks of United States Institute of Peace*, no. 164 (2020): 1–40.

Sen, Amartya, and Amartya K. Sen. "The Food Problem: Theory and Policy." *Third World Quarterly* 4, no. 3 (1982): 447–459. <http://www.jstor.org/stable/3990688>.

Wolf, Aaron T. "Middle East Water Conflicts and Directions for Conflict Resolution (1996)." In *A 2020 Vision for Food, Agriculture, and the Environment*. International Food Policy Research Institute (IFPRI) Brief 31, 2020.

Сведения об авторе

Анастасия Борисовна Лихачева,

к.полит.н., декан факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ
119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: alikhacheva@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 декабря 2023.

Переработана: 10 декабря 2023.

Принята к публикации: 15 декабря 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Лихачева, А.Б. «Ни воды, ни войны»: проблема пресной воды в международных отношениях первой четверти XXI века // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (4). С. 21–36.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-21-36>

“Neither Water, nor War:” the Problem of Fresh Water in International Relations of the First Quarter of the 21st Century

ABSTRACT

In this article, the author compares the objective dynamics of changes in the state of the water problem since the beginning of the 21st century, which has continued to worsen in most regions of the world, and its foreign policy dimension, noting the transition from the global water alarmism of the 1990s to the challenges for small and medium powers, in solving the problems in which no major actor is yet actively interested. Fresh water, despite the slogans at the end of the last century about future water wars, the “blue oil” and the “new gold” of the 21st century, has not become, and is unlikely to become, the cause of confrontation between great powers, while medium and small powers are still confine themselves to more traditional forms of conflict, including in the Tigris, the Euphrates and the Jordan basins, which have been seen for decades as a testing ground for future water wars. This does not negate the role of water bodies and ecosystems in promoting development or, conversely, in perpetuating the poverty and backwardness in entire regions. Waters remain in competition as an important source of water-intensive goods that can be converted into valuable assets – water-intensive goods, energy or the ability to achieve higher levels of the Human Development Index. And, of course, they can be used to exacerbate ethnic and political conflicts. This is where the potential of Russia, the world’s second water power, comes into play, both in terms of directly regulating regional water challenges and in influencing the approaches of international organizations and associations, in which Moscow plays a prominent role.

KEYWORDS

water, water conflicts, international cooperation, water wars, international regimes

Author

Anastasia B. Likhacheva,

PhD, Dean of the Faculty of World Economy and World Politics,
National Research University Higher School of Economics
17 Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017

e-mail: alikhacheva@hse.ru

Additional information

Received: December 1, 2023. Revised: December 10, 2023. Accepted: December 15, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Likhacheva, Anastasia B. "Neither Water, nor War": the Problem
of Fresh Water in International Relations of the First Quarter of the 21st Century."
Journal of International Analytics 14, no. 4 (2023): 21–36.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-21-36>

Продовольственная безопасность и климатическая повестка

Елена Александровна Маслова, МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Контактный адрес: e.maslova@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В эпоху глобализации и глобального распространения товаров, в том числе продуктов питания, проблеме продовольственной безопасности не всегда уделяется должное внимание, особенно в странах т.н. глобального Севера. Такой подход резко контрастирует с климатической повесткой, которая акцентирует внимание на экзистенциальной стороне продовольственной безопасности. Согласно отчетам Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), почти 12% населения планеты испытывают острую нехватку продовольствия, 29% – умеренную или острую нехватку продовольствия, почти каждый третий человек в мире (2,37 млрд) не имеет доступа к адекватному питанию, а распространенность недоедания достигла 9,8% в 2021 году. Эти негативные тенденции проявились задолго до пандемии коронавируса. Борьба с ней лишь усугубила ситуацию, усилив продовольственную небезопасность. Продовольственная безопасность тесно переплетается с другими т.н. глобальными проблемами современности, в частности с проблемой изменения климата на Земле. В этом контексте велика роль России как ведущего экспортера агропродовольственной продукции, в особенности пшеницы. В статье рассмотрена взаимосвязь проблем продовольственной безопасности и изменения климата, проанализирована эволюция их рецепции и формулирования подходов к их решению. Отдельно представлены факторы, влияющие на состояние продовольственной безопасности России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

глобальные проблемы, продовольственная безопасность, изменение климата, Доктрина продовольственной безопасности

Эволюция понимания продовольственной безопасности

Понимание продовольственной безопасности с течением времени эволюционировало. На смену «простой» ее интерпретации как продовольственной обеспеченности пришло «комплексное» понимание, подразумевающее не только способность обеспечить биологическое выживание, но и экономическую доступность продовольствия, его питательность и качество, устойчивость продовольственных систем и цепочек поставки.

Проблема продовольственной безопасности становится предметом международной озабоченности после Второй мировой войны. Недостаток продовольствия испытывали в первую очередь страны, участвовавшие в войне; в некоторых из них действовала система продовольственных карточек (в Германии, Италии, Великобритании), но тем не менее имел место голод¹. Именно с целью борьбы с голодом уже в 1945 г. было учреждено профильное агентство ООН – Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО)².

В начале 1950-х гг., особенно в тех регионах, где шел активный процесс послевоенного восстановления, наблюдалось увеличение спроса на товары, причем большинство из них импортировалось из США (в том числе по плану Маршалла). Растущий спрос на импортную продукцию способствовал дефициту долларов, что вызывало последующий платежный кризис в развивающихся странах. Многие государства с дефицитом продовольствия были вынуждены вводить жесткие ограничения на импорт, что стимулировало стремление добиться продовольственной самодостаточности. Достижение самообеспеченности стало общим местом многих национальных планов развития, даже в тех странах, где такая самообеспеченность была заведомо недостижима; при этом физическое наличие запасов продовольствия стало ключевым показателем продовольственной безопасности.

В 1960-х гг. в подходе к продовольственной безопасности по-прежнему доминировали соображения, связанные с предложением и физической доступностью продуктов питания. Как и раньше, одной из целей мирового сообщества виделось повышение доступности продовольствия в развивающихся странах, где прямая продовольственная помощь по-прежнему имела решающее значение, была инструментом борьбы с голодом и недоеданием. Кроме этого, большое значение имела материально-техническая помощь для производства продовольствия и сельскохозяйственной деятельности. Соответственно, понимание проблемы продовольственной безопасности сместилось от гуманитарной логики ликвидации излишков в пользу бедных в сторону технического прогресса в сельскохозяйственном секторе как важнейшего фактора увеличения валового сбора сельскохозяйственных культур.

1 Alfani, Gráda 2017.

2 Решение о создании ФАО было оформлено на Первой сессии ООН, которая прошла в Квебеке (Канада). Штаб-квартира ФАО располагалась первоначально в Вашингтоне, однако в 1949 г. на генеральной конференции ФАО было принято решение о переносе ее в Рим, и с 1951 г. ФАО располагается в Риме. Россия стала членом ФАО в 2006 году.

Семидесятые годы стали важной вехой в осмыслении проблемы продовольственной безопасности. Это во многом было связано с экономическим кризисом и общей нестабильностью (нефтяные шоки 1972–1973 гг., 1979 г., крах Бреттон-Вудской системы). Продовольственная безопасность стала ключевой темой Всемирной продовольственной конференции 1974 г.¹ – с позиции продовольственной обеспеченности как гарантирования необходимого количества питания и стабильности цен на базовый набор продуктов как на национальном, так и на международном уровне. На протяжении 1970-х гг. дебаты о продовольственной безопасности все еще фокусировались в основном на коллективной способности стран мира производить достаточно продовольствия, чтобы прокормить растущее население. Однако экономический доступ к продовольствию рассматривался уже как не менее важный. В 1972 г. вышел первый доклад Римского клуба «Пределы роста», авторы которого определили пределы роста народонаселения Земли, когда ограничение по продовольствию (голод) прямо сокращает население². На том этапе продовольственная безопасность рассматривалась как своего рода национальная самообеспеченность, способность национального государства самостоятельно производить необходимое количество продовольствия для удовлетворения базовых потребностей населения.

В 1979 г. Всемирная конференция по аграрной реформе и развитию сельских районов выделила эти направления в качестве основной составляющей стратегий борьбы с бедностью. В 1970-е гг. особое внимание уделено проблемам справедливости, распределения богатства и политической власти, вопросам доступа к земле и реформе законов об аренде. Экономический рост не считался достаточным для обеспечения сбалансированного и устойчивого развития и ликвидации бедности.

В 1980-е гг. с либерализацией торговли, развитием глобальных торговых и производственных цепочек фокус расширился – речь шла уже не только о доступе, но и доступности продуктов питания; доступность становится не только физической, но и экономической, то есть концепция продовольственной безопасности дополняется экономическими факторами.

В середине 1980-х гг. тяжесть экономического кризиса, его негативные последствия для бедных слоев населения, рост уровня бедности и продолжительный голод в Африке (1983–1985) привели к тому, что проблема продовольственной безопасности вновь стала предметом пристального внимания и дискуссий. 1980-е гг. стали поворотным пунктом в международном академическом восприятии и подходе к концепции продовольственной безопасности: чрезвычайные ситуации с продовольствием больше не рассматривались как просто факт недостатка поставок продовольствия, вместо этого они стали трактоваться как потеря доступа к продовольствию для бедных слоев населения. Пришло понимание, что наличие достаточного количества продовольствия на национальном уровне не означает автоматического обеспечения продовольственной безопасности на уровне отдельных людей и домохозяйств.

1 Всеобщая декларация ликвидации голода и недоедания // Организация Объединенных Наций, 17 декабря 1974. [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/hunger.shtml (дата обращения: 01.12.2023).

2 Барабанов, Маслова 2019.

Начало 1990-х гг. пришлось на тектонические сдвиги в международных отношениях. В первой половине 1990-х приоритетом стратегий развития стало сокращение бедности и нищеты (как глубинных причин голода), которое во многом вытеснило цель обеспечения продовольственной безопасности. Голод стал больше ассоциироваться с войнами и кризисами. Продовольственная безопасность, в том виде, в котором она существовала в первой половине 1990-х гг., была не вопросом политики, а проблемой управления поставками продовольствия в сложных политических чрезвычайных ситуациях, в которых основными характеристиками были социальные и политические потрясения.

В 1990-е гг. состоялась серия крупных международных событий – глобальных саммитов по вопросам развития. Конференции ООН стимулировали и подтвердили приверженность государств и правительств разработке планов действий по решению глобальных проблем, одной из которых и является продовольственная безопасность. Состоялись такие конференции, как Всемирный саммит в интересах детей ЮНИСЕФ 1990 г., на котором, среди прочего, рассматривались вопросы питания детей в возрасте до пяти лет; Международная конференция по питанию ФАО и ВОЗ 1992 г., на которой была поставлена задача ликвидации голода и смертей, связанных с голодом, сокращения всех форм недоедания; Всемирный продовольственный саммит ФАО 1996 г., на котором было подтверждено право каждого человека на доступ к безопасной и питательной пище в соответствии с правом на достаточное питание и основным правом каждого человека быть свободным от голода.

Таким образом, в 1990-е гг. начинается новый период переосмысления продовольственной безопасности. Знаковым событием стало проведение Всемирного продовольственного саммита 1996 г. и последовавшее принятие Римской декларации о всемирной продовольственной безопасности и Плана действий Всемирного саммита по продовольственной безопасности¹. Международное сообщество приняло цель сократить вдвое число недоедающих людей в мире к 2015 г. путем объединения усилий на национальном, региональном и международном уровнях. Примечательно, что эта цель была гораздо скромнее той, что была принята Всемирной продовольственной конференцией 1974 г., поставившей целью полное искоренение голода. Саммит не призывал и к новым инициативам по борьбе с голодом. Вместо этого лидеры 185 стран и ЕС, представленных на конференции, сосредоточились на более эффективном распределении имеющихся ресурсов и критически отметили отсутствие твердых обязательств и действий.

В Римской декларации подчеркивалась многомерность самого понятия продовольственной безопасности, которое, помимо доступа и доступности продовольствия, перекликается с такими темами социально-политического и экономического развития, как стабильность, паттерны производства и потребления, гендерное равенство, защита окружающей среды, коррупция, конфликты и войны. Бедность и нищета признаются основными негативными факторами, влияю-

1 "Rome Declaration on World Food Security," FAO, 1996, accessed December 01, 2023, <https://www.fao.org/3/w3613e/w3613e00.htm>.

щами на продовольственную безопасность. Развивается «право на еду» – право на достаточное питание (*right to adequate food*)¹. Ключевым элементом в достижении продовольственной безопасности представляются торговля и соответствующая торговая политика, направленная на либерализацию торговли продукцией агропродовольственного комплекса (АПК).

В сентябре 2015 г. государства-члены ООН приняли новую глобальную повестку в области устойчивого развития на период до 2030 г. (17 целей устойчивого развития)², заложив цель достижения «нулевого голода» (цель № 2) – «ликвидировать голод, достичь продовольственной безопасности и улучшенного питания и содействовать устойчивому сельскому хозяйству».

Таким образом, сегодня продовольственная безопасность не означает «продовольственную автаркию». Подход ООН и ФАО сочетает в себе следующие компоненты: а) продовольственную обеспеченность (физическую доступность); б) экономическую доступность; в) питательность и качество; г) соблюдение принципов устойчивого развития на протяжении всей продовольственной цепочки. Все большее внимание уделяется не только экологичности производства, но и здоровой диете, доступной всем.

Таким образом, начиная с послевоенных лет проблема продовольственной безопасности и ее понимание эволюционировало – от простого восприятия как физической недостаточности продовольствия до комплексного формирования концепции с учетом экономических факторов и концепции устойчивого развития. Достижение продовольственной безопасности как цель фиксируется как на глобальном уровне (ЦУР ООН), так и национальных, где государства вырабатывают свои документы и подходы к решению проблемы.

Теоретическое осмысление продовольственной безопасности

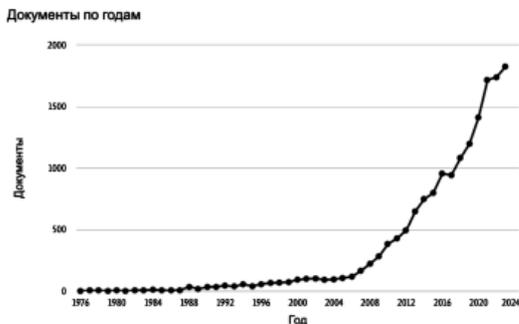
Проблема продовольственной безопасности как объект исследования отличается мультидисциплинарностью, что повлияло на количество исследований по данной проблематике (на сегодняшний день³ больше всего статьей по тематике опубликовано в следующих областях наук, в порядке убывания: сельскохозяйственные и биологические науки; науки об окружающей среде; социальные науки; медицина; инженерия). Первые академические статьи начинают публиковаться во второй половине 1970-х гг.⁴

Если говорить об исследованиях продовольственной безопасности в области социальных наук, то, во-первых, можно констатировать, что интерес к данной проблематике растет – тому свидетельство увеличивающееся число публикаций: начиная с двух статей за 1976 г. до 1825 за 2023-й г., при этом рост наметился во второй половине 2000-х гг. (см. График 1).

1 В итоговой декларации саммита рекомендовано разработать кодекс поведения в области права на достаточное питание. Этот кодекс появился в 1997 г.
2 "Transforming our World: the 2030 Agenda for Sustainable Development," United Nations, 2015, accessed December 01, 2023, <https://sdgs.un.org/2030agenda>.
3 Согласно данным реферативной базы "Scopus", начиная с 1975 г. и по 2023 г.
4 Согласно реферативной базе "Scopus", первая статья датируется 1975 г. (Biswas, Margaret, and Asit Biswas. "World Food Conference: A Perspective." *Agriculture and Environment* 2, no. 01 (1975): 15-37. [https://doi.org/10.1016/0304-1131\(75\)90003-X](https://doi.org/10.1016/0304-1131(75)90003-X)).

График 1.

ПУБЛИКАЦИИ ПО СЛОВСОЧЕТАНИЮ «ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ»
PUBLICATIONS ON THE TERM "FOOD SECURITY"

Источник: составлено автором на основе данных реферативной базы "Scopus," 1976–2023.

Одно из магистральных направлений исследований посвящено уровню анализа продовольственной безопасности. Она может анализироваться на глобальном, национальном, региональном, домашнем или индивидуальном уровне. Отмечается, что обеспечение продовольственной безопасности на том или ином уровне требует применения различных практик и политик¹. В 1970-е гг. в фокусе были национальная самообеспеченность и баланс спроса и предложения на продовольствие; в 1980-е – доступ к продовольствию и право на еду, однако имела место некая неясность, что есть единица анализа – личность или домохозяйство. Нобелевский лауреат по экономике А. Сен инициировал изменение подхода, чтобы расширить анализ проблемы – до внимания к проблеме непосредственного доступа, с которой сталкиваются миллионы домохозяйств и отдельных индивидов². А. Берг связывает индивидуальный уровень с национальным, подчеркивая, что недоедание является препятствием для национального развития³. Л. Джой рассматривает равновесие питания и продовольствия в мире, говоря, что проблема заключается в дефиците калорий, а не белков, и возникает она из-за недостаточного эффективного спроса на продовольствие, а не в результате недостаточного предложения⁴. Начиная с 1990-х гг. доступ к продовольствию стал рассматриваться в рамках отдельных членов домохозяйства и распределения ресурсов внутри домохозяйства. Здесь стоит упомянуть труды таких авторов, как С. Максвелл и М. Смит⁵, которые пишут о важности обеспечения продовольственной безопасности на уровне домохозяйств; при этом ключевыми факторами, влияющими на должное обеспечение продовольствием, являются: планирование питания, развитие села, устойчивость окружающей среды⁶.

Таким образом, ученые приходят к одному из главных концептуальных выводов, согласно которому достаточное наличие продовольствия на глобальном уровне не означает обеспечения стабильного доступа к нему для всех людей.

1 Thomson, Metz 1996.

2 Sen 1981.

3 Berg 1973.

4 Joy 1973.

5 Maxwell 1996; Maxwell, Frankenberger 1992; Maxwell 2001.

6 Maxwell, Smith 1993.

Согласно оценкам, в мире производится достаточное количество продовольствия на душу населения, однако сотни миллионов людей не обеспечены продовольствием на достаточном уровне. Соответственно, отсутствие продовольственной безопасности – это не просто проблема, связанная с производством продовольствия, но и проблема доступа к нему. На уровне индивидов и домохозяйств голод и недоедание связаны с такими проблемами, как бедность и неравенство, политическая конъюнктура, войны и конфликты. Все это – традиционные факторы, которые дополняются относительно новыми, такими как изменение климата, спрос на биотопливо и волатильность цен на продовольствие.

Оценка продовольственной безопасности на различных уровнях требует формулирования концептуальной рамки. Имеют место различные концепции определения продовольственной безопасности, представляющие собой схемы анализа: неоклассическая; устойчивого жизнеобеспечения; экономики домашнего хозяйства; устойчивости и другие¹. Окружающая среда и климат являются значимыми составляющими не одной концепции. Так, например, концепция устойчивого жизнеобеспечения выделяет отдельно «природный капитал» как запас природных ресурсов, на которые люди полагаются и которые используют для расширения или увеличения средств к существованию, в том числе для производства сельскохозяйственной продукции и продовольствия.

Если мы говорим о типологии продовольственной безопасности, то природные условия, климат и его изменения также вносят значимую лепту при складывании двух макро-типов продовольственной небезопасности – хронической и временной. Так, временное отсутствие продовольственной безопасности может быть результатом стихийных бедствий, сезонного колебания климата². При этом, если мы говорим о существенных климатических трансформациях, то они способны вызвать не сезонные колебания, а постоянные (хронические). Таким образом, природно-климатический фактор нельзя игнорировать при анализе продовольственной безопасности на любом уровне.

Климатические изменения как фактор продовольственной безопасности

В 2022 г. ООН констатировала, что «мир не находится на пути» к достижению цели «нулевого голода» к 2030 г. Вопреки заявленной политике, с 2014 г. число голодающих в мире растет. Ожидается, что к 2030 г. около 8% населения Земли будет испытывать голод, что соответствует числу голодающих в 2015 г.

Решение проблемы продовольственной безопасности невозможно в отрыве от решения других глобальных проблем. Согласно регулярным докладом ООН и ФАО, основными вызовами и факторами отсутствия продовольственной безопасности являются: конфликты и войны; климатические потрясения и экстремальные погодные явления; экономические замедления и спады; бедность и неравенство. Они не ослабевают и все чаще встречаются в сочетании друг с

1 См., например, Sassi 2018.

2 Sassi 2015.

другом. Сейчас, как никогда ранее, проблема продовольственной безопасности переплетается с другими проблемами.

Помимо классического экономического фактора, другим, набирающим все большую значимость, становится фактор климатический и экологический. Еще в 2000-е гг. было принято считать, что продовольственная безопасность все менее зависит от погоды, связка «неурожай – голод» ослабевает, а все большую важность приобретают социально-политические трансформации, а также конфликты и войны. Однако нынешние доклады ФАО свидетельствуют о том, что экстремальные климатические изменения («климатические шоки») являются одним из важнейших факторов продовольственных кризисов. По данным 2019 г., экстремальные погодные условия и экономические потрясения в этой связи приобретают все больший вес¹.

Погодные явления, не говоря о «климатических шоках», оказывают первоочередное влияние на урожай и ведение сельского хозяйства, способны провоцировать сбои в производственно-потребительских цепочках. Кроме этого, неурожай провоцирует рост цен, что влечет за собой социально-экономическую напряженность – как в стране-потребителе, так и в стране-производителе.

На сегодняшний день наибольший урон наносят засухи и наводнения – и это не спорадические стихийные бедствия (хотя их количество выросло в два раза с 1990 по 2016)², а именно следствие климатических изменений. В докладе агентства ЕС по окружающей среде говорится, что климатические перемены способны изменить структуру агропромышленного производства ЕС. Прогноз следующий: урожайность сельскохозяйственных культур в странах Средиземноморья снизится, в то время как в северных и западных областях вегетационные сезоны станут более длительными, что позволит там интенсифицировать ведение сельского хозяйства.

В наибольшей степени климатические изменения (прежде всего речь идет о повышении температуры) затронут Южную Европу (Италию, Грецию, Португалию, Испанию и юг Франции), что приведет к сокращению земель, пригодных для сельского хозяйства, и снижению производства³. По прогнозу, к 2100 г. стоимость сельхозугодий в этих областях снизится на 60-80%, 2/3 из которых придутся на Италию, где совокупные потери могут составить от 58 до 120 млрд евро⁴. Под угрозу ставится сохранение виноградарства в исторических южных регионах Европы (в частности, в Италии и на юге Франции).

Сегодня сельскохозяйственное использование остается одним из главных факторов деградации земель и утраты биоразнообразия. При этом около 38% поверхности суши составляют именно сельскохозяйственные угодья (1/3 из которых используется для пахотных земель, остальное составляют пастбища)⁵.

1 "Global Report on Food Crises," Food Security Information Network, 2020, accessed December 01, 2023, https://www.fsinplatform.org/sites/default/files/resources/files/GRFC_2020_ONLINE_200420.pdf.

2 *Антоневич, К.В.* Продовольственная безопасность и климат // YouTube. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://www.youtube.com/watch?v=ZNoQL0tWF2c&list=PLhokxMQVG0jW14kQ6ygbwz9cp_jae_ikE&index=15 (дата обращения: 01.12.2023).

3 "Climate Change will Dramatically Devalue Farmland in Southern Europe, EU Agency Reveals," Euractiv, September 04, 2019, accessed December 01, 2023, <https://www.euractiv.com/section/agriculture-food/news/climate-change-will-dramatically-devalue-farmland-in-southern-europe-eu-agency-reveals/>.

4 Ibid.

5 "Land use in Agriculture by the Numbers," FAO, May 07, 2020, accessed December 01, 2023, <http://www.fao.org/sustainability/news/detail/en/c/1274219/#:~:text=Globally%2520agricultural%2520land%2520area%2520is,and%2520dati%2520FAO.>

Структуры ООН фиксируют, что с ростом населения и его продовольственных потребностей возрастает нагрузка на почву – удельная глобальная площадь пахотных земель сокращается (примерно с 0,45 гектара на душу населения в 1961 г. до 0,21 гектара на душу населения в 2016¹).

Сокращение сельскохозяйственных земель вписывается в европейское видение общей сельскохозяйственной политики. В то же время ЕС намерен компенсировать потребление за счет импорта продовольствия из третьих стран, где не всегда соблюдаются высокие экологические стандарты. Повышение спроса со стороны ЕС может лишь ухудшить экологическую ситуацию в развивающихся странах, где всплеск спроса будет провоцировать наращивание производства, сопровождающееся, например, вырубкой тропических лесов². Именно это обстоятельство является предметом громкой дискуссии о ратификации уже подписанного соглашения о создании ЗСТ между ЕС и МЕРКОСУР.

При полном цикле производства продовольствия выделяется значительное количество парниковых газов³. При этом большая их часть приходится на сам процесс производства. Производство красного мяса является «наименее устойчивым» – оно требует несравненно большей площади сельхозугодий, в то время как сами животные также выделяют метан. Этот сюжет приобретает особую климатическую актуальность на фоне не только растущего, но и богатеющего населения Земли, которое может позволить себе белковую диету. С 1971 по 2010 г. производство мяса в мире утроилось⁴ и продолжает расти. В свою очередь, это требует больше природных ресурсов. Считается, что логичным путем, кроме улучшения производственных практик и внедрения технологий, станет увеличение цен на натуральную мясную продукцию.

Изменение климата увеличит стоимость ресурсов для производства продуктов питания. В первую очередь, это необходимые для этих отраслей водные и энергетические ресурсы. Проблему продовольственной безопасности следует рассматривать в триединстве: продовольствие – вода – энергия. Недостаток и / или удорожание одного ресурса влечет за собой удорожание другого. Если прогрессирующие темпы изменения климата не будут быстро сокращены, то проблема доступа к водным ресурсам будет все более острой, а доступ к энергии, возможно, станет более дорогим в период «зеленого перехода», цены на продовольствие в мире будут только расти.

Процессы изменения климата, наряду с конфликтами и войнами, бедностью и неравенством, являются основными вызовами и факторами продовольственной безопасности в мире, при этом перечисленные факторы не ослабевают и все чаще встречаются в сочетании друг с другом.

Глобальное сельское хозяйство становится все более неустойчивым в силу изменения климата, а также ограниченности земельных и водных ресурсов.

1 "Land use in Agriculture by the Numbers," FAO, May 07, 2020, accessed December 01, 2023, <http://www.fao.org/sustainability/news/detail/en/c/1274219/#:~:text=Globally%2520agricultural%2520land%2520area%2520is,and%2520dati%2520FAO>.

2 Elena Maslova. "The European Union Green Wars," Discussion Club "Valdai", April 03, 2020, accessed December 01, 2023, <https://valdaiclub.com/a/highlights/the-european-union-s-green-wars/>.

3 Hannah Ritchie, Pablo Rosado, and Max Roser. "Environmental Impacts of Food Production," Our World in Data, 2022, accessed December 01, 2023, <https://ourworldindata.org/environmental-impacts-of-food>.

4 Ibid.

К числу наиболее острых вызовов следует отнести тенденции опустынивания и крупных засух, которые могут вызвать масштабный голод и продовольственную несостоятельность целых стран. Это, в свою очередь, вызовет прирост миграционных потоков и гуманитарные катастрофы.

Подъем уровня Мирового океана может привести к затоплению и выводу из сельскохозяйственного оборота значительных территорий на приморских низменностях, что также создаст предпосылки для продовольственного кризиса. Следует также отметить политизированные дискуссии о последствиях изменения климата для умеренных и бореальных областей Земли. Нередки завышенно оптимистические оценки, согласно которым в силу потепления эти регионы превратятся в скором будущем в своего рода «счастливые субтропики» с климатом, пригодным для ведения сельского хозяйства. В ответ на это звучат предостережения о последствиях таяния вечной мерзлоты¹.

Факторы, влияющие на продовольственную безопасность России

Продовольственная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности. Первая Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации была утверждена в 2010 г., за ней последовала доктрина 2020 года. Продовольственная безопасность понимается в них как физическое и экономическое наличие продовольствия, отвечающего необходимым требованиям, в том числе требованиям ЕАЭС.

Документ имеет лишь некоторый «зеленый» оттенок: долгосрочные цели включают устойчивое развитие и модернизацию сельского и рыбного хозяйства и инфраструктуры внутреннего рынка; развитие сельскохозяйственного производства, сырья и продовольствия, отвечающего установленным экологическим, санитарно-эпидемиологическим, ветеринарным и другим требованиям; восстановление и улучшение сельскохозяйственных земель; усилия по предотвращению истощения сельскохозяйственных земель и повышению рационального их использования; защиту и сохранение сельскохозяйственных земель от водной и ветровой эрозии и опустынивания; создание высокопродуктивного сельскохозяйственного сектора, развивающегося на основе современных технологий. В отличие от предыдущей версии 2010 г., в Доктрине продовольственной безопасности 2020 г. большее внимание уделяется климатической угрозе, вызванной неблагоприятными климатическими изменениями, аномальными природными явлениями, деградацией земель и снижением их плодородия.

На продовольственную самообеспеченность России, как и любой другой страны, влияют прежде всего такие факторы, как природа и климат. Большая часть территории России располагается в зоне субарктического и умеренного климатических поясов. Значительная часть земли находится в зоне так называемого рискованного земледелия (наблюдается возврат холодов, засуха или переувлажнение почв) с малоплодородными почвами – они требуют больших

1 Апанович et al. 2022.

объемов удобрений для ведения сельского хозяйства. И только часть территории Российской Федерации находится в умеренном поясе, где достаточно тепло для вызревания основных зерновых и зернобобовых культур. Россия обладает 9% посевных площадей в мире и 40% площадей черноземных почв¹.

Территориями с благоприятными условиями для ведения сельского хозяйства, где благоприятный климат сочетается с наличием черноземных почв, отличающихся высоким плодородием, являются Северный Кавказ, Центральное Черноземье, Среднее Поволжье и Южная Сибирь². Посевные площади составляют около 79,6 млн га, из них посевные площади зерновых и зернобобовых культур – около 46,3 млн га (58%).

Другим важным фактором является обеспеченность материально-техническими ресурсами. Обновление машинно-тракторного парка происходит недостаточными темпами. С удобрениями ситуация аналогичная: вносимые объемы удобрений не позволяют компенсировать вынос питательных веществ из почвы урожаем сельскохозяйственных культур. В итоге сокращается валовой сбор сельскохозяйственных культур. В условиях санкций известную проблему составляет доступ на мировой рынок семян. В объеме семян зерновых и зернобобовых, использованных для высева в 2018 г., доля семян отечественной селекции составляла менее 78%³. На недостаточном уровне находится и производство кормов и кормовых добавок для животноводства и аквакультуры. В 2017 г. структура импорта ресурсов для производства продукции сельского хозяйства имела следующие параметры⁴. В растениеводстве: сельскохозяйственная техника и комбайны – 37%, инсектициды, родентициды, фунгициды, гербициды, регуляторы роста растений – 30,1%, семена – 28,8%, удобрения – 3,9%. В животноводстве: корма для животных – 48,9, крупный рогатый скот живой – 8,7%, машины и оборудование для птицеводства и животноводства – 14,6%, биологический материал – 12%, вакцины ветеринарные – 11,5%, домашняя птица живая – 3%, свиньи живые – 0,9%, другие парнокопытные – 0,3%.

Начиная с 2017 г. Правительство РФ уделяет внимание использованию цифровых технологий в сельском хозяйстве (например, определение границ поля с использованием спутниковых систем навигации; мониторинг состояния посевов с использованием дистанционного зондирования; составление цифровых карт и планирование урожайности; использование беспилотной сельскохозяйственной техники и т.д.). В 2020 г. 10% пашни обрабатывалось с применением цифровых систем⁵.

Освоение новых технологий и использование современной техники требует квалифицированных специалистов – обеспеченность ими сельскохозяйственного сектора представляет проблему. Это связано с низким уровнем заработ-

1 Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. 2020. [Электронный ресурс]. <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/4cc/4ccb020acf06ff1823e0c0be8a6dfaa8.pdf?ysclid=114xrrd9eg> (дата обращения: 01.12.2023).

2 Ibid.

3 Ibid., 11.

4 Бубен, С.В. Обеспечение продовольственной безопасности в Евразийском экономическом союзе // Евразийская экономическая комиссия. 2022. [Электронный ресурс]. http://www.eurasiancommission.org/ru/act/prom_i_agroprom/dep_agroprom/actions/Documents/Бубен.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

5 Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/4cc/4ccb020acf06ff1823e0c0be8a6dfaa8.pdf?ysclid=114xrrd9eg> (дата обращения: 01.12.2023).

ной платы (58,7% средней заработной платы по РФ в 2018 г.¹), усиливающимся трендом на урбанизацию, недостаточным престижем большинства профессий в сельскохозяйственной отрасли.

Экономическая доступность – другой важный показатель продовольственной безопасности. Покупательная способность россиян, в том числе на продукты питания, сокращается несколько лет подряд, несмотря на номинальный рост доходов. Согласно исследованию Росстата (проводится с 2013 г. один раз в пять лет) о рационе питания населения за 2018 г., в среднем одна третья часть расходов российских семей (34,3%) идет на покупку продуктов питания. Граждане Белоруссии также тратят на еду около трети доходов. В других странах ЕАЭС ситуация еще хуже: больше всего тратят жители Киргизии (около 50%, 2017) и Казахстана (46%, 2017), в Армении этот показатель составляет 41% (2017)².

Другими словами, расходы на продукты питания являются наибольшими в структуре потребления³. Экономисты связывают это с целым рядом факторов, в том числе с ростом продовольственной инфляции, которая превышает рост реальных доходов. С 2014 по 2020 г. цены на продукты питания в России выросли на 51,7%, в то время как среднедушевой доход – на 34,3%⁴. Это подтверждает и так называемый «индекс борща»⁵ – с 2017 по январь 2022 г. овощи из этого набора подорожали в два раза⁶.

Еще одним важным показателем является субъективное восприятие домохозяйством своей «продовольственной безопасности». Около 16,1% российских семей, участвовавших в статистическом исследовании Росстата в 2019 г., сообщили, что ситуация с питанием у них осложнилась; а доля семей, которым достаточно еды, сократилась – в 2013 г. таких было 52,3%, в 2018-м – 51,7%⁷.

Выводы

Тема продовольствия является одной из центральных в деятельности ООН и перекликается со значительной частью Целей устойчивого развития (ликвидация нищеты, хорошее здоровье и благополучие, уменьшение неравенства, ответственное потребление и производство, борьба с изменением климата, сохранение морских экосистем, сохранение экосистем суши, партнерство в интересах устойчивого развития). ООН ставит целью искоренение к 2030 г. голода через обеспечение «круглогодичного доступа к безопасной, питательной и достаточной пище»⁸. Однако

- 1 Долгосрочная стратегия развития зернового комплекса Российской Федерации до 2035 года // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://mcx.gov.ru/upload/iblock/4cc/4ccb020acf06ff1823e0c06e8a6dffa8.pdf?ysclid=114xrrd9eg> (дата обращения: 01.12.2023).
- 2 Концепция коллективной продовольственной безопасности государств-членов Евразийского экономического союза, проект // Евразийская экономическая комиссия. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.eaeunion.org/pd/ru-ru/0123907/pd_28062019_att.pdf С.7 (дата обращения: 01.12.2023).
- 3 Сбербанк спрогнозировал неизменность высоких расходов россиян на еду // РБК. 13 июля 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/econo/13/07/2019/5d2857b69a7947e0df095e92> (дата обращения: 01.12.2023).
- 4 Ушачев, Колесников 2021.
- 5 При оценке стоимости «борщевого набора» учитывается стоимость только овощей (картофеля, лука, моркови, капусты, свеклы); за это индекс справедливо критикуют, ведь борщ получается вегетарианский.
- 6 «Борщевой набор» подорожал вдвое за пять лет // ТАСС. 17 февраля 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/ekonomika/13736373?utm_source=google.com&utm_medium=organic&utm_campaign=google.com&utm_referrer=google.com (дата обращения: 01.12.2023).
- 7 В каждой шестой семье в России стали питаться хуже // РБК. 12 декабря 2019. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/12/12/2019/5df111249a7947e63c4acf96> (дата обращения: 01.12.2023).
- 8 “Sustainable Development Goals, Goal 2: Zero Hunger,” United Nations, accessed December 01, 2023, <https://www.un.org/sustainabledevelopment/hunger/>.

уже сейчас Организация вынуждена признать, что к заданному сроку цель «нулевого голода» недостижима.

Процессы изменения климата, наряду с конфликтами и войнами, бедностью и неравенством, являются основными вызовами и факторами продовольственной безопасности в мире. Перечисленные факторы не ослабевают и все чаще встречаются в сочетании друг с другом. Продовольственная безопасность, а точнее ведение сельскохозяйственной деятельности, влияет на климат, а климат влияет на состояние продовольственной безопасности. Повышение температуры Земли сокращает и перераспределяет земли, пригодные для сельского хозяйства. В будущем эти изменения могут затронуть и благополучные ныне страны. Это повлияет на структуру экономики и повлечет за собой перераспределение производства. Значимой тенденцией является сокращение сельскохозяйственных земель в развитых странах, в том числе в Европе. Развитые страны намерены наращивать импорт продовольствия из третьих стран, где не всегда соблюдаются высокие экологические стандарты; повышение спроса со стороны развитых стран может лишь ухудшить экологическую ситуацию в развивающихся странах.

В Доктрине продовольственной безопасности России 2020 г. констатируется, что одна из угроз продовольственной безопасности – климатическая. Она обусловлена неблагоприятными климатическими изменениями, аномальными природными явлениями стихийного характера, деградацией земель, снижением плодородия почв. Значение России как глобального актора в мировой системе продовольственной безопасности возрастает, велика роль нашей страны в мировом экспорте продовольствия (особенно пшеницы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Барабанов, О.Н., Маслова, Е.А. Концепция глобального всеобщего достояния ("Global Commons"): новые ценности в мировой политике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 8. С. 55–63. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-8-55-63>.
- Barabanov, Oleg N., and Elena A. Maslova. "The Concept of "Global Commons" as a Factor of Global Instability." *World Economy and International Relations* 63, no. 8 (2019): 55–63 [In Russian].
- Ушачев, И.Г., Колесников, А.В. Экономическая доступность продовольствия для населения Российской Федерации // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. 2021. № 4. С. 59–77. https://doi.org/10.52180/2073-6487_2021_4_59-77.
- Ushachov, Ivan G., and Andrey V. Kolesnikov. "Economic Availability of Food for the Population of the Russian Federation." *The Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences*, no. 4 (2021): 59–77 [In Russian].
- Alfani, Guido, and Gráda Cormac, eds. *Famine in European History*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017.
- Apanovich, Maria Ju., Oleg N. Barabanov, Elena A. Maslova, and Alexandre Kaufmann. *Climate Change and Food Security: A Recipe for Food Totalitarianism?* Moscow: Valdai Discussion Club, 2022.
- Berg, Alan. *The Nutrition Factor. Its Role in National Development*. Washington, DC: The Brookings Institution, 1973.
- Joy, Leonard. "Food and Nutrition Planning." *Journal of Agricultural Economics* 24, no. 1 (January 1973): 165–197. <https://doi.org/10.1111/j.1477-9552.1973.tb00518.x>.
- Maxwell, Simon, and Marisol Smith. "Household Food Security: A Conceptual Review." In *Household Food Security: Concepts, Indicators, Measurements: A Technical Review*, edited by Simon Maxwell, and Timothy Frankenberger, 1–72. Rome: IFAD, 1992.
- Maxwell, Simon, and Timothy Frankenberger. *Household Food Security: Concept, Indicators, Measurements*. Rome: IFAD, 1992.
- Maxwell, Simon. "Food security: A post-modern perspective." *Food Policy* 21, no. 2 (1996): 155–170. [https://doi.org/10.1016/0306-9192\(95\)00074-7](https://doi.org/10.1016/0306-9192(95)00074-7).
- Maxwell, Simon. "The Evolution of Thinking About Food Security." In *Food security in Sub-Saharan Africa*, edited by Stephen Devereux, and Simon Maxwell. London: ITG Publishing, 2001.
- Sassi, Maria "Seasonality and Trends in Child Malnutrition: Time-series Analysis of Health Clinic Data from the Dowa District of Malawi." *The Journal of Development Studies* 51, no. 12 (2015): 1667–1682. <https://doi.org/10.1080/00220388.2015.1046441>.

Sassi, Maria. *Understanding Food Insecurity. Key features, Indicators, and Response Design*. Cham: Springer, 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-70362-6>.

Sen, Amartya. *Poverty and Famines: An essay on Entitlement and Deprivation*. Oxford: Oxford University Press, 1981.

Thomson, Anne, and Manfred Metz. *Implications of Economic Policy for Food Security: A Training Manual*. Rome: Food and Agriculture Organization of the United Nations, 1998.

Сведения об авторе

Елена Александровна Маслова,

к.полит.н., доцент Кафедры интеграционных процессов,
ведущий научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76
email: e.maslova@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 24 ноября 2023.

Переработана: 15 декабря 2023.

Принята к публикации: 20 декабря 2023.

Сведения о финансировании

Статья подготовлена в рамках гранта, предоставленного Министерством науки и высшего образования Российской Федерации (Соглашение о предоставлении гранта № 075-15-2022-327 от 22.04.2022 г.)

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Маслова, Е.А. Продовольственная безопасность и климатическая повестка // Международная аналитика. 2023. Том 14 (4). С. 37–51.
<http://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-37-51>

Food Security and Climate Agenda

ABSTRACT

In the era of globalization and the global distribution of goods, including food, food security is not always adequately considered, especially in the so-called global North. This approach contrasts sharply with the climate agenda, which focuses on the existential side of food security.

The Food and Agriculture Organization of the United Nations (FAO) reports that almost 12% of the world's population is severely food insecure; 29% is moderately or severely food insecure; almost one in three people in the world (2.37 billion) do not have access to adequate nutrition, and the prevalence of malnutrition has reached 9.8% in 2021. These negative trends existed long before the coronavirus pandemic, which only aggravated the situation, causing food insecurity levels to spike in 2020 (up 1.5% from 2019). Food security is closely intertwined with other global problems of modernity, in particular, with the problem of climate change on Earth. In this regard, Russia's role as a leading exporter of agro-food products, especially wheat, is great. The article considers the relationship between food security problems and climate change, analyzes the evolution of understanding of the food security problem and approaches to its solution. The factors affecting the state of food security in Russia are examined separately.

KEYWORDS

food security, climate change, food doctrine, ontological threat, global problems

Author

Elena A. Maslova,

Phd (Polit. Sci.), Associate Professor, Department for Integration Studies, Senior Research Fellow,
Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454
email: e.maslova@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: November 24, 2023. Revised: December 15, 2023. Accepted: December 20, 2023.

Funding

The article was prepared in the framework of a research grant funded by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (grant ID: 075-15-2022-327)

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Maslova, Elena A. "Food Security and Climate Agenda."
Journal of International Analytics 14, no. 4 (2023): 37–51.
<http://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-37-51>

Климатические изменения как новый фактор международных отношений

Игорь Алексеевич Макаров, НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

Анна Артёмовна Шуранова, НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

Контактный адрес: imakarov@hse.ru

АННОТАЦИЯ

Изменение климата и связанная с ним «зеленая» трансформация мировой экономики оказывают возрастающее влияние на международные отношения, в особенности после заключения Парижского соглашения в 2015 году. Параллельно с физическими рисками, исходящими непосредственно от негативных последствий климатических изменений, для государств актуализируются риски переходные, связанные с потенциальным ущербом для общества, политической системы и экономики от процессов глобального «зеленого» перехода. Для устранения физических рисков критически недостаточно текущих обязательств государств, взятых в рамках Парижского соглашения. Усиление же этих рисков ведет к повышению значимости обеспечения климатической безопасности государств. Переходные риски тесно связаны с фрагментацией мировой политики, возникающей вследствие разности климатических амбиций и несогласия между государствами на предмет масштабов и методов декарбонизации. В основе противоречий лежат такие факторы, как обеспеченность ископаемым топливом и место государств в энергетической геополитике; уровень социально-экономического развития; потенциал для использования возможностей «зеленой» трансформации; участие в международных климатических соглашениях и объединениях.

Перед целым рядом рисков оказывается и Россия, вследствие чего ее интересы лежат в плоскости развития и продвижения собственного видения процессов декарбонизации, а также консолидации незападных государств в этой сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

мировая климатическая политика, декарбонизация, международный климатический режим, физические риски, переходные риски, климатическая безопасность, энергетический переход

Введение

В 2024 г. исполняется 30 лет с момента вступления в силу Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), объединяющей на сегодняшний день 198 государств. Целью Конвенции была заявлена «стабилизация концентраций парниковых газов в атмосфере на таком уровне, который не допускал бы опасного антропогенного воздействия на климатическую систему»¹. РКИК стала первым международным документом, закрепившим признание государствами проблемы изменения климата как отдельной от общего экологического дискурса. В те годы сложно было представить, что попытки решения климатических проблем будут оказывать существенное влияние на государственную и тем более мировую политику. Конвенция носила рамочный характер, устанавливая лишь общие принципы международного климатического регулирования. Киотский протокол (1997)² конвертировал положения РКИК в конкретные обязательства, однако в соответствии с установленным РКИК принципом общей, но дифференцированной ответственности количественные обязательства по сокращению выбросов были наложены только на развитые страны. Объем этих обязательств рассматривался как недостаточный для существенного смягчения изменения климата. Таким образом, в 2000-е гг. международный климатический режим характеризовался, с одной стороны, существованием первого юридически обязательного климатического соглашения, а с другой стороны – очевидной слабостью действий международного сообщества по смягчению климатических изменений.

Конференция сторон РКИК в Копенгагене (2009) продемонстрировала неспособность достичь глобального соглашения по климату с вовлечением развивающихся стран и с более радикальными формулировками, которые закрепили бы общие цели. В то время как не всегда признаваемым достижением Копенгагена стало первое в истории глобальных климатических документов упоминание необходимости ограничения к концу века роста глобальной температуры до 2°C по сравнению с доиндустриальной эпохой³, это положение не было принято даже в качестве декларативной цели и не изменило общего фона международной климатической политики «допарижского» периода: проблема изменения климата продолжала играть весьма скромную роль как фактор международных отношений.

Ее усиление произошло только после принятия Парижского соглашения (2015)⁴. Оно обязало присоединившиеся государства заявлять о собственных целях по сокращению выбросов (в форме так называемых определяемых на национальном уровне вкладов, ОНУВ). Соглашение стало важнейшим этапом в утверждении всеобъемлющего характера проблемы изменений климата и объединении усилий государств в борьбе с ними. Основной целью соглашения

1 Рамочная Конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата // UNFCCC. 9 мая 1992. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/pjfcsw> (дата обращения: 26.10.2023).
2 Киотский протокол к Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата // ООН. 11 декабря 1997. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/pjffex> (дата обращения: 26.10.2023).
3 "Draft decision /CP.15. Proposal by the President. Copenhagen Accord," UNFCCC, December 18, 2009, accessed October 26, 2023, <https://unfccc.int/resource/docs/2009/cop15/eng/l07.pdf>.
4 "Paris Agreement," UNFCCC, December 12, 2015, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/mtcwc>.

стало «удержание прироста глобальной средней температуры намного ниже 2°C сверх доиндустриальных уровней и приложение усилий в целях ограничения роста температуры до 1,5°C».

Парижское соглашение, не являясь в части регулирования сокращений выбросов юридически обязательным, придало импульс активизации климатической политики на уровне отдельных акторов международных отношений. Так, вслед за «Зеленым курсом» Евросоюза¹, объявленным в 2019 г., более 70 государств официально декларировали цели достижения т.н. углеродной нейтральности – баланса между выбросами парниковых газов в атмосферу и их поглощениями². Их поддержали тысячи муниципалитетов и частных компаний.

Как представляется, возрастанию роли климата в мировой политике после 2015 г. способствовали два ключевых фактора. Во-первых, на международном уровне была установлена хотя и не имеющая юридической обязательности, но принятая консенсусом цель ограничения роста глобальной температуры, к выполнению которой должны стать причастными большинство стран мира – развитых и развивающихся. В то время как принцип «общей, но дифференцированной ответственности» остается ключевым, его значение трансформировалось от практически полного отсутствия действий одних (развивающихся экономик) и попыток ограничить рост мировых выбросов немногих других (развитых и переходных) к тому, что для первых также была признана необходимость участвовать в глобальных усилиях в меру своих возможностей. По этой причине развивающиеся государства, встретившиеся с усиливающимся международным давлением в сторону «зеленого» перехода, все сильнее требуют наращивания климатического финансирования и передачи низкоуглеродных технологий как главного условия выполнения своих новых целей.

Во-вторых, тесно связанной с этим тенденцией является усиление переплетения климатической повестки с мировыми экономическими процессами. На национальном и региональном уровнях вводятся системы углеродного ценообразования – углеродные налоги и системы торговли разрешениями на выбросы парниковых газов, которых по всему миру к текущему моменту насчитывается уже 73³. Налоговые стимулы для развития низкоуглеродных технологий, сокращение субсидий в поддержку ископаемого топлива, установление обязательных количественных целей относительно выбросов, использования возобновляемых источников энергии, энергоэффективности, введение «зеленых» стандартов и т.д.⁴ – все это трансформируют традиционные модели управления экономикой как на национальном, так и на международном уровне.

На развитие новых отраслей и направлений – ВИЭ, накопителей энергии, электромобилей и конкретных технологий для них – направляются значительные средства; меняются как макроэкономические процессы, так и модели пове-

1 "Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. The European Green Deal.COM (2019) 640 final," European Commission, December 11, 2019, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfgp>.

2 "What is Carbon Neutrality and How can it be Achieved by 2050?," European Parliament, October 3, 2019, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/dflw>.

3 "Carbon Pricing Dashboard," The World Bank, 2023, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfmfp>.

4 Макаров, Степанов 2017.

дения потребителей, которые вынужденно формируют предпочтения с учетом возрастающей роли экологических критериев и сами активнее участвуют в этом новом рынке, что особенно ярко проявляется в электроэнергетике. Положение углеродоемких отраслей становится все более уязвимым: производители углеродо-, энерго- и ресурсоемкой продукции вынуждены адаптироваться к возрастающему количеству стандартов и требований, раскрывать нефинансовую отчетность и стремиться к повышению ESG-показателей, а компании и целые государства, специализирующиеся на ископаемом топливе, вынуждены включать будущее сокращение его потребления основными импортерами в долгосрочные стратегии своего развития.

Новейшей тенденцией является установление пограничных углеродных барьеров, которые не только трансформируют потоки международной торговли, но и могут стать средством воздействия государств с радикальным климатическим регулированием на остальные, подталкивая их к введению и ужесточению углеродного ценообразования.

Влияние климатической политики на международные процессы может быть проанализировано в категориях двух видов рисков.

С одной стороны, существуют физические риски, исходящие непосредственно от климатических изменений для социально-экономических систем. Объявляя цели по сокращению выбросов парниковых газов в рамках Парижского соглашения, государства стремятся к смягчению этих рисков, снижая ожидаемый ущерб от природных катастроф, подтопления прибрежных зон, засух, волн жары, деградации многолетней мерзлоты.

С другой стороны, переплетение климатической и экономической политик ведет к возникновению целой категории переходных рисков, которые несет процесс «зеленой» трансформации как на национальном, так и на глобальном уровне. Переходные риски могут заключаться в экономической и социально-политической нестабильности, связанной с трансформацией экономических моделей, у которой есть как бенефициары, так и пострадавшие – в первую очередь в традиционных углеродоемких отраслях и на территориях, максимально от них зависимых.

Специфика функционирования международного климатического режима и связанные с ним риски является хорошо разработанной темой в литературе¹. Ключевая его характеристика – развитие в формате «снизу вверх», т.е. сохранение на национальном уровне абсолютного большинства прав и полномочий в реализации мер климатической политики. Так, Парижское соглашение имеет юридически обязывающую часть, закрепляющую только саму необходимость формулирования климатической политики и сообщения о ней в наднациональный орган, однако содержательное наполнение такой политики остается в ведении каждого отдельного государства. Это является главным препятствием для консолидации глобальных усилий по борьбе с изменением климата и определяется в литературе понятием «Вестфальская дилемма»: в то время как некоторые из государств готовы жертвовать значительными выгодами и благами

1 Вирт 2017; Chasek 2017; Kaiser 2022; Klinsky, Brankovic 2018; Rothe 2011; Stranadko 2022.

(ускоренным экономическим ростом, углеродоемкими отраслями, даже частью доходов от неизвлеченного из-под земной поверхности ископаемого топлива), другие видят в низкоуглеродной трансформации посягательство на национальные интересы. В рамках существующей системы международных отношений заставить последние действовать соответствующим образом невозможно¹.

Различия в мотивации государств ведут к возникновению «линий разлома» в международной климатической политике, что влияет и на общую международно-политическую ситуацию. В данной статье мы рассмотрим эти «линии разлома» через призму двух упомянутых типов рисков, а также сделаем выводы о том, каким образом указанные риски воздействуют на ключевые международно-политические процессы.

Физические риски и климатическая безопасность

Десятилетие 2010–2019 гг. было самым теплым за всю историю наблюдений, и тренд на повышение температуры сохраняется – считается, что к настоящему моменту ее рост составил 1,1°C по сравнению с доиндустриальной эпохой. В случае реализации климатической политики на уровне 2020 г. к концу века прирост температуры может достигнуть 4°C, реализация же нынешних целей на 2030 г., установленных в рамках ОНУВ, ограничивает этот показатель примерно до 3°C². Любой из этих вариантов приведет к множеству необратимых последствий как для экосистем, так и для населения и экономики, избежать которых можно лишь значительно увеличивая амбициозность целей по сокращению выбросов. При этом сейчас выбросы парниковых газов в мире не только не стремятся к нулю, но продолжают расти: выбросы от сжигания топлива в 2021 г. увеличились на 6% по сравнению с предыдущим годом, достигнув наивысших за историю показателей³, а в 2022 г., по предварительным оценкам, этот рекорд обновлен⁴.

Текущих обязательств по сокращению выбросов, взятых на себя государствами, недостаточно для достижения цели Парижского соглашения в 1,5°C даже с условием, что после 2030 г. будут приняты более амбициозные меры регулирования⁵. Усугубляет ситуацию сохраняющийся разрыв между декларируемыми целями и реальными действиями⁶.

Физические риски изменения климата влияют на государства в зависимости от их физико-географического положения и уровня экономического развития. Климатические изменения ведут к повышению уровня Мирового океана, таянию многолетней мерзлоты, увеличению частоты и интенсивности стихийных бедствий, усугублению водного стресса на многих территориях, снижению уровня продовольственной безопасности, усилению миграционных потоков⁷. Наибо-

1 William D. Nordhaus, "Global Public Goods and the Problem of Global Warming," The Institut d'Economie Industrielle (IDEI), June 14, 1999, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkdbm>.

2 "IPCC Sixth Assessment Report. Working Group III: Mitigation of Climate Change," IPCC, March 21, 2023, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfou>.

3 "Take Urgent Action to Combat Climate Change and its Impacts," United Nations, August 2023, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfpn>.

4 Friedlingstein et al. 2022.

5 "IPCC Sixth Assessment Report. Working Group III: Mitigation of Climate Change."

6 "Emissions Gap Report 2022," UNEP, October 27, 2022, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfqh>.

7 Busby 2021.

лее уязвимы при этом развивающиеся и наименее развитые государства – они занимают все нижние строчки в индексе *ND-GAIN*, оценивающем уязвимость к климатическим изменениям и готовность к ним¹. В 2010–2020 гг. в высокоуязвимых странах, большинство которых – развивающиеся, смертность от негативных последствий изменения климата (наводнений, засух и иных природных катаклизмов) в 15 раз превышала показатели для низкоуязвимых стран². Особенно уязвимы страны Африки и Азии, многие из которых подвержены широкому набору связанных с изменением климата рисков, имеющих отношение к энергетической, продовольственной и водной безопасности³.

В соответствии с различными сценариями изменения климата уровень Мирового океана должен подняться к 2100 г. на 30–80 см⁴. Это несет сильнейшие риски для малых островных развивающихся государств – ожидается, что ежегодно затопливаемые территории для них увеличатся к 2050 г. в 3 раза по сравнению с 2023 г., а потери будут составлять в совокупности более 1,6 млрд долл. в год⁵. Однако ощутимыми последствия подтоплений будут и для материковых стран: так, даже если повышение уровня моря затронет территории на расстоянии 500 м от береговой линии, только в ЕС под угрозой окажется инфраструктура общей стоимостью от 500 млрд до 1 трлн евро⁶.

Крайне уязвим Арктический регион, где рост температуры происходит в 4 раза быстрее, чем в среднем в мире: значительная часть Северного Ледовитого океана с 1979 г. становилась теплее примерно на 0,75°C в десятилетие⁷. Каждое десятилетие ледовый покров в Арктике сокращался на 13%, что способствует дальнейшему потеплению как в регионе, так и по всему миру: по мере таяния льдов снижается отражающая способность поверхности планеты, в результате чего рост температуры приобретает дополнительное ускорение⁸. Рост температуры в Арктике ведет к нарушению локальных экосистем, сокращению биоразнообразия, подтоплению прибрежных территорий, а также к разрушению созданной человеком инфраструктуры. Последнее происходит и в зонах распространения многолетней мерзлоты, таяние которой опасно как для расположенной на ней инфраструктуры, так и из-за угрозы высвобождения значительных объемов содержащегося в грунтах метана – газа, имеющего в десятки раз более высокую парниковую способность, чем CO_2 .

Воздействие климатических изменений на экосистемы и места проживания людей, а также на сельскохозяйственную деятельность повлечет за собой и дополнительные риски продовольственной безопасности⁹. Сельское

1 “Country Index,” Notre Dame Global Adaptation Initiative, 2023, accessed October 26, 2023, <https://gain.nd.edu/our-work/country-index/>.

2 “The Sustainable Development Goals Report, Special edition,” United Nations, July 10, 2023, accessed October 26, 2023, <https://unstats.un.org/sdgs/report/2023/The-Sustainable-Development-Goals-Report-2023.pdf>.

3 “Global Warming of 1.5 °C: Special Report,” United Nations, October 8, 2023, accessed October 26, 2023, <https://www.ipcc.ch/sr15/>.

4 Ibid.

5 Vousdoukas 2023.

6 “Consequences of Climate Change,” European Commission, 2023, accessed October 26, 2023, https://climate.ec.europa.eu/climate-change/consequences-climate-change_en.

7 Rantanen 2022.

8 “How much has Arctic Ice Declined, and How does that Compare to Past Periods in the Earth’s history?,” MIT Climate Portal, April 10, 2023, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfsli>.

9 “Climate Change and Food Security: Risks and Responses,” Food and Agriculture Organization of the United Nations, 2015, accessed October 26, 2023, <https://www.fao.org/3/i5188e/i5188E.pdf>.

хозяйство страдает также от учащающихся стихийных бедствий (особенно засух и наводнений), от изменения ареалов обитания вредителей, от растущей нехватки воды, также зачастую обусловленной изменением климата. Хотя рост температуры и способствует увеличению количества осадков в целом на планете, их распределение происходит крайне неравномерно. Во многих районах засушливость климата усиливается. Одновременно происходит таяние горных ледников, являющихся источниками питания для многих рек на сухих территориях.

Изменение климата ведет и к увеличению миграционных потоков из ставших непригодными для проживания территорий. В первую очередь речь идет о внутристрановых миграциях, однако риски увеличения числа климатических беженцев также существуют¹. Некоторые оценки демонстрируют, что уже к 2030 г. только вследствие засух место жительства придется сменить около 700 млн человек².

Разнообразие физических рисков, которые несет изменение климата, позволяет ввести понятия климатических угроз и климатической безопасности как состояния защищенности от них³. Изменение климата представляет собой угрозу в нескольких измерениях⁴. Во-первых, оно угрожает жизнедеятельности человека и может сделать значительные территории непригодными для проживания. Во-вторых, климатические изменения становятся угрозой для экономической, продовольственной и водной, эпидемиологической безопасности; речь идет об обеспеченности ресурсами, необходимыми для поддержания жизнедеятельности, а также о потенциальном ущербе местам расселения людей, более высокой скорости распространения эпидемических заболеваний вследствие повышения температур и т.п. В-третьих, изменение климатических условий может вызывать миграцию, что, в свою очередь, способно приводить к конфликтам. Их обострению способствует и нехватка базовых ресурсов. Соответственно, выстраивается и концепция «резильентности» к климатическим рискам – устойчивости по отношению к ним национальных государств, экономических укладов, социальных систем и сообществ, а также экосистем⁵.

Секьюритизация климатических изменений преподносится как новая норма в международном сообществе⁶. Делается это как в «прагматическом», так и в «апокалиптическом» ключе, с различными алармизмом, эмоциональностью в соответствующих действиях⁷. В этом участвуют государственные ведомства, международные организации, негосударственные акторы (природоохранные организации, исследовательские центры, политические партии и пр.), а также военные (в том числе посредством формирования в ряде государств

1 "Take Urgent Action to Combat Climate Change and its Impacts."

2 Ibid.

3 Шуранова, Чистиков 2023.

4 Niklas Bremberg and Simone Bunse, "Climate, Peace and Security in a Changing Geopolitical Context: Next Steps for the European Union," SIPRI, February 2023, accessed October 26, 2023, <https://doi.org/10.55163/LKCG6004>; Kameyama, Ono 2021; Malin Mobjörk, Maria-Therese Gustafsson, Hannes Sonnsjö, Sebastian van Baalen, Lisa Maria Dellmuth and Niklas Bremberg, "Climate-related security risks: towards and integrated approach," SIPRI, October 2016, accessed October 26, 2023, <https://sipri.org/publications/2016/climate-related-security-risks>.

5 Boas, Rothe 2016; Ferguson 2019.

6 Odeyemi 2020.

7 Daoudy et al. 2022; Pettenger 2017.

специализированных подразделений для борьбы с природными катастрофами¹). Оборонная, миграционная политики и политика развития некоторых государств проходят процессы «климатизации», интегрируя дискурс секьюритизации изменений климата². Последний же варьирует в зависимости от того, безопасность кого или чего находится в центре внимания: человеческая, национальная, международная безопасность или безопасность экосистем³.

Как уже отмечалось, изменение климата рассматривается как мультипликатор рисков возникновения вооруженных конфликтов⁴. Наиболее распространенными «каналами» трансляции воздействия изменений климата на конфликтный потенциал являются обострение борьбы за управляемые природные ресурсы (доступ к воде, к подходящим для хозяйствования территориям), ухудшение условий жизни значимой части населения (в особенности в зависимых от сельского хозяйства экономиках) и макроэкономических показателей государства в целом, скачки цен на продовольственные товары, вынужденное переселение людей из ставших непригодными для существования территорий⁵.

Негативные эффекты изменений климата могут проявляться в большей степени в государствах, имеющих низкую дееспособность; меняющиеся климатические условия способны усиливать межгрупповое неравенство, углубляя имеющиеся противоречия⁶. Изменения климата и вооруженные конфликты формируют своего рода замкнутый круг: конфликты повышают уровень бедности, ведут к экономическому спаду, ослабляют функционирование государственных систем; в свою очередь, эти политические и социально-экономические трансформации подрывают возможности адаптации к изменениям климата, что открывает путь к гуманитарным катастрофам⁷.

Впрочем, результаты соответствующих кейс-стади по конкретным регионам или государствам зачастую противоречивы⁸. Например, повышение температуры и увеличение осадков может как позитивно, так и негативно сказаться на урожайности сельскохозяйственных культур, что оказывает разнонаправленное воздействие на риск возникновения конфликта на почве борьбы за ресурсы. Повышение температуры само по себе может снизить конфликтный потенциал, поскольку люди будут заняты поиском убежища и окажутся менее склонны к насильственным действиям⁹. Кроме того, результаты исследований одних и тех же факторов по различным государствам и регионам могут быть прямо противоположными¹⁰, а влияние климатических изменений на различные местности и общества – крайне неравномерным¹¹. Наконец, многие исследования посвящены

1 de Souza Boeno, Soromenho-Marques 2017.

2 Oels 2013; Scartozzi 2022.

3 McDonald 2013.

4 Buhaug 2016; "Climate Change 2014: AR5 Synthesis Report," IPCC, November 1, 2014, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkerf>; Mach et al. 2019.

5 Buhaug 2023.

6 Harari, La Ferrara 2018; Pacillo et al. 2022.

7 Buhaug, von Uexkull 2021.

8 Gilmore 2017; Koubi 2019; von Uexkull, Buhaug 2021.

9 Xie et al. 2022.

10 van Weezel 2020.

11 Sebastian van Baalen and Malin Mobjörk, "Coming Anarchy: Pathways From Climate Change to Violent Conflict in East Africa," Stockholm University, September 2016, accessed October 26, 2023, <https://www.researchgate.net/publication/307943631>.

внутригосударственным либо внутрирегиональным конфликтам, в то время как возможности повышения риска межгосударственных и межрегиональных конфликтов остаются недостаточно изученными¹.

Переходные риски и глобальная фрагментация

Помимо физических рисков, вызванных самими климатическими изменениями, для государств и международной системы имеют значение и риски, возникающие вследствие принятия мер по борьбе с ними². Налицо фрагментация мировой климатической политики, неспособность государств прийти к консенсусу как о способах и масштабах смягчения климатических изменений, так и по поводу распределения ответственности за реализацию требуемых мер. В основе имеющихся противоречий лежит целый ряд факторов, определяющих формирование климатической политики государств, ее эволюцию и уровень амбициозности, а также позиционирование и интересы этих государств в рамках международного климатического режима.

Фактор ископаемого топлива и энергетическая геополитика под влиянием климатической повестки

Одним из основных таких факторов является зависимость государств от ископаемого топлива. Его экспортеры в качестве ключевой угрозы со стороны «зеленой» трансформации мира рассматривают изменение существующей экономической модели³, что, в свою очередь, может повлечь за собой политическую нестабильность. Климатические изменения, хотя и признаются объективно существующими, не приоритизируются экспортерами выше национальных интересов социально-экономического развития.

В свою очередь, импортеры склонны к алармистскому дискурсу об экзистенциальном характере климатического кризиса. Этот дискурс уже приобрел официальный характер во многих развитых государствах. «Зеленая» же трансформация должна способствовать достижению экономической и энергетической безопасности импортеров посредством снижения зависимости от поставок зарубежных энергоносителей. Стремясь сконструировать свой образ лидеров борьбы с климатическими изменениями в глобальном масштабе, некоторые из импортеров фактически ратуют за новую экономическую модель, основанную на «зеленых» принципах и несущую им выгоды в долгосрочной перспективе. Поскольку же такая амбициозность прочно вошла в международную повестку и в круг критериев внешнеполитического имиджа государств, экспортеры вслед за импортерами вынуждены устанавливать цели по достижению углеродной нейтральности. Очевидно, что для их участия в таком международном сотрудничестве экспортерам необходимы некие внешние стимулы, которые носят как репутационный, так и экономический характер. Потребители их продукции (не только ископаемого топлива, но и других углеродоемких товаров) все чаще требуют раскрытия

1 Theisen et al. 2017.

2 Lamain 2022.

3 Johnsson et al. 2019.

углеродного следа. Евросоюз, а в перспективе и другие крупнейшие экономики, вводят пограничные компенсационные механизмы для ввозимой углеродоемкой продукции. Такие механизмы необходимы, в логике вводящих их акторов, по двум соображениям. Во-первых, для недопущения «утечки выбросов» за рубеж ввиду потери конкурентоспособности местных производителей по сравнению с зарубежными компаниями или же релокации их производств в другие точки планеты. Во-вторых, для побуждения торговых партнеров к ужесточению климатического регулирования в целях минимизации потерь своих компаний-экспортеров. С позиций же этих торговых партнеров компенсационные пограничные механизмы выглядят как «углеродный протекционизм».

Схожая с зависимостью от ископаемого топлива логика действует и для государств, значительную долю экспорта которых занимает углеродоемкая продукция. Переходные риски для обеих этих групп заключаются в угрозе сокращения их доли на мировых рынках, что требует диверсификации или, зачастую, структурной трансформации экономики, без чего адаптация к предполагаемому новому энергетическому ландшафту становится трудноосуществимой.

Таким образом, климатическая политика нацелена на трансформацию энергетической политики и, соответственно, может способствовать трансформации всей современной международной системы. На энергетический сектор приходится примерно $\frac{3}{4}$ всех выбросов парниковых газов в мире, и именно он одним из первых подвергается декарбонизации в рамках климатической политики, прежде всего в странах, зависимых от импорта энергоносителей, где «зеленая» трансформация рассматривается как один из инструментов обеспечения энергетической безопасности. Как следствие, предполагается, что по мере глобального энергоперехода будет происходить постепенный отказ крупнейших потребителей от ископаемого топлива.

Геоэкономика нового энергетического уклада отличается от традиционной в нескольких аспектах. Прежде всего трансформируется ресурсная база межгосударственной взаимозависимости: для возобновляемой энергетики возрастает значимость т.н. критических металлов и минералов, необходимых для производства технологических установок генерации энергии (литий, кобальт, графит, редкоземельные металлы и т.д.). Спрос на них по мере ускорения энергетического перехода будет только расти. На строительство ветровой электростанции необходимо в девять раз больше минеральных ресурсов, чем электростанции на природном газе¹. При этом такие материалы крайне неравномерно распределены по планете, некоторые государства контролируют наибольшую часть их запасов: например, 68,4% всех редкоземельных металлов сосредоточены в Китае, России и Бразилии². Вместе с тем большое значение имеет обладание технологиями и мощностями их переработки. Большую часть этого рынка занимает Китай. Он, в частности, является единственной страной, контролирующей все этапы цикла использования редкоземельных металлов: от добычи сырья до производства продукции высоких переделов и конечного потребления. Россия,

1 "The Role of Critical Minerals in Clean Energy Transitions," International Energy Agency, May 2021, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pjfwc>.

2 "Statistical Review of World Energy 2022, 71st edition," BP, 2022, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/nwdio>.

как и другие страны, направляет в Китай сырье для переработки: в 2019 г. там было переработано 35% мирового никеля, 50–70% лития и кобальта, 90% редкоземельных металлов¹.

К ресурсному аспекту относится и проблематика неравномерного распределения возобновляемой энергии. Но если ископаемые энергетические ресурсы характеризуются достаточно высокой концентрацией, то возобновляемые, хотя и в неравной степени, распределены по всей планете². Технический потенциал солнечной энергии усиливается по мере приближения к экватору и к внутренним зонам континентов, ветровой – к прибрежным зонам. Зачастую наибольшим техническим потенциалом возобновляемой энергии в силу своего географического расположения обладают страны глобального Юга³, однако они, как правило, не располагают достаточными финансовыми ресурсами и технологиями для конвертации этого потенциала в практические меры по энергопереходу. Но если учитывать не только долю государства в обеспеченности конкретным видом ресурсов от его общемировых запасов (технического потенциала), но и его долю в мировом населении, то возобновляемые энергоресурсы имеют ненамного более равное распределение по планете, чем ископаемое топливо⁴.

Энергопереход изменяет географию экспортеров и импортеров энергоносителей. Производителями и даже экспортерами могут стать в том числе те государства, которые в настоящий момент зависят от импорта ископаемого топлива. Появляются и просьюмеры – одновременно производители энергии на экспорт и потребители импортируемой⁵. Могут терять актуальность некоторые из традиционных маршрутов поставки энергоносителей (например, Ормузский пролив), как и уже имеющаяся и строящаяся газо- и нефтепроводная инфраструктура (что актуализирует вопрос о ее перенастройке, например, на трансграничные поставки водорода)⁶.

В инфраструктурном аспекте значительных капиталовложений потребуют инфраструктура генерации возобновляемой энергии, технологии и установки ее накопления, а также электросети. Трансграничные линии электропередач будут постепенно становиться новой критической инфраструктурой, поскольку экспорт электроэнергии будет замещать торговлю природным газом и нефтью. В свою очередь, повышение электрификации, являющееся одним из ключевых трендов политики декарбонизации и, одновременно, цифровизации электроэнергетической инфраструктуры, ведет к росту уязвимости перед киберугрозами.

Наконец, важной частью новой геоэкономики становятся технологии – наличие передовых и одновременно дешевых технологических решений, которые можно применять в массовом масштабе и экспортировать. Возникают риски технологического доминирования одних государств над другими, а технологиче-

1 Государственный доклад «О состоянии и использовании минерально-сырьевых ресурсов Российской Федерации в 2019 году» // Минприроды России. 27 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://surl.li/pkcuq> (дата обращения: 26.10.2023).

2 Vakuichuk et al. 2020.

3 “Geopolitics of the Energy Transformation: The Hydrogen Factor,” IRENA, January 2022, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkcuq>.

4 Overland et al. 2022.

5 Scholten et al 2020.

6 Blondeel et al. 2021.

ская независимость в водородной энергетике и в энергопереходе в целом станет новой значимой составляющей национальной безопасности и экономического суверенитета.

Фактор социально-экономического развития и возможности трансформации социально-политических систем

Другим важным фактором климатической политики государств, а также фактором ее взаимосвязи с мировой политикой является социально-экономическое развитие. Концепция «зеленой» экономики стала центральным предметом дискуссий в рамках парадигмы устойчивого развития начиная с Конференции ООН по устойчивому развитию 2012 г. и была принята в качестве ориентира во многих развитых странах. Концепция сфокусирована на повышении благосостояния человека при одновременном снижении вреда, наносимого им окружающей среде. В «зеленой» экономике социально-экономическое развитие и рост доходов и занятости населения предположительно осуществляются за счет инвестиций в те виды деятельности, которые не только экономически эффективны, но и сокращают выбросы парниковых газов, уменьшают загрязнение окружающей среды, повышают экологическую эффективность хозяйственной деятельности, а также предотвращают потерю биоразнообразия и причинение иного ущерба экосистемам¹. Таким образом, «зеленая» экономика – это зонтичный термин, под которым скрывается множество направлений экономической деятельности, включая обеспечение энерго- и материалоэффективности, развитие низкоуглеродных технологий в энергетике и транспорте, рациональное использование водных, земельных, лесных, рыбных ресурсов, управление отходами и т.д.²

В рамках «зеленой» трансформации речь зачастую ведется о переходе от линейной к циркулярной экономике³, с фокусом на минимизацию отходов посредством повышения ресурсоэффективности, вторичного использования и переработки, то есть создания замкнутого цикла, в котором потребление ресурсов, материалов и конечных товаров «устойчиво»⁴. Фрейм «зеленого» роста распространяется и в политическом дискурсе, что предполагает сочетание экономического роста с сохранением природных ресурсов, минимизацией ущерба окружающей среде и укреплением резильентности к экологическим рискам⁵.

Переходя к «зеленой» экономике и постепенно стабилизируя, а затем и сокращая потребление энергии, странам придется все меньше ориентироваться на традиционные показатели, определяющие их место в мировой экономической системе (главный из которых – ВВП), и переходить на некие комплексные индикаторы развития, охватывающие не только уровень материального благосостояния, но и качество окружающей среды⁶. Наиболее радикальная концепция

1 "Towards a Green Economy: Pathways to Sustainable Development and Poverty Eradication," UNEP, 2011, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkcvcs>.

2 Loiseau et al. 2016.

3 "Uncovering Pathways Towards an Inclusive Green Economy. A Summary for Leaders," UNEP, 2015, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkccwg>.

4 Hill 2015.

5 "Inclusive Green Growth. The Pathway to Sustainable Development," World Bank, February 1, 2013, accessed October 26, 2023, <https://doi.org/10.1596/978-0-8213-9551-6>; "Towards Green Growth," OECD, May 25, 2011, accessed October 26, 2023, <https://doi.org/10.1787/9789264111318-en>.

6 Albert 2022.

«антироста» и вовсе постулирует, что полный разрыв («декаплинг») экономического роста и потребления ресурсов в принципе невозможен, в связи с чем следует задуматься о переходе к модели социально-экономического развития, предполагающей отказ от экономического роста вообще при фокусировании на некоем общественном благосостоянии или даже уровне счастья¹.

В части социально-экономического развития переходные риски для международно-политической системы транслируются в нескольких измерениях.

Во-первых, трансформации, происходящие в государственной политике в связи с растущей ролью изменения климата, могут негативно отражаться на экономике страны, если уровень ее диверсификации и готовности к изменениям не соответствует темпам и масштабам происходящих процессов, не позволяет к ним адаптироваться. Риски могут представлять, в частности, последствия энергетического перехода (например, резко возросший спрос на редкоземельные металлы и иные критичные для энергоперехода материалы, добыча которых в государствах со слабыми системами управления иногда сопровождается нарушениями прав человека), возможное противодействие граждан исчезновению традиционных источников дохода (от ископаемых видов топлива до земельных ресурсов, которые задействуются под установки генерации возобновляемой энергии или лесоразведение) либо, наоборот, их недовольство недостаточно активной климатической политикой ввиду ухудшающихся экологических условий, а также негативные последствия непродуманных адаптационных и митигационных мероприятий для состояния локальной окружающей среды и социальных систем². Так, электрическая и тепловая энергия могут становиться дороже для потребителей как результат энергоперехода в условиях, когда ВИЭ еще не достигли ценового паритета с ископаемым топливом, что отразится как на индивидуальных домохозяйствах, так и на стоимости потребительских товаров; одновременно занятые в углеродоемких отраслях могут терять рабочие места, а в более широком контексте такой спад может повлечь уменьшение общих доходов государства и соответствующее сокращение социальных расходов.

Во-вторых, элементы климатического и экологического дискурса все больше включаются в общественно-политическое поле и ценностные системы: появляются общественные группы и движения, оперирующие в широких рамках энвайронментализма, поддержка которых имеет все большее значение для легитимации государственной власти³. Распространение этого идеологического направления рассматривают как один из индикаторов перехода обществ к постматериалистическим ценностям⁴, что предполагает отказ от экономических нужд, от безопасности в пользу самоактуализации, приоритетности интеллекта, самовыражения, прав человека, равенства и т.п.⁵ Распространение постматериалистических ценностей ведет в том числе к распространению энвайронментализма – граждане начинают проявлять большую степень заботы и беспокойства об окружающей

1 "Growth Without Economic Growth," European Environmental Agency, January 11, 2021, accessed October 26, 2023, <https://www.eea.europa.eu/publications/growth-without-economic-growth>.

2 Buhaug et al. 2023.

3 Dryzek et al. 2003.

4 Tørstad et al. 2020.

5 Inglehart 1981; Inglehart 1971.

среде¹. Некоторые исследования устанавливают взаимосвязь демократичности политического режима с экологической ситуацией в стране; основная логика при этом состоит в том, что демократии обязаны предоставлять гражданам больший, чем автократии, набор общественных благ, в число которых входит и состояние окружающей среды². Впрочем, непросто отделить эти взаимосвязи от зависимости качественной окружающей среды от уровня дохода: постматериалистические ценности и демократичность нередко характерны именно для экономически развитых государств. Граждане в них уже обеспечили себе удовлетворение базовых потребностей, а потому предъявляют повышенный спрос на качественную окружающую среду. В бедных же странах, имеющих дело с массой других приоритетных задач, она остается скорее товаром роскоши.

Независимо от причины, в развитых странах растет запрос на включение климатических проблем в политическую повестку. Многие политические партии, преимущественно либерального и социально-демократического толка, используют их в качестве важной части своей политической платформы – например, Демократическая партия в США; Лейбористская партия в Великобритании; Либеральная, Рабочая и Социалистическая левая партии в Норвегии; Объединенные левые, «Подemos» и другие левые партии Испании и т.д. Распространяются и «зеленые» партии, также характеризующиеся социально-демократическими и в целом левыми идеологическими установками: такие политические силы выступают с позиций необходимости кардинального усиления климатических обязательств, нередко игнорируя возможные экономические последствия и объективные ресурсные ограничения. Им близки идеи полного прекращения поддержки углеродоемких отраслей и добычи углеводородов, а также альтернативные капитализму концепции государственного развития, в том числе «антирост». Такие партии способны набирать весомую политическую силу: так, сейчас они присутствуют в парламентах и входят в правительства Германии, Австрии, Бельгии, Ирландии и Исландии. До 2022–2023 гг. «зеленые» также составляли часть правящих коалиций в Финляндии, Швеции, Черногории, Новой Зеландии и Люксембурге, однако на фоне текущего мирового кризиса, коснувшегося в том числе энергетики, они вернулись в оппозицию, представляя, таким образом, интересы меньшей, чем ранее, части граждан. Как свидетельствуют примеры деятельности «зеленых» политических сил, в случае прихода к власти они способны влиять и на внешнеполитический курс. Ярким примером этому явилось назначение на пост министра иностранных дел уже в 1998 г. представителя германских «зеленых» Й. Фишера. И сегодня “Die Grünen” входят в правящую коалицию, а их представитель А. Бербок возглавляет министерство иностранных дел. Под влиянием «зеленых» политических сил может трансформироваться не только государственная климатическая политика, но и внешнеполитическая стратегия в целом.

Отдельным аспектом социально-экономического фактора является то обстоятельство, что изменение климата и необходимость борьбы с ним / адаптации к нему открывают новую грань проблем развития и межстранового неравенства³.

1 Booth 2017.

2 Fredriksson et al. 2005; Neumayer 2002.

3 Григорьев et al. 2020; Liu et al. 2022; Faus Onbargi 2022.

В развивающихся странах отсутствуют возможности инвестировать необходимые средства в «зеленый» переход, вследствие чего их отставание от развитых экономик может усилиться: в краткосрочной перспективе – в силу сокращения спроса на углеродоемкую продукцию, являющуюся основой их специализации; в долгосрочной перспективе – вследствие отсутствия доступа к низко- и безуглеродным технологиям, которые могли бы выстроить новую базу для развития экономик этих стран.

Межстрановые противоречия усиливаются тем, что в рамках климатического дискурса страны Юга нередко маргинализируются, будучи изображенными как средоточие насилия и новых угроз¹. Это связано с более высоким конфликтным потенциалом, вызванным в том числе изменением климата в странах Глобального Юга, а также с опасениями относительно возможного притока в развитые страны климатических беженцев.

Внешние факторы и «климатические клубы»

Еще одним значимым в международно-политическом контексте фактором, воздействующим на формирование климатической политики государств, является участие в международных климатических соглашениях и объединениях. К последним относятся как соглашения, действующие в рамках РКИК ООН (Киотский протокол, Парижское соглашение, документы, принятые по итогам Конференции сторон РКИК), так и отдельные многосторонние объединения и коалиции. Такие объединения включают в себя переговорные группы в рамках РКИК, образованные по региональному принципу и по конкретным направлениям (например, коалиция государств с влажными тропическими лесами); формирующиеся «зеленые альянсы» (например, между ЕС с Японией и Норвегией); а также «климатические клубы».

Последние представляют собой более жесткие режимы, которые стали появляться на дискурсивном, а затем и на организационном уровне после принятия Парижского соглашения². Они оказывают значительное влияние на эволюцию климатической политики государств, которое (в зависимости от типа клуба) может проявляться в санкционных мерах, применяемых за неисполнение каких-либо целей или договоренностей³. Сама концепция климатического клуба была предложена в 2015 г. нобелевским лауреатом У. Нордхаусом и предполагала довольно жесткие критерии, в частности координацию государствами-членами климатической политики и введение общего пограничного корректирующего углеродного механизма для импортируемых товаров из третьих стран⁴. Идея климатических клубов разрабатывалась и расширялась⁵, были предложены различные по жесткости их формы⁶, а ряд авторов высказывался в пользу того, что именно такая форма коалиций является наи-

1 Mirumachi et al 2020.

2 Falkner et al. 2022.

3 Rafael Leal-Arcas and Andrew Filis, "International Cooperation on Climate Change Mitigation: The Role of Climate Clubs. Queen Mary Law Research Paper No. 362/2021," SSRN, September 13, 2021, accessed October 26, 2023, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3863973.

4 Nordhaus 2015.

5 Clausing, Wolfram 2023; Falkner 2016; Gampfer 2016; Leal-Arcas, Filis 2021.

6 Falkner et al. 2022.

более многообещающей для достижения температурных целей Парижского соглашения¹.

Прообразами «климатических клубов» можно считать группы государств, занимающих схожую переговорную позицию в рамках РКИК по вопросам глобального управления в сфере климата, – «зонтичную группу», «группу ОПЕК», «группу BASIC», малые островные государства, наименее развитые страны, «Группу 77» и т.д.² В последние годы в рамках активизации климатической дипломатии Евросоюз инициировал создание климатического клуба совместно с США в составе Группы семи; решение о запуске уникального к настоящему моменту формата объединения государств в климатической политике было принято в 2022 г.³, хотя на практике функционирование клуба не запущено до сих пор. Вместе с новыми взаимозависимостями сформируются и новые альянсы, а уже существующие могут быть укреплены климатической компонентой. В то же время остальные из указанных групп преимущественно не институционализированы, а позиции и интересы государств даже в их рамках могут существенно отличаться.

Формирующиеся «климатические клубы» способны закрепить существующие «линии разлома» в мировой климатической политике на долгосрочную перспективу и отразиться на системе международных отношений в целом, усиливая ее растущую фрагментацию. Учреждение климатического клуба в рамках Группы семи указывает на стремление наиболее развитых экономик мира к усилению координации климатического регулирования, еще более обострившееся на фоне углубления энергетического сотрудничества после объявлений об отказе от российских углеводородов. Несмотря на заявления об открытости для всех стран, приверженных полному выполнению целей Парижского соглашения, эта площадка, вероятнее всего, соберет вокруг себя в основном членов Организации экономического сотрудничества и развития. В этом плане показательно, что на площадках, где присутствуют и развитые страны, и развивающиеся, – например в Группе двадцати – отмечаются гораздо большие противоречия. Несмотря на общее согласие относительно важности борьбы с изменением климата, там невозможно достичь консенсуса относительно темпов и методов движения к углеродной нейтральности, а также выработать единые цели климатической политики⁴. В частности, страны БРИКС занимают особую позицию в международном климатическом регулировании⁵ вследствие схожести интересов, заключающихся в приоритетности социально-экономического роста и технологического развития даже в условиях необходимости повышения климатических амбиций. Впрочем, несмотря на усиливающуюся согласованность позиций в рамках международных площадок, о создании оформленного «климатического клуба» БРИКС на данный момент говорить преждевременно. Однако этот процесс, как и появление других подобных региональных и межрегиональных объединений, может быть ускорен такими мерами, как пограничный компенсирующий угле-

1 Tarr et al. 2023; Tagliapetera, Wolff 2021.

2 Ковалев, Поршнева 2021; Tobin et al 2018.

3 "Terms of Reference for the Climate Club," G7 Germany, December 12, 2022, accessed October 26, 2023, <http://surl.li/pkcyo>.

4 Unger, Thielges 2021.

5 Xiujun 2020.

родный механизм ЕС, которые рассматриваются третьими странами в качестве очевидной угрозы их экономической безопасности.

Расколы международного сообщества по линии «климатических клубов» символизирует и то, что не все государства готовы в одинаковой степени передавать климатическое регулирование на наднациональный уровень, углубляя сотрудничество в этой сфере. Это относится, например, к рассмотренной выше проблеме климатической безопасности: в 2021 г. произошла попытка внести ее в повестку Совета Безопасности ООН, заблокированная Россией с мотивацией недопущения приравнивания климатических изменений по значимости к ключевым коренным причинам вооруженных конфликтов¹, что, в свою очередь, могло бы привести к игнорированию разрешения последних.

«Климатические клубы» в изначальном варианте представляют собой экономическую концепцию, и на текущий момент неизвестно, будут ли они в практическом выражении в большей степени экономическими или политическими объединениями. Кроме того, некоторые исследования утверждают, что большее стимулирующее влияние на климатический курс государств оказывает членство не в климатических, а в экономических, военных, политических либо всеобъемлющих международных объединениях, которые могут обеспечить финансовую, организационную и технологическую поддержку «зеленой» трансформации (что особенно актуально для развивающихся стран)².

Заключение

Климатическая политика становится одним из наиболее актуальных вопросов в современном политическом поле, и в дальнейшем ее значимость будет только расти. Человечество все чаще сталкивается с экстремальными погодными явлениями, а также с постепенными изменениями условий жизнедеятельности (например, в силу повышения уровня Мирового океана или усугубления водного стресса). Государства глобального Севера примут первых климатических беженцев и будут все больше обсуждать новые конфликты, вызванные климатическими изменениями, в рамках глобальных форумов безопасности. Фокус ресурсного дефицита будет постепенно смещаться от нефтегазовых ресурсов, контролируемых государствами ОПЕК+, в сторону металлов и минералов, критичных для энергоперехода, а также возобновляемых природных ресурсов вроде пахотных земель и пресной воды, приобретающих все большую ценность в связи с изменением климата. Энергетика ведущих стран будет все меньше зависеть от углеводородов, за счет которых был возможен их экономический рост в прошлом. Крупнейшие державы все больше будут конкурировать за контроль над технологическими решениями, которые составят основу нового технологического уклада. На геополитической карте мира страны «центра» практически не изменятся; но их региональные интересы и направления расширения политико-экономического влияния могут значительно сместиться. Разлом между развитыми и развивающимися странами

1 Политизация климата. Почему Россия заблокировала климатическую резолюцию ООН // ТАСС. 17 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13219399> (дата обращения: 26.10.2023).

2 Spilker 2011.

если не усилится, то точно не станет меньшим, так как теперь его будет обострять и климатическая тематика, переплетенная с развитием технологий, перетряской имеющихся конкурентных преимуществ различных государств, а также изменением условий для их социально-экономического развития. Обострятся вопросы глобального неравенства, неравномерного распределения богатства и гегемонии в мировой политике. Это усилит намечающийся уже подъем антизападной повестки, которая объединит большое количество государств, имеющих мало общего, кроме желания иметь большой голос в принятии решений по вопросам миропорядка.

В условиях выхода изменения климата на ведущие роли в мировой повестке Россия оказывается в особом положении. С одной стороны, она не принадлежит к числу развивающихся стран в терминах РКИК ООН, не переживает тяжелых проблем развития и не нуждается в международной помощи. С другой стороны, глобальная «зеленая» трансформация затрагивает ее национальные интересы и становится вызовом ее социально-экономическому развитию и, отчасти, политическому статусу на международной арене. Последнее относится не только к потенциальной потере статуса «энергетической сверхдержавы», но и к невозможности влиять на многие события и процессы, которые в том числе могут представлять собой угрозу национальной безопасности. В этом контексте, создаваемом внешней средой, Россия вынуждена пересматривать свой климатический курс, который, в свою очередь, непосредственно связан с экономическими, социальными, ресурсными, технологическими и внешнеполитическими аспектами ее развития: появляются новые долгосрочные приоритеты, транслируемые в международно-политическое поле.

2022 г. заставил российские политические элиты переосмыслить многие аспекты современного миропорядка. Вероятно, глобальный тренд декарбонизации начнет в скором времени восприниматься ими как нечто большее, чем модная политико-идеологическая повестка, призванная, среди прочего, препятствовать развитию российской экономики. Речь идет о формировании нового технологического уклада, который будет основываться на низкоуглеродных технологических решениях и борьба за лидерство в рамках которого на международной арене будет лишь обостряться. В условиях множественных зарубежных ограничительных мер такой взгляд соответствует интересам России в диверсификации экономики, усложнении ее структуры, снижении зависимости экспорта от узкого набора товарных групп, обеспечении технологического суверенитета.

Другим приоритетом, который актуализировался в новых геополитических условиях, является стремление к активизации диалога с незападными странами, в том числе по проблеме изменения климата, которая для многих из них входит в число явных приоритетов. Россия заинтересована как в продвижении альтернативной повестки декарбонизации, которая более соответствует ее национальным интересам, так и в консолидации под своим лидерством развивающихся стран, которые в более широком плане могут быть объединены стремлением к утверждению полицентричного миропорядка. В итоге возрастающее значение климата как нового фактора международных отношений находит свое отражение в национальном стратегическом планировании в сфере как климатической, так и экономической, и внешней политики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Вирт, Д.А. Парижское соглашение: новый компонент климатического режима ООН // Вестник международных организаций. 2017. Т. 12. № 4. С. 185–214. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2017-04-185>.

Wirth, David A. "The Paris Agreement as a New Component of the UN Climate Regime." *International Organisations Research Journal* 12, no. 4 (2017): 185–214.

Григорьев, Л.М., Макаров, И.А., Соколова, А.К., Павлюшина, В.А., Степанов, И.А. Изменение климата и неравенство: потенциал для совместного решения проблем // Вестник международных организаций. 2020. Т. 15. № 1. С. 7–30. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-01-01>.

Grigoryev, Leonid M., Igor A. Makarov, Anna K. Sokolova, Viktoria A. Pavlyushina, and Ilya A. Stepanov. "Climate Change and Inequality: How to Solve These Problems Jointly?" *International Organisations Research Journal* 15, no. 1 (2020): 7–30.

Ковалев, Ю.Ю., Поршнева, О.С. Страны БРИКС в международной климатической политике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 1. С. 64–78. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-1-64-78>.

Kovalev, Yuri Yu., and Olga S. Porshneva. "BRICS Countries in International Climate Policy." *Vestnik RUDN. International Relations* 21, no. 1 (2021): 64–78 [In Russian].

Макаров, И.А., Степанов, И.А. Углеродное регулирование: варианты и вызовы для России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2017. № 6. С. 3–22. <https://doi.org/10.38050/01300105201761>.

Makarov, Igor A., and Ilya A. Stepanov "Carbon Regulation: Options and Challenges for Russia." *Moscow University Economics Bulletin. Series 6, Economics*, no. 6 (2017): 3–22 [In Russian].

Шуранова, А.А., Чистиков, М.Н. Место климатической безопасности в стратегическом планировании: кейс России и Норвегии // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2023. № 2. С. 24–42. <https://doi.org/10.20542/afij-2023-2-24-42>.

Shuranova, Anna A., and Matvei N. Chistikov "Climate Security in States' Strategic Planning: The Case of Russia and Norway." *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*, no. 2 (2023): 24–42 [In Russian].

Albert, Michael J. "The Global Politics of the Renewable Energy Transition and the Non-Substitutability Hypothesis: Towards a 'Great Transformation?'" *Review of International Political Economy* 29, no. 5 (2021): 1766–1781. <https://doi.org/10.1080/09692290.2021.1980418>.

Blondeel, Mathieu, Michael J. Bradshaw, Gavin Bridge, and Caroline Kuzemko. "The Geopolitics of Energy System Transformation: A Review." *Geography Compass* 15, no. 7 (2021). <https://doi.org/10.1111/gec3.12580>.

Boas, Ingrid, and Delf Rothe. "From Conflict to Resilience? Explaining Recent Changes in Climate Security Discourse and Practice." *Environmental Politics* 25, no. 4 (2016): 613–632. <https://doi.org/10.1080/09644016.2016.1160479>.

Booth, Douglas E. "Postmaterialism and Support for the Environment in the United States." *Society & Natural Resources* 30, no. 11 (2017): 1404–1420. <https://doi.org/10.1080/08941920.2017.1295501>.

Buhaug, Halvard, and Nina von Uexkull. "Vicious Circles: Violence, Vulnerability, and Climate Change." *Annual Review of Environment and Resources* 46, no. 1 (2021): 545–568. <https://doi.org/10.1146/annurev-environ-012220-014708>.

Buhaug, Halvard, Tor A. Benjaminsen, Elisabeth A. Gilmore, and Cullen S. Hendrix. "Climate-driven Risks to Peace Over the 21st Century." *Climate Risk Management* 39 (2023). <https://doi.org/10.1016/j.crm.2022.100471>.

Buhaug, Halvard. "Climate Change and Conflict: Taking Stock." *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 22, no. 4 (2016): 331–338. <https://doi.org/10.1515/peps-2016-0034>.

Busby, Joshua W. "Beyond Internal Conflict: The Emergent Practice of Climate Security." *Journal of Peace Research* 58, no. 1 (2021): 186–194. <https://doi.org/10.1177/0022343320971019>.

Chasek, Pamela S. *Global Environmental Politics*, 7th ed. New York: Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9780429495236>.

Clausing, Kimberly A., and Catherine Wolfram. "Carbon Border Adjustments, Climate Clubs, and Subsidy Races When Climate Policies Vary." *The Journal of Economic Perspectives* 37, no. 3 (2023): 137–162. <https://doi.org/10.1257/jep.37.3.137>.

Daoudy, Marwa, Jeannie Sowers, and Erika Weinthal. "What Is Climate Security? Framing Risks around Water, Food, and Migration in the Middle East and North Africa." *WIREs Water* 9, no. 3 (2022). <https://doi.org/10.1002/wat2.1582>.

de Souza Boeno, Raul K., and Viriato Soromenho-Marques. "Climate Deterrence: Disasters and Security After COP 21." In *Information Technology in Disaster Risk Reduction*, edited by Yuko Murayama, Dimiter Velev, Plamena Zlateva, and Jose J. Gonzalez, 119–138. Cham: Springer, 2017. https://doi.org/10.1007/978-3-319-68486-4_10.

Dryzek, John S., David Downes, Christian Hunold, David Schlosberg, and Hans-Kristian Hernes. "Co-optive or Effective Inclusion? Movement Aims and State Imperatives." In *Green States and Social Movements*, by John S. Dryzek, David Downes, Christian Hunold, David Schlosberg, and Hans-Kristian Hernes, 56–80, 1st ed. Oxford: Oxford University Press, 2003. <https://doi.org/10.1093/0199249024.003.0003>.

Falkner, Robert, Naghmeh Nasiritousi, and Gunilla Reischl. "Climate Clubs: Politically Feasible and Desirable?" *Climate Policy* 22, no. 4 (2022): 480–487. <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.1967717>.

Falkner, Robert. "A Minilateral Solution for Global Climate Change? On Bargaining Efficiency, Club Benefits, and International Legitimacy." *Perspectives on Politics* 14, no. 1 (2016): 87–101. <https://doi.org/10.1017/S1537592715003242>.

Faus Onbargi, Alexia. "The Climate Change – Inequality Nexus: Towards Environmental and Socio-Ecological Inequalities with a Focus on Human Capabilities." *Journal of Integrative Environmental Sciences* 19, no. 1 (2022): 163–170. <https://doi.org/10.1080/01943815X.2022.2131828>.

Ferguson, Peter. "Discourses of Resilience in the Climate Security Debate." *Global Environmental Politics* 19, no. 1 (2019): 104–126. https://doi.org/10.1162/glep_a_00500.

Fredriksson, Per G., Eric Neumayer, Richard Damania, and Scott Gates. "Environmentalism, Democracy, and Pollution Control." *Journal of Environmental Economics and Management* 49, no. 2 (2005): 343–365. <https://doi.org/10.1016/j.jeem.2004.04.004>.

Friedlingstein, Pierre, Michael O'Sullivan, Matthew W. Jones, Robbie M. Andrew, Luke Gregor, Judith

Hauck, Corinne Le Quéré, et al. "Global Carbon Budget 2022." *Earth System Science Data* 14, no. 11 (November 11, 2022): 4811–4900. <https://doi.org/10.5194/essd-14-4811-2022>.

Gampfer, Robert. "Minilateralism or the UNFCCC? The Political Feasibility of Climate Clubs." *Global Environmental Politics* 16, no. 3 (2016): 62–88. https://doi.org/10.1162/GLEP_a_00366.

Gilmore, Elisabeth A. "Introduction to Special Issue: Disciplinary Perspectives on Climate Change and Conflict." *Current Climate Change Reports* 3 (2017): 193–199. <https://doi.org/10.1007/s40641-017-0081-y>.

Harari, Mariaflavia, and Eliana La Ferrara. "Conflict, Climate, and Cells: A Disaggregated Analysis." *Review of Economics and Statistics* 100, no. 4 (2018): 594–608. https://doi.org/10.1162/REST_a_00730.

Hill, Julie. "Circular Economy and the Policy Landscape in the UK." In *Taking Stock of Industrial Ecology*, edited by Roland Clift and Angela Druckman, 265–274. Cham: Springer, 2015. https://doi.org/10.1007/978-3-319-20571-7_13.

Inglehart, Ronald. "Post-Materialism in an Environment of Insecurity." *American Political Science Review* 75 (1981): 880–900. <https://doi.org/10.2307/1962290>.

Inglehart, Ronald. "The Silent Revolution in Europe: Intergenerational Change in Post-Industrial Societies." *American Political Science Review* 65 (1971): 991–1017. <https://doi.org/10.1590/S0104-44782012000300008>.

Johnsson, Filip, Jan Kjærstad, and Johan Rootzén. "The Threat to Climate Change Mitigation Posed by the Abundance of Fossil Fuels." *Climate Policy* 19, no. 2 (2019): 258–274. <https://doi.org/10.1080/14693062.2018.1483885>.

Kaiser, Cille. "Rethinking Polycentricity: on the North–South Imbalances in Transnational Climate Change Governance." *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics* 22 (2022): 693–713. <https://doi.org/10.1007/s10784-022-09579-2>.

Kameyama, Yasuko, and Keishi Ono. "The development of climate security discourse in Japan." *Sustainability Science* 16 (2021): 271–281. <https://doi.org/10.1007/s11625-020-00863-1>.

Klinsky, Sonja, and Jasmina Brankovic. *The Global Climate Regime and Transitional Justice*. London: Routledge, 2018.

Koubi, Vally. "Climate Change and Conflict." *Annual Review of Political Science* 22 (2019): 343–360. <http://dx.doi.org/10.1146/annurev-polisci-050317-070830>.

Lamain, Corinne. "Conflicting Security: Contributions to a Critical Research Agenda on Climate Security." *Globalizations* 19, no. 8 (2022): 1257–1272. <https://doi.org/10.1080/14747731.2022.2057093>.

Leal-Arcas, Rafael, and Andrew Filis. "International Cooperation on Climate Change Mitigation: The Role of Climate Clubs." SSRN Scholarly Paper. Rochester, NY, June 10, 2021. <https://doi.org/10.2139/ssrn.3863973>.

Leal-Arcas, Rafael, and Andrew Filis. "International Cooperation on Climate Change Mitigation: The Role of Climate Clubs." *European Energy and Environmental Law Review* 30, no. 5 (2021): 195–218. <https://doi.org/10.54648/eelr2021020>.

Liu, Zhancheng, Xinzi Lu, Ziyi Guo, and Haonan Ye. "Climate Change and Inequality: The Effectiveness and Potential Improvements of the Existing Approaches." *SHS Web of Conferences* 148 (2022). <https://doi.org/10.1051/shsconf/202214801026>.

Loiseau, Eleonore, Laura Saikku, Riina Antikainen, Nils Droste, Bernd Hansjürgens, Kati Pitkänen, Pekka

Leskinen, Peter Kuikman, and Marianne Thomsen. "Green Economy and Related Concepts: An Overview." *Journal of Cleaner Production* 139 (2016): 361–371. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2016.08.024>.

Mach, Katharine J., Caroline M. Kraan, W. Neil Adger, Halvard Buhaug, Marshall Burke, James D. Fearon, Christopher B. Field, et al. "Climate as a Risk Factor for Armed Conflict." *Nature* 571 (2019): 193–197. <https://doi.org/10.1038/s41586-019-1300-6>.

McDonald, Matt. "Discourses of Climate Security." *Political Geography* 33 (2013): 42–51. <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2013.01.002>.

Mirumachi, Naho, Amiera Sawas, and Mark Workman. "Unveiling the Security Concerns of Low Carbon Development: Climate Security Analysis of the Undesirable and Unintended Effects of Mitigation and Adaptation." *Climate and Development* 12, no. 2 (2020): 97–109. <https://doi.org/10.1080/17565529.2019.1604310>.

Neumayer, Eric. "Do Democracies Exhibit Stronger International Environmental Commitment? A Cross-country Analysis." *Journal of Peace Research* 39, no. 2 (2002): 139–164. <https://doi.org/10.1177/0022343302039002001>.

Nordhaus, William. "Climate Clubs: Overcoming Free-Riding in International Climate Policy." *The American Economic Review* 105, no. 4 (2015): 1339–1370. <https://doi.org/10.1257/aer.15000001>.

Odeyemi, Christo. "The UNFCCC, the EU, and the UNSC: A Research Agenda Proposal for the Climate Security Question." *Advances in Climate Change Research* 11, no. 4 (2020): 442–452. <https://doi.org/10.1016/j.accre.2020.11.004>.

Oels, Angela. "Rendering Climate Change Governable by Risk: From Probability to Contingency." *Geoforum* 45 (2013): 17–29. <https://doi.org/10.1016/j.geoforum.2011.09.007>.

Overland, Indra, Javlon Juraev, and Roman Vakulchuk. "Are Renewable Energy Sources More Evenly Distributed than Fossil Fuels?" *Renewable Energy* 200 (2022): 379–386. <https://doi.org/10.1016/j.renene.2022.09.046>.

Pacillo, Grazia, Daniel Kangogo, Ignacio Madurga-Lopez, Victor Villa, Anna Belli, and Peter Läderach. "Is Climate Exacerbating the Root Causes of Conflict in Mali? A Climate Security Analysis through a Structural Equation Modeling Approach." *Frontiers in Climate* 4 (2022). <https://doi.org/10.3389/fclim.2022.849757>.

Pettenger, Mary E. "Framing Global Climate Security." In *Global Insecurity: Futures of Global Chaos and Governance*, edited by Anthony Burke and Rita Parker, 119–137. London: Palgrave Macmillan, 2017. https://doi.org/10.1057/978-1-349-95145-1_7.

Rantanen, Mika, Alexey Yu. Karpechko, Antti Lippinen, Kalle Nordling, Otto Hyvärinen, Kimmo Ruosteenoja, Timo Vihma, and Ari Laaksonen. "The Arctic Has Warmed Nearly Four Times Faster than the Globe since 1979." *Communications Earth & Environment* 3, no. 1 (2022). <https://doi.org/10.1038/s43247-022-00498-3>.

Rothe, Delf. "Managing Climate Risks or Risking a Managerial Climate: State, Security and Governance in the International Climate Regime." *International Relations* 25, no. 3 (2011): 330–345. <https://doi.org/10.1177/0047117811415486>.

Scartozzi, Cesare M. "Climate Change in the UN Security Council: An Analysis of Discourses and Organizational Trends." *International Studies Perspectives* 23, no. 3 (2022): 290–312. <https://doi.org/10.1093/isp/ekac003>.

Scholten, Daniel, Morgan Bazilian, Indra Overland, and Kirsten Westphal. "The Geopolitics of Renewables:

New Board, New Game." *Energy Policy* 138 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.111059>.

Spilker, Gabriele. "Helpful Organizations: Membership in Inter-Governmental Organizations and Environmental Quality in Developing Countries." *British Journal of Political Science* 42, no. 2 (2011): 345–370. <https://doi.org/10.1017/S0007123411000329>.

Stranadko, Nataliya. "Global Climate Governance: Rising Trend of Translateral Cooperation." *International Environmental Agreements: Politics, Law and Economics* 22, no. 4 (2022): 639–657. <https://doi.org/10.1007/s10784-022-09575-6>.

Tagliapietra, Simone, and Guntram B. Wolff. "Conditions Are Ideal for a New Climate Club." *Energy Policy* 158 (2021). <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2021.112527>.

Tarr, David G., Dmitrii E. Kuznetsov, Indra Overland, and Roman Vakulchuk. "Why Carbon Border Adjustment Mechanisms Will Not Save the Planet but a Climate Club and Subsidies for Transformative Green Technologies May." *Energy Economics* 122 (2023). <https://doi.org/10.1016/j.eneco.2023.106695>.

Theisen, Ole Magnus, Nils Petter Gleditsch, and Halvard Buhaug. "Climate Change and Armed Conflict 1: Reviewing the Evidence." In *States and Peoples in Conflict*, edited by Michael Stohl, Mark I. Lichbach, and Peter Nils Grabosky, 1st ed., 113–129. New York: Routledge, 2017. <https://doi.org/10.4324/9781315623634-7>.

Tobin, Paul, Nicole M. Schmidt, Jale Tosun, and Charlotte Burns. "Mapping States' Paris Climate Pledges: Analysing Targets and Groups at COP 21." *Global Environmental Change* 48 (2018): 11–21. <https://doi.org/10.1016/j.gloenvcha.2017.11.002>.

Tørstad, Vegard, Håkon Sælen, and Live Standal Bøyum. "The Domestic Politics of International Climate Commitments: Which Factors Explain Cross-Country Variation in NDC Ambition?" *Environmental Research*

Letters 15, no. 2 (2020). <https://doi.org/10.1088/1748-9326/ab63e0>.

Unger, Charlotte, and Sonja Thielges. "Preparing the Playing Field: Climate Club Governance of the G20, Climate and Clean Air Coalition, and Under2 Coalition." *Climatic Change* 167 (2021). <https://doi.org/10.1007/s10584-021-03189-8>.

Vakulchuk, Roman, Indra Overland, and Daniel Scholten. "Renewable Energy and Geopolitics: A Review." *Renewable and Sustainable Energy Reviews* 122 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.rser.2019.109547>.

van Weezel, Stijn. "Local Warming and Violent Armed Conflict in Africa." *World Development* 126 (2020). <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2019.104708>.

von Uexkull, Nina, and Halvard Buhaug. "Security Implications of Climate Change: A Decade of Scientific Progress." *Journal of Peace Research* 58, no. 1 (2021): 3–17. <https://doi.org/10.1177/0022343320984210>.

Vousdoukas, Michalis I., Panagiotis Athanasiou, Alessio Giardino, Lorenzo Mentaschi, Alessandro Stocchino, Robert E. Kopp, Pelayo Menéndez, Michael W. Beck, Roshanka Ranasinghe, and Luc Feyen. "Small Island Developing States under Threat by Rising Seas Even in a 1.5°C Warming World." *Nature Sustainability* 6, no. 12 (2023): 1552–1564. <https://doi.org/10.1038/s41893-023-01230-5>.

Xie, Xiaolan, Mengmeng Hao, Fangyu Ding, David Helman, Jürgen Scheffran, Qian Wang, Quansheng Ge, and Dong Jiang. "Exploring the Direct and Indirect Impacts of Climate Variability on Armed Conflict in South Asia." *IScience* 25, no. 11 (2022). <https://doi.org/10.1016/j.isci.2022.105258>.

Xiujun, Xu. "The BRICS countries and international cooperation on climate change." In *The BRICS Studies: Theories and Issues, 1st ed.*, edited by Xu Xiujun. London: Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9780367492212-12>.

Сведения об авторах

Игорь Алексеевич Макаров,

к.э.н., руководитель Департамента мировой экономики,
заведующий Лабораторией экономики изменения климата НИУ ВШЭ
119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: imakarov@hse.ru

Анна Артёмовна Шуранова,

младший научный сотрудник Лаборатории экономики изменения климата НИУ ВШЭ
119017, Россия, Москва, ул. Малая Ордынка, 17

e-mail: ashuranova@hse.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 октября 2023.

Переработана: 18 ноября 2023.

Принята к публикации: 23 ноября 2023.

Сведения о финансировании

В данной научной работе использованы результаты проекта «Декарбонизация в странах-импортерах и странах-экспортерах ископаемого топлива: различия в подходах и возможности выработки совместных практик», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2023 г.

Благодарность

Авторы выражают благодарность за поддержку Факультету мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Макаров, И.А., Шуранова, А.А. Климатические изменения как новый фактор международных отношений // Международная аналитика. 2023. Том 14 (4). С. 52–74.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74>

Climate Change as a New Factor of International Relations

ABSTRACT

This article explores the escalating impact of climate change and the global green transition on international relations, particularly in the aftermath of the Paris Agreement in 2015. While physical risks stemming directly from climate change consequences are a concern, the rise of transition risks associated with the global green shift poses significant threats to societies, political systems, and economies. The current emissions reduction targets outlined in the Paris Agreement are deemed inadequate to address the mounting physical risks, underscoring the imperative of enhancing states' climate security. Transition risks are intricately linked to the fragmentation of global politics, driven by varying climate ambitions and disagreements on decarbonization methods among states. Fault lines emerge based on factors such as fossil fuel abundance, states' positions in energy geopolitics, socio-economic development levels, utilization of green transition opportunities, and participation in international climate agreements. In this context, Russia confronts numerous risks, compelling the nation to articulate and advocate its unique vision of decarbonization while fostering alliances with non-Western states in this critical domain.

KEYWORDS

international climate politics, decarbonization, international climate change regime, physical risks, transition risks, climate security, energy transition

Authors*Igor A. Makarov*

PhD (Econ.), Head of School of World Economy,
Head of Laboratory for Economics of Climate Change,
HSE University

17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017

e-mail: imakarov@hse.ru

Anna A. Shuranova

Junior research fellow, Laboratory for Economics of Climate Change,
HSE University

17, Malaya Ordynka street, Moscow, Russia, 119017

e-mail: ashuranova@hse.ru

Additional information

Received: October 30, 2023. Revised: November 18, 2023. Accepted: November 23, 2023.

Funding

The article draws on the results of the project “Decarbonization in importing and exporting countries of fossil fuels: differences in approaches and opportunities for developing joint practices,” carried out within the framework of the HSE Basic Research Program in 2023.

Acknowledgment

The authors also express their gratitude for the support of the Faculty of World Economics and World Politics of the Higher School of Economics.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Makarov, Igor A., and Anna A. Shuranova. “Climate Change as a New Factor of International Relations.” *Journal of International Analytics* 14, no. 4 (2023): 52–74.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-52-74>

Климатическое лидерство ЕС: противоречия углеродного регулирования

Ирина Вячеславовна Болгова, МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Евгения Андреевна Столярова, МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Контактный адрес: i.bolgova@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу европейского механизма трансграничного углеродного регулирования (*СВАМ*) в контексте стремления ЕС укрепить лидерские позиции в сфере борьбы с изменением климата. Введение *СВАМ* стало очередным шагом на пути к заявленной углеродной нейтральности, которая уже превратилась в ориентир развития других акторов. Исследование внутренней и внешней динамики внедрения *СВАМ* позволяет проанализировать его роль как инструмента дипломатического лидерства и лидерства посредством примера. С одной стороны, ЕС считает необходимым защитить европейских производителей от производителей из стран с более низкими климатическими стандартами.

С другой стороны, стремление привлечь другие страны к созданию подобных *СВАМ* механизмов призвано усиливать лидерский потенциал ЕС, способствуя формированию многосторонних «климатических клубов» и постепенному пересмотру существующего климатического режима. Сочетание протекционистских мер, направленных на защиту экономики ЕС, и нарратива об активизации многостороннего сотрудничества по вопросам борьбы с изменением климата несет в себе определенные противоречия, препятствующие реализации лидерских амбиций ЕС. *СВАМ* провоцирует других глобальных игроков, прежде всего США, следовать по такому же пути принятия охранительных мер. Китай не готов отказаться от собственного содержательного наполнения климатической повестки, которая влияет на конструирование его идентичности. Для России характерно другое восприятие проблемы потепления климата, обусловленное национальными интересами и структурой экономики. Проецирование регуляторной силы ЕС вовне также вызывает сопротивление развивающихся и наименее развитых стран, что может нанести серьезный урон ЕС как нормативному игроку.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ЕС, СВАМ, климатический клуб, лидерство, «Зеленый курс»

В октябре 2023 г. в ЕС вступил в силу так называемый углеродный налог (*CBAM – carbon border adjustment mechanism* – механизм трансграничного углеродного регулирования), который является частью «Зеленого курса»¹. В Регламенте 2023/956, устанавливающем *CBAM*, ЕС призывает третьи страны вводить собственные системы тарификации углеродных выбросов и предлагает создать «климатический клуб» для «содействия осуществлению амбициозной климатической политики во всех странах и прокладывания пути к глобальной системе ценообразования на выбросы углерода»². Таким образом ЕС рассматривает углеродный налог как один из инструментов для создания и содержательного наполнения многосторонних форматов в области борьбы с изменением климата.

Стремление ЕС играть лидирующую роль в глобальной климатической повестке закреплено в основополагающих документах, в первую очередь в Договоре о функционировании Европейского союза, статья 191 которого фиксирует, что ЕС ставит целью продвижение на международном уровне инструментов по борьбе с изменением климата³. Принятие «Зеленого курса» стало маркером усиления роли климатической повестки в политике ЕС, так как сформировало комплексную систему мер, направленных на включение экологических вопросов в контекст экономического развития. Введение *CBAM* стало очередным этапом его практической реализации. Несколько лет *CBAM* будет функционировать как отчетное обязательство: европейские импортеры, приобретающие цемент, железо и сталь, алюминий, химикаты и электроэнергию из третьих стран, должны будут предоставлять информацию об углеродоемкости импортируемой продукции, не уплачивая при этом деньги за сопутствующие производству выбросы парниковых газов. Как реальный налог *CBAM* начнет действовать только в 2026 году⁴. Транзитный период важен для ЕС не только с точки зрения совершенствования действия механизма, но и потому, что за этот промежуток времени должна окончательно проявиться реакция внешних акторов – торговых партнеров ЕС, в том числе крупных экономических держав. Поэтому представляется логичным рассматривать механизм трансграничного углеродного регулирования не только как защитную меру для европейского рынка, но и в качестве инструмента для стимулирования международного сотрудничества в сфере экологии (и борьбы с изменением климата, в частности).

Данная статья призвана оценить потенциал *CBAM* в контексте стратегии ЕС по укреплению лидерских позиций в глобальной климатической повестке с учетом внутренней и внешней мотивации. Исследование политической составляющей климатического инструментария ЕС представляется тем более актуальным, что в основном академические работы, посвященные «углеродному налогу» ЕС, сконцентрированы на анализе его юридических (например, соответствие пра-

- 1 "The European Green Deal," EUR-Lex, December 11, 2019, accessed October 10, 2023, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?qid=1576150542719&uri=COM%3A2019%3A640%3AFIN>.
- 2 "Regulation," (EU) 2023/956 of the European Parliament and of the Council of 10 May 2023 Establishing a Carbon Border Adjustment Mechanism," EUR-Lex, May 10, 2023, accessed October 10, 2023, <https://eur-lex.europa.eu/eli/reg/2023/956/oj>.
- 3 "Consolidated Version of the Treaty on the Functioning of the European Union," EUR-Lex, October 12, 2012, accessed October 10, 2023, <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A12012E%2FTXT>.
- 4 Regulation (EU) 2023/956.

вилам ВТО)¹ и технических (дизайн налога)² аспектов. На основании анализа документов и принимаемых практических шагов исследование демонстрирует, что внедрение *СВАМ* сочетает в себе два типа лидерства: лидерство посредством примера (*exemplary*) и дипломатическое (*diplomatic*)³. При этом объединение в регулирующем механизме протекционистских мер, направленных на защиту экономики ЕС, и нарратива об активизации многостороннего сотрудничества по вопросам борьбы с изменением климата задает внутреннее противоречие между двумя обозначенными типами лидерства в политике ЕС.

Внутренняя динамика европейской климатической политики

Климатическая политика ЕС с начала 1990-х гг. строилась вокруг ужесточения экологических показателей: уровня выбросов парниковых газов, повышения энергоэффективности и увеличения доли возобновляемой энергетики в структуре энергопотребления. Заявляемые в официальных документах начиная с 1990-х гг. цели всегда были более амбициозными по сравнению с соответствующими показателями других развитых стран и формировали повестку лидерства посредством «заслуживающего доверие примера»⁴.

Внутри ЕС главным механизмом уменьшения выбросов парниковых газов является Система торговли квотами на выбросы парниковых газов (СТВ), которая была запущена в 2005 г. и стала первой подобной системой в мире⁵. СТВ распространяется на несколько энергоемких секторов: нефтепереработка, электроэнергетика, металлургическая, бумажная, стекольная промышленность, авиаперевозки и др. В течение многих лет цены на разрешения (квоты) на выбросы, выдаваемые в рамках СТВ, оставались низкими, а некоторым «грязным» секторам выдавались бесплатные разрешения⁶. В 2014–2015 гг. цена квоты на выброс 1 т CO₂ составляла 4 евро⁷, и такой уровень цен не стимулировал производителей переходить на низкоуглеродные технологии. По этой причине на повестку дня встал вопрос о реформе СТВ на период ее функционирования до 2030 г., и эта реформа стала одним из основных инструментов реализации Стратегии ЕС в области климата и энергетики до 2030 года⁸.

Для того чтобы выполнить обязательства ЕС по сокращению выбросов в рамках Парижского соглашения по климату 2015 г., секторам, участвующим в СТВ, необходимо сократить выбросы парниковых газов на 43% по сравнению с показателями 2005 г.⁹ Достижение этой цели возможно при условии повышения цен на разрешения, сокращения их количества и подключения других секторов

1 Monjon, Quirion 2010; Falcao 2020; Dobson 2022; Варнавский 2023.

2 Weko et al. 2020; Eicke et al. 2021.

3 Oberthür, Dupont 2021.

4 The European Green Deal.

5 Кавешников 2017.

6 Clo` et al. 2013.

7 Кавешников 2021.

8 "Conclusions on 2030 Climate and Energy Policy Framework," European Council, October 23, 2014, accessed October 10, 2023, https://www.consilium.europa.eu/uedocs/cms_data/docs/pressdata/en/ec/145356.pdf.

9 "Directive (EU) 2018/410 of the European Parliament and of the Council of 14 March 2018 Amending Directive 2003/87/EC to Enhance Cost-Effective Emission Reductions and Low-Carbon Investments, and Decision (EU) 2015/1814," EUR-Lex, March 14, 2018, accessed October 10, 2023, <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2018/410/oj>.

к системе¹. Повышение цены квоты оказывает негативное влияние на конкурентоспособность европейских производителей². На этом фоне возникла необходимость создать такой механизм, который защитил бы европейских производителей³ и гарантировал то, что экспортеры энергоемкой продукции в ЕС не платят за выбросы меньше, чем европейские компании. Так появился *СВАМ*, который Европейская комиссия представила как средство для предотвращения так называемой утечки углерода. «Утечка углерода» происходит, если предприятия переносят производство из стран с высокими климатическими стандартами в страны с низкими климатическими стандартами или если импорт из стран с низкими затратами, связанными с климатической политикой, начинает заменять менее углеродоемкую (т.е. более экологичную) продукцию. В Брюсселе подчеркивают, что такие ситуации могут привести к увеличению общего объема глобальных выбросов и поставить под сомнение эффективность европейской климатической политики⁴.

Немаловажно, что и реформой СТВ, и внедрением *СВАМ* в качестве дополнения к этой реформе руководит Еврокомиссия. Именно она занимается разработкой методики расчета выбросов и созданием платформы, которую европейские импортеры должны будут использовать для декларирования эмиссий. Это может способствовать относительному укреплению позиций Еврокомиссии как главного исполнительного органа ЕС⁵. Кроме того, климатическую политику относят к одной из немногих областей, где наблюдается позитивная интеграционная динамика, несмотря на существующие разногласия между государствами-членами⁶. Таким образом, повестка продвижения климатического лидерства создает возможности для усиления легитимности общих институтов и придания новых импульсов интеграционному строительству⁷.

Внешнее измерение климатической политики ЕС

Идея достижения углеродной нейтральности к 2050 г., зафиксированная в «Зеленом курсе», стала основным элементом не только внутреннего развития, но и внешней политики ЕС. Внешнее измерение европейской климатической политики также подчинено логике обеспечения и укрепления лидерских позиций ЕС. Это касается как деятельности многосторонних институтов на базе Рамочной конвенции ООН об изменении климата (РКИК ООН), так и «дипломатии зеленых соглашений»⁸ в рамках двусторонних отношений с партнерами, отношений с ближайшими соседями, а также странами Африки, Латинской Америки и Карибского бассейна, Азиатско-Тихоокеанского региона. Поскольку, согласно официальному нарративу, изменение климата не только представляет опасность само по себе, но и «действует как мультипликатор угроз и источник нестабильности»⁹,

1 Hájek et al. 2019.

2 Joltreau, Sommerfeld 2019.

3 Sjöholm 2023.

4 Regulation (EU) 2023/956.

5 Стрежнева 2023.

6 Арбатова 2022.

7 Vogler 2013, 637.

8 The European Green Deal.

9 Ibid.

климатическая повестка была включена в реализацию Общей политики безопасности и обороны (ОПБО). Например, согласно Дорожной карте ЕС по вопросам климата и обороны, в выработке ОПБО теперь участвуют советники по экологическим вопросам, причем экологический след каждой миссии и операции оценивается с помощью специального механизма¹. Положение о выполнении Дорожной карты зафиксировано в концепции «Стратегического компаса для безопасности и обороны», где повышение устойчивости к изменению климата, стихийным бедствиям и чрезвычайным ситуациям относится к одной из основ европейской политики в сфере безопасности². Подобное двумерное восприятие европейцами климатических вопросов (как части внешней политики и политики безопасности) подталкивает некоторых экспертов к заключению о том, что климатическая повестка является измерением политики стратегической автономии ЕС, а потому европейские климатические проекты, включая «Зеленый курс», не предназначены для других стран³.

Если в экономической сфере на фоне усилившегося соперничества великих держав ЕС действует скорее как обороняющийся актор⁴, то в области климата европейская политика имеет более наступательный характер. Дипломатический компонент лидерства в этой связи предполагает способность европейских инициатив стимулировать международное сотрудничество в сфере борьбы с изменением климата⁵. Этого не так просто добиться, поскольку действия по защите окружающей среды неразрывно связаны с понятием «общественных благ», которые остаются недораспределенными в децентрализованной международной системе⁶. Отсутствие единого центра силы активизирует «проблему безбилетника»⁷. В случае с климатом каждая страна несет индивидуальные издержки по сокращению выбросов, а выгоды от этого распределяются между всеми вне зависимости от приложенных усилий. Как следствие, у акторов уменьшаются стимулы к сокращению выбросов⁸. Поскольку существующие институты глобального климатического управления не обладают достаточным потенциалом для решения «проблемы безбилетника», Р. Кохейн и Д. Виктор считают, что необходимо начинать с локальной координации и создания политических коалиций⁹. Такой подход «малых шагов» вписывается в продвигаемую ЕС концепцию «эффективного мультилатерализма».

Эта концепция была представлена еще в Европейской стратегии безопасности в 2003 г.¹⁰ С одной стороны, «эффективный мультилатерализм» подразумевает существование универсальной и юридически обязательной многосторонней системы, в центре которой находится ООН. С другой стороны, эта концепция

1 "The EU Climate Change and Defence Roadmap," The Diplomatic Service of the European Union, March 31, 2022, accessed October 10, 2023, https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-climate-change-and-defence-roadmap_en#top.

2 "A Strategic Compass for Security and Defence," The Diplomatic Service of the European Union, March 24, 2022, accessed October 10, 2023, https://www.eeas.europa.eu/eeas/strategic-compass-security-and-defence-0_en.

3 Арбатова 2022.

4 Weinhardt et al. 2022.

5 Szulecki et al. 2022.

6 Keohane, Victor 2016.

7 Nordhaus 2015.

8 Степанов et al. 2023.

9 Ibid.

10 "European Security Strategy 'A Secure Europe in a Better World,'" European Council, December 12, 2003, accessed October 10, 2023, https://www.cvce.eu/content/publication/2004/10/11/1df262f2-260c-486f-b414-dbf8dc112b6b/publishable_en.pdf.

отражает европейское видение, согласно которому многосторонние институты должны быть эффективными (т.е. добиваться реальных результатов) в решении современных проблем, в частности благодаря их способности обеспечивать выполнение обязательств¹. После потрясений, связанных с пандемией *COVID-19*, ЕС подтвердил свою приверженность принципам «эффективного мультилатерализма», выпустив совместное коммюнике Европарламента и Совета ЕС «Об увеличении вклада ЕС в основанный на правилах мультилатерализм»². В нем говорится, что глобальные вызовы требуют глобальных ответов и что ЕС готов содействовать укреплению многосторонности при двух условиях. Во-первых, в мире, где другие акторы руководствуются прагматичными интересами, ЕС должен действовать более решительно и создавать коалиции с единомышленниками. Во-вторых, ЕС не может оставаться приверженным многостороннему подходу только ради самого принципа – необходимо, чтобы другие акторы подключились к укреплению многосторонности.

Следуя этой логике, ЕС на официальном уровне не ограничивает свой амбициозный проект – *CBAM* – территорией Союза. Поскольку на ЕС приходится только 7,3% мировых выбросов³, европейские климатические меры должны быть ориентированы и на другие регионы. ЕС предлагает создать объединение стран, разрабатывающих собственные системы оценки выбросов углекислого газа, на площадке многосторонней международной организации. «Климатический клуб» должен быть открытым, добровольным, инклюзивным, способствовать сопоставлению и, при необходимости, координации соответствующих мер, оказывающих влияние на сокращение выбросов⁴. Сами европейцы подчеркивают, что, будучи одним из крупнейших рынков и торговых объединений, ЕС имеет возможность устанавливать правила и стандарты для импортируемых товаров и услуг⁵ и тем самым влиять на климатическую политику других стран. По этой причине *CBAM* – это не просто очередной элемент внутреннего европейского климатического регулирования или европейской торговой политики, а основа для нового формата многостороннего взаимодействия⁶.

На повестке политической и академической дискуссий в этой связи получила широкое распространение концепция «климатических клубов». Такая форма взаимодействия позволяет преодолеть недостатки существующего многостороннего климатического режима под эгидой ООН: меньшее число участников повышает вероятность соблюдения договоренностей⁷. Проведя серию интервью с теоретиками и практиками, Р. Фолкнер с коллегами составили классификацию «климатических клубов» в зависимости от их целей, принципов функционирования, юридической силы, а также сложности их создания и приносимой пользы⁸.

1 Renard 2015

2 "Joint Communication to the European Parliament and the Council on Strengthening the EU's Contribution to Rules-Based Multilateralism," The Diplomatic Service of the European Union, February 17, 2021, accessed October 10, 2023, https://www.eeas.europa.eu/eeas/joint-communication-european-parliament-and-council-strengthening-eu's-contribution-rules-based_en.

3 "CO₂ Emissions of All World Countries," EDGAR, 2022, accessed October 10, 2023, https://edgar.jrc.ec.europa.eu/report_2022?vis=tot#data_download.

4 Regulation (EU) 2023/956.

5 "Europe Must Become a Global Climate Power (with Werner Hoyer)," The Diplomatic Service of the European Union, January 22, 2021, accessed October 10, 2023, https://www.eeas.europa.eu/eeas/europe-must-become-global-climate-power-werner-hoyer_en.

6 Szulecki et al. 2022.

7 Heal, Kunreuther 2017.

8 Falkner et al. 2022.

Нормативный клуб (*normative club*) объединяет государства и негосударственных акторов, которые имеют общие убеждения и климатические цели (например, углеродная нейтральность или отказ от угля). Они продвигают инновационные политические решения и задают темп в глобальных усилиях по смягчению последствий изменения климата. Отсутствие формальных требований к членству является одновременно преимуществом и недостатком нормативных клубов: вступить в них так же легко, как выйти.

Основной целью переговорного клуба (*bargaining club*) является устранение разногласий между наиболее влиятельными игроками в области борьбы с потеплением климата и создание условий для подписания более устойчивых международных соглашений. Даже если участники переговорного клуба не могут разрешить глубоко укоренившиеся конфликты, работа в рамках минилатерального форума способствует укреплению доверия между ключевыми акторами. По сравнению с нормативными, переговорные клубы ставят перед собой менее амбициозные цели.

Трансформационный клуб (*transformational club*) – это наиболее радикальная модель, которая предъявляет высокие требования к участникам: согласование юридически обязательных правил и санкций против нарушителей этих правил. И в этом заключается главная уязвимость модели, поскольку международные акторы склонны отвергать всеобъемлющие и обязательные к исполнению нормы¹. При этом нобелевский лауреат по экономике У. Нордхаус настаивает, что ключевым элементом эффективного «климатического клуба» являются именно санкции для неучастников². Страны, входящие в «климатический клуб», договариваются о базовой цене на углерод и используют различные механизмы для выполнения обязательств (СТВ, углеродный налог или гибридный формат), а в отношении импорта из третьих стран разрабатывают единый тариф с учетом углеродоемкости продукции. Обременительный характер тарификационных мер для неучастников побуждает других акторов присоединиться к «климатическому клубу», чтобы сократить издержки³.

Помимо существенного вклада в сокращение выбросов благодаря побудительной системе санкций, «климатический клуб» способствует снижению уровня конфликтности между его участниками, потому что принимаемые меры перестают восприниматься как односторонние⁴. Подобное объединение также должно решать проблему «утечки углерода», поскольку договоренности распространяются на все большее число стран⁵. Продвижение концепции «климатического клуба» позволяет ЕС преодолеть сопротивление со стороны структур ООН и формировать многосторонние форматы на собственных нормативных условиях, усиливая таким образом дипломатическое лидерство.

1 Keohane, Victor 2016.

2 Nordhaus 2015.

3 Bierbraurer et al. 2021.

4 Falkner et al. 2022.

5 Heal, Kunreuther 2017.

Ограниченная мотивация акторов

Ограниченная мотивация акторов – сталкивается с сопротивлением со стороны государств, которые будут затронуты новым регулирующим механизмом. Легитимность *СВАМ* и многосторонних форматов сотрудничества на его основе зависит от его восприятия как справедливого в отношении развивающихся стран, а протекционистский характер механизма способствует зеркальному усилению защитной политики со стороны крупных мировых экономических центров.

В частности, концепция «климатического клуба» противоречит принципу общей, но дифференцированной ответственности, закрепленному в РКИК ООН и Парижском соглашении, основой которого являются определяемые на национальном уровне вклады¹. Создание механизма по типу *СВАМ* требует сложных административной и технической систем для отслеживания выбросов и расчета содержания углерода в импортируемых товарах. Это непростая задача для государств с ограниченными ресурсами и опытом². Особенно уязвимыми оказываются страны со значительной долей экспорта в ЕС. Например, на алюминиевую промышленность приходится около 7% ВВП Мозамбика, а в структуре алюминиевого импорта в ЕС доля Мозамбика равна 8%³. В похожем уязвимом положении находятся Сербия, Босния и Герцеговина, Черногория, Северная Македония, Бахрейн, Зимбабве, Камерун⁴. Внедрение *СВАМ* сократит экспорт таких стран, и без эффективных мер по смягчению последствий и обеспечению экологической устойчивости в их национальных стратегиях развития экономические последствия могут быть существенными⁵. По сути, тарифы на выбросы углерода перекалывают экономическое бремя климатической политики развитых стран на развивающийся мир⁶.

Ввиду того что попытки распространить европейские климатические стандарты могут привести к углублению раскола по линии Север / Юг⁷, ряд экспертов считают, что наименее развитые страны должны быть выведены из-под действия *СВАМ*⁸. Преодолению проблемы восприятия *СВАМ* как несправедливого инструмента регулирования могло бы способствовать создание фонда поддержки развивающихся стран в переходе к более чистым методам производства и введение преференциального режима для импорта из стран, которые демонстрируют прогресс в сокращении выбросов парниковых газов. В этой связи встает вопрос о готовности ЕС вкладываться в помощь развивающимся странам. Хотя в процессе подготовки регламента по *СВАМ* Совет ЕС и Европарламент высказывали свою обеспокоенность вопросами сотрудничества с развивающимися странами (например, в Европарламенте предложили направлять часть полученных от

1 Варнавский 2023.

2 Sjöholm 2023.

3 Smith et al. 2023.

4 "Impacts of CBAM on EU Trade Partners: Consequences for Developing Countries," Agence Française de Développement, March 2022, accessed October 10, 2023, <https://www.afd.fr/en/ressources/impacts-cbam-eu-trade-partners-consequences-developing-countries>.

5 Perdana, Vielle 2022.

6 Böhringer et al. 2018.

7 Smith et al. 2023.

8 "Impacts of CBAM on EU Trade Partners: Consequences for Developing Countries."

СВАМ средств на финансовую поддержку декарбонизации в наименее развитых странах)¹, в итоговой версии документа эта обеспокоенность отражения не нашла. В Регламенте 2023/956 лишь говорится, что ЕС должен оказывать техническую помощь наименее развитым странам по вопросам имплементации некоторых элементов СВАМ.

Если развивающиеся и наименее развитые страны не могут противопоставить что-то трансграничному проецированию регуляторной силы ЕС, то крупным экономическим державам хватает ресурсов для того, что предлагать свои нормативные подходы к решению климатических проблем или не принимать европейские инициативы в качестве универсальных стандартов.

В США еще в 2000-х гг. предпринимались попытки создать СТВ по типу европейской, но они оказались неуспешными, в частности, из-за межпартийного противостояния, характерного для американской внутренней политики². В 2022 г. был принят протекционистский Закон о снижении инфляции, который в том числе должен помочь США достичь целей по сокращению выбросов парниковых газов (на 50% к 2030 г. по сравнению с уровнем 2005)³. Он вводит субсидии на покупку электромобилей, производство экологически чистых технологий (включая батареи и компоненты для производства электроэнергии из возобновляемых источников), а также производство электроэнергии с нейтральным содержанием углерода, водорода и других экологически чистых видов топлива. Этот закон нарушает правила ВТО, поскольку только производители из США имеют право на получение субсидий, а положение о местном содержании⁴ применяется как к готовой продукции, так и к входным компонентам⁵. Обозреватели называют Закон о сокращении инфляции «крупнейшими в истории США инвестициями в климат, одобренными на законодательном уровне»⁶. Заложенные 370 млрд долларов должны быть распределены на 10 лет, а ежегодные расходы будут составлять 0,1% ВВП.

ЕС чувствительно отреагировал на принятие закона. С одной стороны, отмечается, что теперь две крупнейшие и наиболее развитые экономики мира двигаются в одном направлении, чтобы справиться с самым серьезным вызовом текущего периода – глобальным потеплением⁷. И «Зеленый курс», и Закон о сокращении инфляции являются климатическими стратегиями, предполагают финансирование справедливого перехода к «зеленой» экономике и включают в себя регуляторные стандарты. С другой стороны, у этих климатических стратегий совершенно разные механизмы: ЕС опирается на рыночный подход с акцен-

1 Стрежнева 2023.

2 “Can the Biggest Emitters Set Up a Climate Club? A Review of International Carbon Pricing Debates,” Ifri, June 15, 2021, accessed October 10, 2023, <https://www.ifri.org/en/publications/etudes-de-ifri/can-biggest-emitters-set-climate-club-review-international-carbon>.

3 “H.R.5376 – Inflation Reduction Act of 2022,” US Congress, July 16, 2022, accessed October 10, 2023, <https://www.congress.gov/bill/117th-congress/house-bill/5376>.

4 Требование, предписывающее закупку или использование предприятиями определенных объемов или доли товаров внутреннего производства или из внутренних источников.

5 Kleimann 2023.

6 Ella Nilsen, “Clean Energy Package Would Be Biggest Legislative Climate Investment in U.S. History,” July 28, 2022, accessed October 10, 2023, <https://edition.cnn.com/2022/07/28/politics/climate-deal-joe-manchin/index.html>.

7 “Speech by President von der Leyen at the College of Europe in Bruges,” European Commission, December 4, 2022, accessed October 10, 2023, https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_22_7487?utm_source=POLITICO.EU&utm_campaign=9840a3e2f6-EMAIL_CAMPAIGN_2022_12_05_04_44&utm_medium=email&utm_term=0_10959edeb5-9840a3e2f6-%5BBLIST_EMAIL_ID%5D.

том на тарификацию выбросов, а США – на субсидии. Еврокомиссар по торговле В. Домбровскис заявил, что «многие из зеленых субсидий, предусмотренных Законом о сокращении инфляции, могут быть дискриминационными в отношении европейских автомобильной промышленности, возобновляемых источников энергии, аккумуляторных батарей и энергоемких отраслей промышленности»¹. ЕС обеспокоен, что принятый в США закон приведет к недобросовестной конкуренции, закрытию рынков и фрагментации важнейших цепочек поставок, а также приведет к переносу технологичных производств на другую сторону Атлантики. По словам президента Франции Э. Макрона, подобные законодательные инициативы рискуют «раздробить Запад»².

В качестве ответа на Закон о снижении инфляции в феврале 2023 г. Еврокомиссия представила Промышленный план «Зеленый курс» для поддержки чистых производств³. Ключевой компонент этой инициативы – активизация финансовой поддержки компаний на национальном уровне. В европейском академическом сообществе опасаются, что такой подход усугубляет разделительные линии между членами ЕС и ставит под угрозу европейское лидерство⁴. Эксперты предлагают несколько альтернативных вариантов действия на уровне ЕС: например, создание нового фонда для централизованного и равномерного финансирования европейских производителей или трансатлантического «климатического клуба» в виде соглашения о зоне свободной торговли, благодаря которому на европейские компании не распространялось бы положение о местном содержании из Закона о снижении инфляции. Однако вероятность последнего сценария оценивается как низкая⁵, не говоря уже о вероятности разработки в ЕС и США единых систем тарификации выбросов с санкциями в отношении третьих стран – такие меры потребуют серьезной законодательной проработки в обеих юрисдикциях⁶.

В КНР пилотные СТВ в нескольких провинциях были запущены в 2011 г., а в 2017 г. было анонсировано создание национальной системы торговли квотами на выбросы для энергетического сектора с последующим распространением на другие сектора. В 2020 г. Си Цзиньпин объявил, что Китай собирается достичь углеродной нейтральности к 2060 г.⁷, а Министерство экологии и окружающей среды опубликовало документ о запуске национальной СТВ с 2021 г. Китайская СТВ должна покрывать 1/7 глобальных выбросов CO₂, что делает ее крупнейшей в мире⁸. В тексте «Зеленого курса» европейско-китайские отношения вынесены в

1 "EU Demands Similar Access to U.S. as Canada and Mexico for Electric Cars and Renewable Products," Euronews, October 31, 2022, accessed October 10, 2023, <https://www.euronews.com/my-europe/2022/10/31/eu-demands-similar-access-to-us-as-canada-and-mexico-for-electric-cars-and-renewable-produ>.

2 "Emmanuel Macron Says U.S. Climate Law Risks 'Fragmenting the West,'" Financial Times, December 1, 2022, accessed October 10, 2023, <https://www.ft.com/content/a1a03af2-831a-433c-8984-b99c84018a13>.

3 "Communication: A Green Deal Industrial Plan for the Net-Zero Age," European Commission, February 1, 2023, accessed October 10, 2023, https://commission.europa.eu/document/41514677-9598-4d89-a572-abe21cb037f4_en.

4 "A Faustian Bargain: Europe's answers to the U.S. IRA," Allianz, February 7, 2023, accessed October 10, 2023, https://www.allianz.com/en/economic_research/publications/specials_fmo/inflation-reduction-act.html.

5 Ibid.

6 Falkner et al. 2022.

7 "China Headed Towards Carbon Neutrality by 2060; President Xi Jinping Vows to Halt New Coal Plants Abroad," UN News, September 21, 2021, accessed October 10, 2023, <https://news.un.org/en/story/2021/09/1100642>.

8 Системы торговли квотами на выбросы парниковых газов в азиатско-Тихоокеанском регионе // Министерство экономического развития России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/d8d7071b90d7a-f3818ec3a836355244f/ETS_ATP.pdf?ysclid=ineqnlcbu910870611 (дата обращения: 10.10.2023).

отдельный абзац, посвященный важности двусторонних саммитов для укрепления партнерства по экологическим вопросам, и в целом ЕС приветствует стремление Китая достичь углеродной нейтральности, называя это «поворотным моментом» для борьбы с потеплением климата¹.

Подходы ЕС и Китая в части используемого инструментария похожи², однако в содержательном наполнении повесток есть различия. Изначально Китай позиционировал себя как развивающаяся держава, у которой есть обязательства по развитию по отношению к своим гражданам, и настаивал на том, что основная ответственность по решению экологических проблем лежит на развитых странах³. В период после окончания действия Киотского протокола Китай стал более активно проявлять себя на многостороннем треке, в частности для того, чтобы содействовать подписанию Парижского соглашения. Активизация китайской климатической политики обусловлена рядом внутренних (необходимость решения вопросов энергетической безопасности, борьба с загрязнением воздуха и др.) и внешних факторов, среди которых исследователи особенно выделяют изменения в подходе Китая к конструированию своей идентичности. Одно из центральных понятий в рамках этого подхода – «лидирующее государство» (*yinglingzhe*), которое отличается от понятия «лидер» (*lingdao*): понятие «лидер» подразумевает наличие иерархичной структуры между лидером и последователями, тогда как понятие «лидирующее государство» не делает акцент на привилегированном положении государства-пионера⁴. Другими словами, Китай подчеркнуто стремится определять нормы совместно с другими акторами и настаивает, что не готов принимать строгие, обязательные к исполнению и навязанные кем-то стандарты⁵.

Для европейской повестки не характерно слишком четкое разграничение развитых и развивающихся стран (в отличие от наименее развитых стран) в деле решения климатических проблем. Кроме того, в последние годы внутри ЕС наблюдается тенденция к отказу от классификации некоторых стран как развивающихся. Например, некоторые европарламентарии считают, что Китай и Индия, будучи крупными эмитентами парниковых газов, получают конкурентное преимущество перед Европой, причисляя себя к развивающимся экономикам⁶. Отношения с Китаем в рамках «Зеленого курса» прописаны в разделе «ЕС как глобальный лидер», а Ж. Боррель, приветствуя стремление Китая достичь углеродной нейтральности, призвал Пекин подкреплять заявления действиями на практике – например, прекратить финансировать строительство угольных электростанций в рамках инициативы «Пояса и пути»⁷. Скептический настрой ЕС в отношении китайских инициатив объясняется трехмерным восприятием Китая внутри ЕС: как экономического конкурента, системного соперника и партнера по

1 Josep Borrell, "China Carbon Neutrality in 2060: A Possible Game Changer for Climate," The Diplomatic Service of the European Union, October 23, 2020, accessed October 10, 2023, https://www.eeas.europa.eu/eeas/china-carbon-neutrality-2060-possible-game-changer-climate_en.

2 Minas 2022.

3 Wunderlich 2020.

4 Yang 2022.

5 von Lucke 2023.

6 Petrović et al. 2022.

7 Josep Borrell, "China Carbon Neutrality in 2060: A Possible Game Changer for Climate."

переговорам¹. Нежелание Китая полностью перенять нормативное наполнение европейской климатической повестки и его попытки продвигать собственное видение свидетельствуют об ограниченности стратегии климатического лидерства ЕС в рамках реализуемых на сегодняшний день механизмов².

Официальная позиция России по проблеме изменения климата остается достаточно сдержанной, что дает некоторым экспертам основание не причислять Россию к странам – климатическим лидерам (ЕС, США, Япония, Норвегия и другие страны ОЭСР, Китай, Индия)³. Стратегической целью климатической политики России является устойчивое и безопасное развитие страны, а к одним из основных принципов относятся приоритет национальных интересов и универсальный характер глобального климатического режима на базе РКИК ООН. Эти положения среди прочих закреплены в Климатической доктрине 2009 г.⁴ и Климатической доктрине 2023 г.⁵ В последнем документе впервые официально зафиксирована цель по достижению углеродной нейтральности к 2060 г., а также понятие «технологическая нейтральность», которое «подразумевает беспристрастный подход к использованию технологий, способствующих смягчению антропогенного воздействия на климат» (п. 22). Другими словами, признается равнозначность мер по сокращению выбросов и роли поглощающей способности экосистем, которая остается важнейшим элементом климатической политики России. Помимо этого, констатируется недопустимость «необоснованной дискриминации при принятии мер по борьбе с изменением климата, затрагивающих международную торговлю» (п. 44), что является очевидной отсылкой к европейскому *СВАМ*.

В самом широком смысле Россия позитивно относится к «зеленому переходу» для борьбы с глобальным изменением климата. В России реализуются проекты, которые соответствуют глобальной климатической повестке, в частности процессам формирования институтов углеродного регулирования (например, СТВ на Сахалине или карбоновые полигоны⁶), но они не носят масштабного характера. Если в случае с ЕС и Китаем можно говорить о схожести подходов к проблеме изменения климата и различном содержательном наполнении климатической повестки, то подходы России и ЕС в целом сопрягаются с трудом. Россия является одним из крупнейших мировых поставщиков ископаемого топлива, и концепция углеродного регулирования становится серьезным вызовом для российского углеродоемкого экспорта – это же касается и других стран-экспортеров ископаемого топлива. Страны ЕС, будучи импортерами, заинтересованы в отказе от углеводородов (особенно от политически неудобных) для решения внутренних и глобальных проблем. Подобное разделение стран на «энтузиастов», кото-

1 Janka Oertel, Jennifer Tollmann, Byford Tsang, "Climate Superpowers: How the EU and China Can Compete and Cooperate for a Green Future," European Council on Foreign Relations, December 2022, accessed October 10, 2023, <https://ecfr.eu/wp-content/uploads/Climate-superpowers-How-the-EU-and-China-can-compete-and-cooperate-for-a-green-future.pdf>.

2 Altun, Ergenc 2023.

3 Степанов et al. 2023.

4 Распоряжение Президента Российской Федерации от 17.12.2009 г. № 861-рп «О Климатической доктрине Российской Федерации» // Администрация Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30311/page/1> (дата обращения: 15.12.2023).

5 Указ Президента Российской Федерации от 26.10.2023 г. № 812 «Об утверждении Климатической доктрины Российской Федерации» // Администрация Президента России. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/49910> (дата обращения: 15.12.2023).

6 Чулина 2022.

рые создают нормы и определяют процесс декарбонизации¹, и тех, кто зависит от ископаемого топлива, приводит к размыванию глобального климатического режима². ЕС пытается воспользоваться этой фрагментацией, предлагая остальным свое нормативное наполнение климатической политики, но наталкивается на сопротивление.

Выводы

СВАМ сочетает в себе компоненты лидерства посредством примера и дипломатического лидерства. ЕС последовательно реализует амбициозные климатические цели на внутреннем рынке, вводя повышательные целевые показатели и усиливая наднациональное климатически-ориентированное регулирование во всех областях, связанных с экономическим развитием. В этом смысле введение *СВАМ* – это очередной шаг на пути к заявленной углеродной нейтральности, которая является ориентиром для других игроков на мировой арене. Стремление распространить положения *СВАМ* на торгово-экономических партнеров призвано усиливать дипломатическое лидерство ЕС, способствуя формированию многосторонних «климатических клубов» вне ООН-центричного климатического режима.

Однако обоим компонентам лидерства, включенным в *СВАМ*, присущи противоречия, ограничивающие реализацию лидерских устремлений ЕС. Протекционистский характер *СВАМ* провоцирует других глобальных игроков – прежде всего США – следовать по пути принятия охранительного законодательства. ЕС пытается преодолеть это противоречие с помощью риторического приема: *СВАМ* не является налогом и в этой связи не должен обязательно рассматриваться через соответствие нормам ВТО. Тем не менее динамика экологического регулирования в США, а также в Китае демонстрирует неубедительность усилий ЕС по реализации лидерства посредством примера. ЕС не может не учитывать позицию России и других стран-экспортеров энергоресурсов, которые относятся к климатическим вопросам без характерного для развитых стран и стран-импортеров энтузиазма и действуют на климатическом треке, учитывая потребности своих экономик. Проецирование регуляторной силы вовне также вызывает обеспокоенность, если не сопротивление, развивающихся и наименее развитых стран, которое вписывается в нарратив о справедливости и может нанести серьезный урон нормативной силе ЕС. Кроме значительной финансовой поддержки или политики исключения уязвимых стран из-под действия *СВАМ*, у ЕС нет других инструментов для преодоления сдерживающих факторов в рамках дипломатического лидерства. В этой связи открытым остается вопрос, насколько серьезно ЕС готов инвестировать в преодоление рассмотренных противоречий.

1 Макаров 2022.

2 Маслова 2022.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Арбатова, Н.К. Климатические угрозы – новое измерение безопасности Евросоюза // Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 81–94. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.06.07>.

Arbatova, Nadezhda K. "Climate Threats – A New Dimension of EU Security." *Polis. Political Studies*, no. 6 (2022): 81–94 [In Russian].

Варнавский, В.Г. Трансграничное углеродное регулирование Евросоюза: новый инструмент глобального управления // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15>.

Varnavskii, Vladimir G. "Carbon Border Adjustment Mechanism of the European Union: A New Tool of Global Governance." *World Economy and International Relations* 67, no. 1 (2023): 5–15 [In Russian].

Кавешников, Н.Ю. Создание системы торговли выбросами парниковых газов ЕС: кто определил дизайн // Современная Европа. 2017. № 6. С. 58–69.

Kaveshnikov, Nikolay Yu. "Establishment of the EU Emission Trading System: Who Defined the Design." *Modern Europe*, no. 6 (2017): 58–69 [In Russian].

Кавешников, Н.Ю. Анализ влияния Европейского парламента и Совета ЕС на примере реформы системы торговли парниковыми газами // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65. № 6. С. 21–32. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-6-21-32>.

Kaveshnikov, Nikolay Yu. "Analysis of the Influence of the European Parliament and the Council of the EU Exemplified by the EU Emissions Trading System Reform." *World Economy and International Relations* 65, no. 6 (2021): 21–32 [In Russian].

Маслова, Е.А. Глобальный зеленый императив: место России в международном климатическом режиме // Полис. Политические исследования. 2022. № 1. С. 19–30. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.01.03>.

Maslova, Elena A. "The Global 'Green Imperative': Russia's Place in the International Climate Regime." *Polis. Political Studies*, no. 1 (2022): 19–30 [In Russian].

Степанов, И.А., Макаров, И.А., Музыченко, Е.Э., Галимова, К.З. Глобальные инициативы по предотвращению «утечки углерода»: риски и возможности для России // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2023. № 3. С. 239–260. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-12>.

Stepanov, Ilya A., Makarov, Igor A., Muzychenko, Evgeniya E., and Karina Z. Galimova. "Global Initiatives to Prevent 'Carbon Leakage': Risks and Opportunities for Russia." *Lomonosov Economics Journal*, no. 3 (2023): 239–260 [In Russian].

Стрежнева, М.В. Углеродный сбор Евросоюза: на пересечении климатической и внешнеторговой политики // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 53–67. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-03>.

Strezhneva, Marina V. "Carbon Levy of the European Union: At the Intersection of Climate and Trade Policies." *International Organizations Research Journal* 18, no. 2 (2023): 53–67 [In Russian].

Чупина, Д.А. Международная климатическая повестка в восприятии российских акторов: есть ли возможности для диалога? // Мир после пандемии: глобальные вызовы и перспективы развития (Мировое развитие. Выпуск 23). / Под ред. А.А. Давыдова, З.А. Мамедьярова, М.В. Хорольской и др. М.: ИМЭМО РАН, 2022. С. 65–75.

Chupina, Darya A. "Global Climate Agenda in Perception of Russian Actors: Is There a Chance for

Dialogue?" In *The World after the Pandemic: Global Challenges and Prospects for Development*, edited by Davydov, Alexei A., Mamedyarov, Zaur A., Maria V. Khorolskaya et al., 65–75. Moscow: IMEMO, 2022 [In Russian].

Altun, Sirma, and Ceren Ergenc. "The EU and China in the Global Climate Regime: A Dialectical Collaboration-Competition Relationship." *Asia Europe Journal* 21 (2023): 437–457. <https://doi.org/10.1007/s10308-023-00664-y>.

Bierbrauer, Felix, Felbermayr, Gabriel, Ockenfels, Axel, Schmidt, Klaus M., and Jens Südekum. "A CO₂-Border Adjustment Mechanism as a Building Block of a Climate Club." *Kiel Policy Brief* 151 (2021).

Böhringer, Christoph, Carbone, Jared C., and Thomas F. Rutherford. "Embodied Carbon Tariffs." *Scandinavian Journal of Economics* 120, no. 1 (2018): 183–210. <https://doi.org/10.2139/ssrn.2375803>.

Clo', Stefano, Battles, Susam, and Pitro Zoppoli. "Policy Options to Improve the Effectiveness of the EU Emissions Trading System: A Multi-Criteria Analysis." *Energy Policy* 57 (2013): 477–490. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2013.02.015>.

Dobson, Natalie. "Climate Protection Versus Trade: Dilemmas for the EU." In *Handbook on European Union Climate Change Policy and Politics*, edited by Tim Rayner, and Kacper Szulecki, 376–382. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2022.

Eicke, Laima, Weko, Silvia, Apergi, Maria, and Adela Marian. "Pulling up the Carbon Ladder? Decarbonization, Dependence, and Third-Country Risks from the European Carbon Border Adjustment Mechanism." *Energy Research & Social Science* 80 (2021). <https://doi.org/10.1016/j.erss.2021.102240>.

Falcao, Tatiana. "Toward Carbon Tax Internationalism: The EU Border Carbon Adjustment Proposal." *Tax Notes International* 98, no. 9 (2020): 1047–1054.

Falkner, Robert, Nasiritousi, Naghme, and Gunilla Reischl. "Climate Clubs: Politically Feasible and Desirable?" *Climate Policy* 22, no. 4 (2022): 480–487. <https://doi.org/10.1080/14693062.2021.1967717>.

Hájek, Miroslav, Zimmermannová, Jarmila, Helman, Karel, and Ladislav Rozenský. "Analysis of Carbon Tax Efficiency in Energy Industries of Selected EU Countries." *Energy Policy* 134 (2019). <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2019.110955>.

Heal, Geoffrey, and Howard Kunreuther. "An Alternative Framework for Negotiating Climate Policies." *Climatic Change* 144 (2017): 29–39. <https://doi.org/10.1007/s10584-017-2043-8>.

Joltreau, Eugénie, and Katrin Sommerfeld. "Why does Emissions Trading under the EU Emissions Trading System (ETS) not Affect Firms' Competitiveness? Empirical Findings from the Literature." *Climate Policy* 19, no. 4 (2019): 453–471. <https://doi.org/10.1080/14693062.2018.1502145>.

Keohane, Robert O., and David G. Victor. "Cooperation and Discord in Global Climate Policy." *Nature Climate Change* 6, no. 6 (2016): 570–575. <https://doi.org/10.1038/nclimate2937>

Kleimann, David, Poitiers, Nicolas, Sapir, André, Tagliapietra, Simone, Véron, Nicolas, Veugelers, Reinilde, and Jeromine Zettelmeyer. "How Europe should Answer the U.S. Inflation Reduction Act." *Bruegel Policy Contribution* 4 (2023).

Makarov, Igor. "Does Resource Abundance Require Special Approaches to Climate Policies? The Case of Russia." *Climatic Change* 170, no. 3 (2022). <https://doi.org/10.1007/s10584-021-03280-0>.

Minas, Stephen. "Financing Climate Justice in the European Union and China: Common Mechanisms, Different Perspectives." *Asia Europe Journal* 20, no. 4 (2022): 377–401. <https://doi.org/10.1007/s10308-021-00644-0>.

Monjon, Stéphanie, and Philippe Quirion. "How to Design a Border Adjustment for the European Union Emissions Trading System?" *Energy Policy* 38 (2010): 5199–5207. <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2010.05.005>.

Nordhaus, William D. "Climate Clubs: Overcoming Free-Riding in International Climate Policy." *American Economic Review* 105, no. 4 (2015): 1339–1370. <https://doi.org/10.1257/aer.15000001>.

Oberthür, Sebastian, and Claire Dupont. "The European Union's International Climate Leadership: Towards a Grand Climate Strategy?" *Journal of European Public Policy* 28, no. 7 (2021): 1095–1114. <https://doi.org/10.1080/13501763.2021.1918218>.

Perdana, Sigit, and Marc Vielle. "Making the EU Carbon Border Adjustment Mechanism Acceptable and Climate Friendly for Least Developed Countries." *Energy Policy* 170, no. 1 (2022). <https://doi.org/10.1016/j.enpol.2022.113245>.

Petrović, Sanja, Petri, Franziska, and Katja Biedenkopf. "The European Parliament's Shifting Perspectives on Climate Justice with Regard to China and India." *Asia Europe Journal* 20 (2022): 423–439. <https://doi.org/10.1007/s10308-022-00647-5>.

Renard, Thomas. "Partnerships for Effective Multilateralism? Assessing the Compatibility between EU Bilateralism, (Inter-)regionalism and Multilateralism." *Cambridge Review of International Affairs* 29, no. 1 (2015): 18–35. <https://doi.org/10.1080/09557571.2015.1060691>.

Sjöholm, Fredrik. "Navigating the New Normal: The European Union's Changing Stance on Globalization in the Era of Trade Conflicts." *IFN Working Paper* 1466 (2023).

Smith, Ida, Overland, Indra, and Kacper Szulecki. "The EU's CBAM and Its 'Significant Others': Three Perspectives on the Political Fallout from Europe's Unilateral Climate Policy Initiative." *JCMS Journal of Common Market Studies* (2023): 1–16. <https://doi.org/10.1111/jcms.13512>.

Szulecki, Kacper, Overland, Indra, and Ida Smith. "The European Union's CBAM as a De Facto Climate Club: The Governance Challenges." *Frontiers in Climate* 4 (2022). <https://doi.org/10.3389/fclim.2022.942583>.

Vogler, John. "Changing Conceptions of Climate and Energy Security in Europe." *Environmental Politics* 22, no. 4 (2013): 627–645. <http://dx.doi.org/10.1080/09644016.2013.806634>. 637.

von Lucke, Franziskus. "The EU and China in the Climate Regime: Exploring Different Pathways towards Climate Justice." *Asia Europe Journal* 21 (2023): 429–435. <https://doi.org/10.1007/s10308-022-00654-6>.

Weinhardt, Clara, Mau, Karsten, and Jens Hillebrand Pohl. "The EU as a Geoeconomic Actor? A Review of Recent European Trade and Investment Policies." In *The Political Economy of Geoeconomics: Europe in a Changing World*, edited by Milan Babić, Adam D. Dixon, Imogen T. Liu, 107–136. Palgrave Macmillan, Cham, 2022. https://doi.org/10.1007/978-3-031-01968-5_5.

Weko, Silvia, Eicke, Laima, Marian, Adela, and Maria Aperi. "The Global Impacts of an EU Carbon Border Adjustment Mechanism." *IASS Policy Brief* 6 (2020). <https://doi.org/10.2312/iass.2020.055>.

Wunderlich, Uwe. "Positioning as Normative Actors: China and the EU in Climate Change Negotiations." *JCMS Journal of Common Market Studies* 58, no. 2 (2022): 1107–1123. <https://doi.org/10.1111/jcms.13019>.

Yang, Jilong. "Understanding China's Changing Engagement in Global Climate Governance: A Struggle for Identity." *Asia Europe Journal* 20 (2022): 357–376. <https://doi.org/10.1007/s10308-021-00643-1>.

Сведения об авторах

Ирина Вячеславовна Болгова,

к.и.н., доцент Кафедры прикладного анализа международных проблем,
начальник отдела академического развития – заместитель директора Института
международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: i.bolgova@inno.mgimo.ru

Евгения Андреевна Столярова,

аналитик Института международных исследований МГИМО МИД России
119454, Россия, Москва, пр. Вернадского, 76

e-mail: stolyarova.e.a@my.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 27 октября 2023.

Переработана: 10 ноября 2023.

Принята к публикации: 14 ноября 2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Болгова, И.В., Столярова, Е.А. Климатическое лидерство ЕС: противоречия углеродного регулирования // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (4). С. 75–90.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-75-90>

EU Climate Leadership: Contradictions Inherent in Carbon Regulation

ABSTRACT

The article analyzes the EU Carbon Border Adjustment mechanism (CBAM) through the lens of the EU's aspiration to strengthen its leadership in fighting climate change. The introduction of CBAM is viewed as another step toward achieving the EU's goal of climate neutrality, which has become a standard for global development. By studying the internal and external dynamics of CBAM's implementation, the article aims to analyze its role as a tool for diplomatic and exemplary leadership. On the one hand, the EU seeks to protect European producers from producers from countries with lower climate standards. On the other hand, the EU's desire to involve other countries in creating CBAM-style mechanisms is supposed to strengthen the EU's leadership, contributing to the formation of multilateral "climate clubs" and the gradual revision of the existing climate regime. However, the article suggests that there are inherent contradictions in the EU's approach. While it seeks to protect its economy through CBAM, it also frames these measures within the narrative of multilateral cooperation. This dual approach poses challenges to the EU's leadership potential. The protectionist nature of CBAM makes other global players, primarily the U.S., follow the same path of taking protective measures. China is not willing to give up its own framing of the climate agenda due to its importance for the construction of China's international identity. Russia's perception of the climate change problem is influenced by its national interests and the structure of economy. The projection of regulatory power beyond the EU's borders also provokes resistance from developing and least developed countries, which can seriously damage the EU's role as a normative power.

KEYWORDS

EU, climate leadership, climate club, CBAM, Green Deal

Authors

Irina V. Bolgova,

PhD (Hist.), Associate professor, Department of Applied International Analysis; Head, Department of Academic Development, Vice-Director, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: i.bolgova@inno.mgimo.ru

Evgeniya A. Stolyarova,

Analyst, Institute for International Studies, MGIMO University
76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: stolyarova.e.a@my.mgimo.ru

Additional information

Received: October 27, 2023. Revised: November 10, 2023. Accepted: November 14, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Bolgova, Irina V., and Evgeniya A. Stolyarova. "EU Climate Leadership: Contradictions Inherent in Carbon Regulation." *Journal of International Analytics* 14, no. 4 (2023): 75–90.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-75-90>

Энергетическая дипломатия в эпоху энергоперехода

Руслан Аллахверди оглы Алиев, Торговое представительство
Азербайджанской Республики в Российской Федерации,
Москва, Россия

Контактный адрес: torgpredaz@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Развитие международных отношений после нефтяного кризиса 1973 г. сопровождалось формированием таких явлений и понятий, как глобальная и региональная энергетическая безопасность, энергетическая безопасность государств, внешняя энергетическая политика и энергетическая дипломатия. Институционализация и развитие механизмов, обеспечивающих энергетическую безопасность, в том числе на глобальном уровне, происходили и происходят в условиях доминирования в мировом энергетическом балансе углеводородного ископаемого топлива, а также увеличения энергопотребления во всем мире. Приоритетами ее обеспечения на глобальном, региональном и государственном уровнях являлись и являются безопасность спроса, поставок и транзита углеводородного сырья, диверсификация источников энергии. После подписания в 2015 г. Парижского соглашения по климату предпринимаются усилия по форсированию процессов низкоуглеродной трансформации мировой экономики и темпов глобального энергетического перехода, для чего используются механизмы ответственного инвестирования, углеродного регулирования, управления выбросами парниковых газов (климатический менеджмент); используется многообразие социально значимых интерпретаций происходящих климатических изменений. Эти процессы все в большей степени определяют внешнюю энергетическую политику государств, международную энергетическую дипломатию и оказывают влияние на сформировавшиеся ранее механизмы обеспечения энергетической безопасности. Цель статьи – обобщение и систематизация происходящих изменений в деятельности как традиционных международных центров и институтов энергетической политики глобального уровня, так и относительно новых международных площадок в рассматриваемой предметной области, в первую очередь Конференций Сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата, и их влияния на энергетическую политику и энергетическую дипломатию.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

энергетическая дипломатия, глобальный энергетический переход, энергетическая безопасность, энергетическая политика, изменение климата

Введение

Рассматривая глобальный ландшафт, в рамках которого развивался мировой топливно-энергетический комплекс, необходимо остановиться на нескольких ключевых событиях, значительным образом повлиявших на формирование энергетической дипломатии.

14 декабря 1960 г. Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию 1514 о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Благодаря деятельности ООН был утвержден принцип полного суверенитета государств над своими природными ресурсами как «ключевого элемента политического и экономического процесса деколонизации»¹. Однако технологии эксплуатации природных ресурсов оставались в руках ТНК промышленно развитых стран, экспортирующих энергетические ресурсы.

Развитие международных отношений после нефтяного кризиса 1973 г. сопровождалось формированием таких явлений и понятий, как глобальная и региональная энергетическая безопасность, энергетическая безопасность государств, внешняя энергетическая политика и энергетическая дипломатия. Институционализация и развитие механизмов, обеспечивающих энергетическую безопасность, в том числе на глобальном уровне, происходили и происходят в условиях доминирования в мировом энергетическом балансе углеводородного ископаемого топлива, а также увеличения энергопотребления во всем мире.

На конец 1960-х –1980-е годы пришелся этап оформления глобального видения мира, когда были организованы и начали функционировать влиятельные международные институты, проведены статусные международные форумы и конференции по вопросам нового мироустройства. В этот период закладываются основы концепции устойчивого развития, важным элементом которой стала реализация политики глобальной энергетической безопасности². В 1972 г. в Вене под эгидой Римского клуба был открыт Международный институт прикладного системного анализа (IIASA). В 1973 г. первым проектом института стала разработка программы исследования энергетических систем с целью переориентации мировой экономики с нефти и газа на альтернативные источники энергии (солнечную и ядерную)³.

В 1979 г. на первой климатической конференции ООН в Женеве была принята первая программа действий по стабилизации климата. В 1988 г. создана Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК / IPCC). Цель создания МГЭИК – предоставление оценок состояния научного, технического и социально-экономического знания об изменении климата, его причинах, потенциальных последствиях и стратегиях реагирования. С 1988 г. усилиями МГЭИК выпущено шесть оценочных докладов и несколько специальных докладов по конкретным темам, таким как экстремальные явления и бедствия, возобновляемые источники энергии и др. МГЭИК также опубликовала ряд методологических докладов, в которых содержатся практические руководящие указания по подго-

1 Гаттини 2008.

2 Григорьева 2016

3 Толеген, Рякова, Савчук 2022.

товке кадастров парниковых газов в соответствии с требованиями к отчетности о кадастрах Сторон РКИК ООН. Доклады МГЭИК представляют консолидированную международную позицию научного сообщества для принятия политических решений по вопросам изменения климата.

На конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. была принята Рамочная конвенция ООН по изменению климата (РКИК ООН). Данной конвенцией учреждалась новая форма международного сотрудничества стран в области защиты климата – Конференция сторон (*Conference of the Parties*), или климатические конференции (*COP*). Цель конференций – «рассмотрение вопросов об осуществлении Конвенции и любых связанных с ней правовых документов, которые могут быть приняты Конференцией сторон»; конференция «выносит, в пределах своих полномочий, решения, необходимые для содействия эффективному осуществлению Конвенции».

Проблемы экологии, обеспечения энергией и глобального развития занимали и занимают значимое место в таких программных документах ООН, как «Цели развития тысячелетия», принятые в 2000 г. (ЦРТ 7: Обеспечение устойчивого развития окружающей среды; ЦРТ 8: Формирование глобального партнерства в целях развития), и «Цели устойчивого развития», принятые в 2015 г. (ЦУР 7: Обеспечение всеобщего доступа к недорогим, надежным, устойчивым и современным источникам энергии для всех; ЦУР 17: Партнерство в интересах устойчивого развития и кластер экологических ЦУР).

При этом именно энергетике отводится место «лидера» среди всех секторов экономики по вкладу в ухудшение состояния окружающей среды. Выбросы CO_2 от сжигания ископаемого топлива и промышленных процессов составляют около 78% от общего количества парниковых газов¹.

Как отмечала в 2015 г. В.В. Панова, несмотря на создание значительного количества организаций и институтов, вовлеченных в вопросы обеспечения глобальной энергетической безопасности, ни одна из существующих международных организаций не способна гармонизировать зачастую противоположные интересы заинтересованных сторон, в первую очередь экспортеров и импортеров энергетических ресурсов². Данное утверждение не утратило своей актуальности.

В публикации Мирового энергетического совета (МИРЭС) за 2022 г. «Обзор главных энергетических вызовов и приоритетов: энергетика в смятении – достигая заявленных целей усилиями сообщества» констатируется, что в настоящее время «возникает высокодинамичный энергетический ландшафт, характеризующийся созданием новых коалиций и конкуренцией в рамках “энергетической экосистемы”. В отсутствие эффективной глобальной системы управления энергетикой сохраняются противоречия в энергетических интересах сетей и территорий»³.

1 “Climate Change 2014. Mitigation of Climate Change. Contribution of Working Group III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. Summary for Policymakers,” IPCC, 2014, accessed December 01, 2023, https://www.ipcc.ch/site/assets/uploads/2018/02/ipcc_wg3_ar5_summary-for-policymakers.pdf.

2 Панова 2015.

3 Обзор главных энергетических вызовов и приоритетов: энергетика в смятении – достигая заявленных целей усилиями сообщества // Мировой энергетический совет. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://www.worldenergy.org/assets/downloads/WEIM2022_-_Global_%28Russian%29.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

Таким образом, лидирующую роль в мировом энергетическом пространстве продолжают занимать суверенные государства, однако существует большое количество акторов, механизмов сетевого управления, оказывающих влияние на энергетическую дипломатию.

Энергетика, климат и дипломатия

Основоположник энергетической дипломатии в России и в мире, автор термина «энергетическая дипломатия», профессор МГИМО С.З. Жизнин определяет энергетическую дипломатию как «междисциплинарную отрасль, симбиоз экономики, политологии, экологических и технических наук»¹. По справедливому мнению С.З. Жизнина, энергетический фактор играет в международных отношениях ключевую роль, сравнимую с военным. Основной задачей энергетической дипломатии любого государства является внешнеполитическое обеспечение национальных энергетических интересов в международных экономических отношениях².

Акторы энергетической дипломатии, взаимодействующие в международной среде, могут быть разделены на четыре группы – глобальные организации, в рамках которых решаются вопросы энергетической безопасности; региональные организации; национальные государства; неправительственные акторы (в том числе транснациональные корпорации)³. Помимо ООН, ведущую роль в обеспечении глобальной энергетической безопасности и осуществлении энергетической дипломатии играют Международное энергетическое агентство (*IEA*), Организация стран-экспортеров нефти (*OPEC*), Международное агентство по атомной энергии (*МАГАТЭ*), Международный энергетический форум (*IEF*), Международное агентство по возобновляемой энергии (*IRENA*), Форум стран – экспортеров газа (*GECF*), а также «Группа двадцати».

Современные международные отношения в энергетической сфере характеризуются как процессами глобализации, так и интеграцией энергетических политик стран отдельных регионов. Наиболее ярким примером проведения единой внешней энергетической политики и дипломатии на региональном уровне является Европейский Союз. Определенное внимание уделяется вопросам интеграции энергетической политики государствами – членами АТЭС и другими интеграционными объединениями, но в значительно меньшей степени, чем в ЕС.

В энергетической дипломатии можно выделить несколько компонентов, связанных с природным происхождением основных источников энергии. И если после нефтяного кризиса 1973 г. внимание участников энергетической дипломатии было сконцентрировано в основном на нефти, то в настоящее время не меньшее значение имеют газовая дипломатия⁴ и ядерные аспекты энергетической дипломатии⁵. По мере происходящих изменений в мировом энергобалансе – соотношении различных первичных источников энергии (нефти, угля, природного

1 Жизнин 2019.

2 Жизнин, Тимохов 2016.

3 Григорьева 2016.

4 Типайлов 2023.

5 Жизнин 2017а.

газа, гидроэнергетики, ядерной энергии и прочих, в том числе возобновляемых, источников энергии), из которых производится вторичная энергия для прямого использования, такая как электричество, – следует ожидать развития и приоритизации соответствующих составляющих энергетической дипломатии.

В 2008 г. увидело свет издание «Дипломатия ресурсов: Сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века», в котором международные отношения рассматривались через призму ресурсного потенциала; охарактеризованы ключевые проблемы, связанные с использованием, добычей и управлением мировыми ресурсами, в частности вопросы международного сотрудничества в сфере энергетики¹.

Исследователи энергетической дипломатии в последние годы уделяют особое внимание экологии, реализации концепции устойчивого развития², значению возобновляемых, в том числе вторично возобновляемых, источников энергии в обеспечении энергетической безопасности³.

К настоящему времени сформировался целый кластер направлений в дипломатии, формирующих контур современных международных отношений, напрямую связанный с энергетической дипломатией, прежде всего это: экологическая дипломатия и «вышедшие» из нее климатическая дипломатия, дипломатия стихийных бедствий и катастроф, а также дипломатия ресурсов.

Главные документы международной климатической дипломатии – Киотский протокол и Парижское соглашение. Именно принятие РКИК в 1992 г. считают датой рождения климатической дипломатии⁴.

На уровне ООН закреплена конвенциональная позиция, утверждающая негативное влияние техногенной деятельности человечества на процессы изменения климата. Обозначены приоритеты в борьбе с изменениями климата: снижение концентрации парниковых газов в атмосфере и достижение большинством стран углеродной нейтральности, а также предотвращение климатических рисков и противодействие последствиям их реализации.

В многочисленных публикациях, в том числе ООН, МГЭИК, других организаций, приводятся данные о том, что изменение климата способствует увеличению количества экстремальных погодных явлений и стихийных бедствий. В зависимости от реализации предложенных МГЭИК климатических сценариев, текущий прогнозируемый диапазон повышения уровня моря к 2100 г. относительно показателя 2000 г. оценивается в пределах от 0,3 до 1,2 м, а в случае таяния антарктических льдов может составить до 2,4 м. На данный момент средний уровень Мирового океана повысился с 1900 г. примерно на 21 см, а за последние 25 лет рост составил 7,5 см. Главная проблема – затопление прибрежных районов и малых островных государств. Предупреждение и преодоление последствий стихийных бедствий сопровождается формированием «дипломатии стихийных бедствий»⁵.

1 Гудерцо, Наполитано 2008.

2 Жизнин 2017б.

3 Жизнин, Дакалов 2019.

4 Ковалев, Степанов, Бурнасоев 2017.

5 Симаганал, Р. Насколько катастрофам нужна дипломатия // РСМД. 5 июня 2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/naskolko-katastrofam-nuzhna-diplomatiya/?ysclid=lrpep0wda2904590715> (дата обращения: 01.12.2023).

Энергопереход

Существует несколько методологических подходов к понятию «энергопереход»:

- фундаментальные структурные изменения энергетического комплекса отдельных стран мира¹;
- изменение характера глобальной энергетики от базирования на ископаемых топливах к «нулевой эмиссии» к концу текущего столетия²;
- структурные изменения в процессах формирования мирового спроса на энергию, формирования потребностей в новых, более экологических способах производства энергии³.

Вацлав Смил в работе «Энергия и цивилизация. От первобытности до наших дней» рассматривает энергопереход как «изменение структуры первичного энергопотребления и постепенный переход от существующей схемы энергообеспечения к новому состоянию энергетической системы»⁴. Автор дает количественную оценку данного процесса, определяя энергопереход как «изменение доли энергоносителя в энергобалансе на 10% за 10 лет», соответственно выделяя следующие периоды в человеческой истории, которые можно определить как энергопереход:

- 1840–1900 гг. – переход от биомассы (в основном дров) к углю, за указанный период доля угля в энергобалансе возросла с 5 до 50%;
- 1915–1975 гг. – переход на нефть, доля которой возросла с 3% в 1915 г. до 45% в 1975 г.;
- 1930–2017 гг. – переход на природный газ (рост доли с 3% в 1930 г. до 23% в 2017 г.) за счет частичного вытеснения угля и нефти.

Четвертый энергопереход связывают с развитием возобновляемой энергетики, глобальной трансформацией энергосетей на основе цифровизации и децентрализации, сокращением энергопотребления и повышением энергоэффективности, развитием альтернативных видов топлива⁵. Трансформацию мировой энергетики можно будет считать состоявшейся при достижении доли нетопливных источников в глобальном энергетическом балансе свыше 50%.

Энергетические переходы к углю, нефти и природному газу были обусловлены экономическими причинами. Текущий энергопереход в равной мере обусловлен экономическими, политическими и экологическими факторами. Если ранее энергопереходы осуществлялось в рамках одной группы энергоносителей – ископаемых углеводородов, то четвертый энергопереход связан с формированием новой концепции безуглеродной энергетики. Ежегодный прирост установленной мощности в ветровой и солнечной генерации в мире составляет сотни гигаватт, а инвестиции в возобновляемую энергетику превышают 300 млрд долл. США в год⁶.

1 “2014 World Energy Issues Monitor,” World Energy Council, 2014, accessed December 01, 2023, <https://www.worldenergy.org/assets/downloads/World-Energy-Issues-Monitor-2014.pdf>.

2 “Perspectives for the Energy Transition: Investment Needs for a Low-carbon Energy System. Chapter 3: Global Energy Transition Prospects and the Role of Renewables,” IRENA, March 2017, accessed December 01, 2023, https://www.irena.org/-/media/Files/IRENA/Agency/Publication/2017/Mar/Perspectives_for_the_Energy_Transition_2017.pdf.

3 “Advancing the Energy Transition,” bp.com, 2018, accessed December 01, 2023, <https://www.bp.com/content/dam/bp/business-sites/en/global/corporate/pdfs/sustainability/group-reports/bp-advancing-the-energy-transition.pdf>.

4 Смил 2020.

5 Клепач, Окороchkova, Тиньков 2023.

6 Алиев, Алиев 2022.

Значительное внимание в энергетической картине будущего отводится водороду и водородной энергетике. Евросоюз в настоящее время имеет наиболее детализированную водородную стратегию. При этом ЕС ориентируется в первую очередь на производство «зеленого» водорода (производимого с использованием ВИЭ), а США – т.н. чистого водорода (с установленным «потолком» выбросов парниковых газов при производстве). Развитие водородной энергетики требует значительных инвестиций, объем которых в США и ЕС сопоставим.

В научном и экспертном сообществе отсутствует единый подход к механизмам и технологиям достижения целей низкоуглеродной трансформации и будущего мировой энергетики.

Ю.Г. Рыковым произведено сопоставление более 70 различных сценариев развития мировой энергетики и перспектив энергоперехода, предложенных 14 организациями в разные годы, в том числе МЭА, ОПЕК, Институтом экономики энергетики Японии (*Institute of Energy Economics Japan, IEEJ*), Массачусетским технологическим институтом (*Massachusetts Institute of Technology, MIT*), Институтом энергетических исследований РАН (ИНЭИ), БиПи (*BP*) и др. Были выявлены основные характеристики, которые присутствуют практически в каждом сценарии будущего мировой энергетики: потребление первичной энергии (ППЭ), объем выбросов углекислого газа от сжигания углеводородных топлив, индекс роста ВВП. На основании проведенного анализа сформированы три основных пути эволюции мировой энергетики (приводимые числовые оценки относятся к перспективе 2040 г.)¹:

- инерционный, характеризующийся ростом как ППЭ (на 25–40%), так и объема выбросов CO_2 (на 7–20%); перспективный баланс – ВИЭ ~ 20%, газ ~ 25%, нефть ~ 28%, уголь ~ 22%;

- нормативный экологический, характеризующийся немедленной стабилизацией, а затем снижением (на 3–5%) ППЭ и резким (в два раза) сокращением выбросов CO_2 ; перспективный баланс – ВИЭ ~ 32%, газ ~ 25%, нефть ~ 23%, уголь ~ 7-12%;

- низкоуглеродный, характеризующийся ростом ППЭ (на 20–30%) и сокращением выбросов CO_2 после 2025 г. (на 30%); перспективный баланс – ВИЭ ~ 30%, газ ~ 20–30%, нефть ~ 23%, уголь ~ 15%.

Низкоуглеродная трансформация глобальной экономики

В настоящее время низкоуглеродная трансформация глобальной экономики сопровождается решением трех основных проблем:

- создание соответствующих финансовых механизмов, в том числе таксономии «зеленых» проектов и ответственного (*ESG*) инвестирования;

- стимулирование производителей к внедрению новых технологий на уровне государств, международных неправительственных организаций развития, банковского сектора, СМИ и «зеленой» общественности на этапе, когда эффективность этих технологий еще не превышает эффективности использования традиционных энергетических источников;

1 Рыков 2020.

– выбор приоритетных новых энергетических источников и технологий для их использования в мировом масштабе.

Климатическая политика и низкоуглеродная трансформация вплетены в стандарты нефинансовой отчетности бизнеса и ESG-рейтинги. В западных странах последовательно создавалась международная система финансовых, инвестиционных, рейтинговых институтов, которые подталкивают компании ТЭК к более высоким темпам энергоперехода.

Опрос экспертов в области устойчивого развития от консалтинговой компании *Sustain Ability*¹ обозначил наиболее качественные и полезные ESG-рейтинги, на которые стоит обратить внимание при формировании инвестиционного портфеля. В топ вошли следующие:

- *S&P Global Scores (SAM)*;
- *Sustainalytics ESG Risk Rating*;
- *MSCI ESG Rating*;
- *CDP Climate, Water & Forest Scores*.

Также среди топ-10 ESG-рейтингов, которые не попали в список выше, упомянуты: *ISS QualityScore*, *Bloomberg ESG Disclosure Scores*, *ISS-Oekom Corporate Rating*, *Vigeo Eiris Sustainability Rating*, *FTSE Russell's ESG Ratings* и *Thompson Reuters ESG Scores*. Во всех этих рейтингах присутствуют показатели по климатической политике рейтингуемых компаний.

Наиболее востребованным экономическим механизмом снижения выбросов парниковых газов являются системы торговли выбросами парниковых газов (СТВ, *Emissions Trading System, ETS*). СТВ работает по принципу *cap-and-trade* («ограничения и торговли»). Первая в мире международная программа ограничения выбросов и торговли квотами с целью достижения климатических целей в рамках Киотского протокола была создана в 2005 г. в соответствии с директивой Европарламента и Европейского Совета 2003/87/ЕС. Специального рассмотрения заслуживают локальные климатические решения, к которым можно отнести систему трансграничного углеродного регулирования (ТУР), реализуемую в рамках «Зеленой сделки» ЕС (*European Green Deal*), в соответствии с которой компании-экспортеры обязаны представлять ЕС отчеты о выбросах и приобретать сертификаты на выбросы. ТУР – новый элемент международного углеродного регулирования. Прямые экономические последствия для стран с недостаточно активной климатической политикой становятся действенным механизмом принуждения к сокращению эмиссии парниковых газов. Введение ТУР является расширением *EU ETS* на импортируемую продукцию.

Правительства стран ЕС и уполномоченные ими органы, оставаясь в рамках международного права, не могут осуществлять прямой контроль выбросов парниковых газов в компаниях третьих стран, если не заключены соответствующие межправительственные соглашения, поскольку это означало бы вмешательство в производственную деятельность хозяйствующих субъектов суверенных государств. Поэтому субъектами регулирования в *CBAM* определены импортеры ЕС,

¹ “Rate the Raters 2020: Investor Survey and Interview Results,” SustainAbility, an ERM Group company, March 2020, accessed December 01, 2023, <https://www.sustainability.com/globalassets/sustainability.com/thinking/pdfs/sustainability-ratetherraters2020-report.pdf>.

а не иностранные производители. В.Г. Варнавский придерживается мнения, что ТУР имеет все признаки дискриминации, протекционизма, ограничений конкуренции в эколого-производственной сфере по отношению к экспортерам¹.

Энергетическая дипломатия в условиях энергоперехода

В публикации Аналитического центра при Правительстве РФ «Энергетический бюллетень. Глобальное регулирование энергетики» авторы, ссылаясь на исследования Дж. Колгана, Р. Кеохейна и Т. Ван де Граафа в области эволюции глобального энергетического регулирования и концепцию «прерывистого равновесия»², постулирующую, что развитие институтов регулирования происходит не равномерно, а «рывками», прогнозировали, что после заключения глобального климатического соглашения в 2015 г. в Париже вопрос о модернизации глобального энергетического регулирования выйдет на первый план³. Данный прогноз сбился в полной мере, что отражается в принятых на себя государствами обязательствах, зафиксированных в их документах стратегического развития, а также в обязательствах, принятых на конференциях сторон РКИК. На сегодняшний день к Парижскому соглашению присоединились 194 стороны.

Ниже приведены примеры стран и принятых в них документов по энергетической безопасности и климатической повестке (формулировки целевых установок и показателей по энергобалансу даны по А.Н. Клепачу, А.А. Окорочковой, Н.Г. Тинькову, 2023⁴).

США. Закон о снижении инфляции в Соединенных Штатах Америки (*Inflation Reduction Act in the United States*). В числе целевых установок – сокращение выбросов парниковых газов.

Страны ЕС. Европейская климатическая программа “*Fit for 55*”. План Европейской комиссии “*REPowerEU*”. В числе целевых установок – дальнейшее развитие возобновляемой энергетики.

КНР. План современной энергетической системы «14-я пятилетка». В числе целевых установок до 2025 г.: увеличить долю потребления и долю выработки неископаемой энергии до 20 и 39% соответственно; сократить выбросы углекислого газа на единицу ВВП на 18%; совокупно снизить потребление энергии на единицу ВВП на 13,5%.

Япония. Программа «Зеленая трансформация» Японии (“*Green Transformation (GX) programme*”). В числе целевых установок до 2030 г.: достичь углеродной нейтральности к 2050 г.; увеличить долю ВИЭ в энергобалансе страны до 36–38%; увеличить установленную мощность морских ВЭС до 10 ГВт, СЭС до 104–118 ГВт; возобновить использование ядерной энергетики и увеличить ее долю в энергобалансе до 20–22%.

Южная Корея. «9-й базовый план по спросу на электроэнергию на 2020–2034 гг. Южной Кореи». В числе целевых установок до 2034 г.: доля ВИЭ составит

1 Варнавский 2023.

2 Colgan, Keohane, Van de Graaf 2011.

3 Энергетический бюллетень. Ежемесячное издание // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. Выпуск № 9, январь 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/files/publication/a/1546.pdf> (дата обращения: 01.12.2023).

4 Клепач, Окорочкова, Тиньков 2023.

42%, СПГ – 32%, угля – 16%, атомной энергии – 10%; установленная мощность ВИЭ составит 77,8 ГВт.

Введение ТУР вызывало обсуждение не только внутри стран ЕС, но и между ЕС и государствами, которые подпадают под воздействие данного механизма, а также разбирательства в Европейском суде и ВТО¹². Акцентирование на проблемах, связанных с ТУР, позволяет понять, что развитие механизмов углеродного регулирования, несомненно, является предметом энергетической дипломатии, даже в большей степени, чем климатической.

Важнейшими площадками энергетической дипломатии в настоящее время являются конференции сторон РКИК ООН. Ниже приведены некоторые решения и события трех последних конференций сторон РКИК, значимые для низкоуглеродного развития мировой экономики.

COP26 (Глазго, 2021). 44 государства поддержали заявление об ускорении перехода от угля к производству электроэнергии с нулевыми выбросами парниковых газов. Более 100 государств присоединились к Глобальному обязательству по метану. Согласно документу, они обязуются к 2030 г. снизить выбросы метана на 30%. Более 137 государств обязались достичь нулевого уровня выбросов к 2050 г.

Более 40 мировых лидеров согласились с планом, возглавляемым Великобританией, по ускорению развития доступных экологически чистых технологий к 2030 г., включая транспортные средства с нулевым уровнем выбросов.

Важным событием *COP26* стало опубликованное совместное заявление Китая и США, двух крупнейших эмитентов парниковых газов, в котором они обязались до 2030 г. совместно бороться за ограничение роста средней температуры приземного слоя атмосферы в 1,5°C.

COP27 (Шарм-эль-Шейх, 2022). Создание специального Фонда по финансированию «потерь и ущерба» (*“loss and damage”*), направленного на решение проблемы выплаты компенсаций развитыми странами наиболее пострадавшим от климатического кризиса беднейшим странам, внесшим наименьший вклад в кризис. Обещания предоставить финансирование для фонда дали ряд государств, в том числе Австрия, Бельгия, Дания, Канада, Новая Зеландия, Франция, ФРГ, а также Шотландия.

Был принят пакет из 25 новых совместных действий по ускорению декарбонизации в пяти ключевых областях: энергетика, автомобильный транспорт, сталь, водород и сельское хозяйство. На *COP27* коалиция из более чем 80 государств выступила за расширение формулировок *COP26* по углю, настаивая на включение всех видов ископаемого топлива. Хотя это предложение не вошло в итоговый текст решения *COP27*, давление на РКИК ООН, направленное на такое решение, возросло³. Отметим, что саммит 2022 г. продлился на два дня дольше запланированного из-за крайне сложных переговоров по итоговому акту. Положение о постепенном отказе от всех ископаемых энергоресурсов не попало

1 Бажин, Рогинко 2020.

2 Стрежнева 2023.

3 *Василенко, Е.* Итоги 28-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата // РСМД. 25 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/itogi-28-y-konferentsii-ramochnoy-konventsii-oon-ob-izmenenii-klimata/?ysclid=lrfo1kdqne816693879> (дата обращения: 26.12.2023).

в итоговый акт конференции – против высказались Иран, Китай и Саудовская Аравия. Одним из достижений COP27 стало возобновление климатического диалога между США и Китаем, прерванного после визита Нэнси Пелоси на Тайвань в августе 2022 года.

COP28 (Дубай, 2023). Итоговое решение COP28 содержит призыв к ускорению усилий по созданию энергетических систем с чистыми нулевыми выбросами и поэтапному отказу от угольной энергетики. В тексте решения отмечается потенциальная роль «переходных видов топлива» ("*transitional fuels*") в содействии энергетическому переходу при обеспечении энергетической безопасности. Сторонам, тем не менее, не удалось прийти к согласию по ряду вопросов, касающихся статьи 6.2 и 6.4 Парижского соглашения об экономических механизмах функционирования углеродных рынков¹.

На конференции 50 крупнейших нефтегазовых компаний подписали обязательство сократить выбросы метана в рамках нефтегазовой деятельности к концу десятилетия. Сокращение метаноемкости их продукции предусматривается примерно на 80-90%. Они также договорились покончить с рутинным сжиганием газа в факелах к 2030 году.

Переговоры в Дубае в очередной раз подтвердили глубокие разногласия по поводу будущей роли нефти, газа и угля в мировой экономике. Коалиция из более чем 80 государств, в которую вошли США, Европейский Союз и малые островные государства, настаивала на заключении на COP28 договора, включающего формулировку о поэтапном отказе от ископаемого топлива с указанием его как основного источника парниковых выбросов и глобального потепления. Она столкнулась с жесткой оппозицией, возглавляемой группой стран ОПЕК и ее союзниками².

Примечательно, что следующая конференция сторон РКИК ООН – COP29 – состоится в Азербайджане. Необходимо отметить, в последние годы конференция сторон проходит в странах, являющихся экспортерами ископаемого топлива, но активно инвестирующих и в «зеленую» энергетику. Так, Азербайджан реализует национальную стратегию «30-процентная доля "зеленой энергии" в энергобалансе страны к 2030 году». Одним из ключевых векторов энергетической политики Азербайджана является сбалансированный подход к обеспечению энергоперехода, сочетающий в себе «зеленое развитие» и грамотную реализацию нефтегазовых проектов с внедрением мер операционной декарбонизации.

Основными акторами трансформационных процессов в национальном ТЭК являются Министерство энергетики Азербайджанской Республики и Государственная нефтяная компания SOCAR при участии компаний Masdar (ОАЭ) и ACWA Power (Саудовская Аравия). Реализация новых масштабных проектов в сфере ветровой и солнечной энергетики сопровождается внедрением высокотехнологичных систем хранения энергии. В целом в стране до 2030 г. планируется

1 Василенко, Е. Итоги 28-й Конференции Рамочной конвенции ООН об изменении климата // РСМД. 25 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/ecology/itogi-28-y-konferentsii-ramochnoy-konventsii-oon-ob-izmenenii-klimata/?ysclid=lr01kdqne816693879> (дата обращения: 26.12.2023).

2 Сокращение выбросов и несогласие: итоги климатического саммита COP28 в Дубае // Постныос. 13 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://postnews.ru/a/26649?ysclid=lr0fyqjxz233978899> (дата обращения: 25.12.2023).

создать 7 ГВт генерирующих мощностей в сфере ВИЭ¹, что позволит Азербайджану стать одним из ведущих экспортеров «зеленой» энергии в Европу. Для достижения этой цели ведутся работы по созданию соответствующей экспортной инфраструктуры – Черноморского силового кабеля *Black Sea Energy*, который соединит крупнейшие ветровые и солнечные электростанции Азербайджана с энергосистемой стран Европы через Грузию.

В рамках сокращения углеродного следа реализуемых в Азербайджане нефтегазовых проектов в 2023 г. был подписан Меморандум о взаимопонимании по развитию сотрудничества в сфере декарбонизации между *SOCAR* и Японским банком международного сотрудничества (*JIBC*), предусматривающий реализацию проектов по улавливанию, использованию и хранению углерода, а также производству водорода и аммиака².

В целом проведение *COP29* в Баку отвечает двум целям. Во-первых, на примере Азербайджана участники конференции могут разработать собственный план постепенного перехода на «зеленую энергию». Во-вторых, выступая с позиции поставщика нефтегазовых ресурсов на мировой рынок, Азербайджан может объяснить миру возможные последствия радикального отказа от ископаемого топлива, призвав к более умеренному и мягкому энергопереходу³. Президент Ильхам Алиев подчеркивает необходимость создания синергии между природным газом и возобновляемыми источниками энергии и предлагает рассматривать их как единый комплекс⁴.

Заключение

На современном этапе продолжает активно развиваться и оформляться в качестве неотъемлемой составляющей всей системы международных отношений целый ряд направлений в дипломатии, имеющих непосредственное отношение к проблематике энергоперехода: энергетическая, климатическая, экологическая дипломатии, дипломатия природных ресурсов, дипломатия стихийных бедствий.

Так как сроки энергоперехода остаются в достаточной степени неопределенными и зависят от множества факторов, можно предположить, что энергетическая дипломатия будет меняться по мере конкретизации темпов энергоперехода. На современном этапе наибольшее значение будут сохранять газовое сотрудничество и газовая дипломатия, так как природный газ является ключевым «транзитным» источником энергии при переходе к углеродно-нейтральной экономике, а также сотрудничество в сфере ядерной энергетики. По мере развития технологий водородной энергетики, возможно, не менее значимым направлением в энергетической дипломатии станет водородная дипломатия.

1 Аббасова, Н. «Зелёный экспорт»: в Азербайджане до 2030 года планируется создать 7 ГВт генерирующих мощностей в сфере ВИЭ // Еженедельный аналитический журнал «Регион Плюс». 15 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <http://regionplus.az/ru/articles/view/8201> (дата обращения: 25.12.2023).

2 Ibid.

3 Тагиева, А. *COP29* в Азербайджане: в чем смысл конференции и что она даст республике // SPUTNIK Азербайджан. 15 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://az.sputniknews.ru/20231215/cop29-v-azerbaydzhanе-v-chem-smysl-konferentsii-i-cto-ona-dast-respublike-461326793.html?ysclid=lr13yvjzh817364500> (дата обращения: 25.12.2023).

4 Багирова, Ф. Общим консенсусом на фоне разногласий: Решение о саммите *COP29* в Баку как показатель непрерываемого авторитета Азербайджана в мире // 1news.az. 11 декабря 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://1news.az/news/20231211030740358-Obshcim-konsensusom-na-fone-raznoglasiy-Reshenie-o-sammite-COP29-v-Baku-kak-pokazatel-nep-rerekaemogo-avtoriteta-Azerbaidzhana-v-mire> (дата обращения: 25.12.2023).

После подписания в 2015 г. Парижского соглашения по климату предпринимаются усилия по форсированию процессов низкоуглеродной трансформации мировой экономики и темпов глобального энергетического перехода, для чего используются механизмы ответственного инвестирования, углеродного регулирования, управления выбросами парниковых газов (климатический менеджмент). Эти процессы все в большей степени определяют внешнюю энергетическую политику государств, международную энергетическую дипломатию и оказывают влияние на сформировавшиеся ранее механизмы обеспечения энергетической безопасности.

Проблематика низкоуглеродного развития влияет на всех акторов энергетической дипломатии: глобальные и региональные организации, национальные государства и неправительственных акторов, в том числе транснациональные корпорации.

Важнейшими площадками энергетической дипломатии в настоящее время являются конференции сторон РКИК ООН. Данный вектор будет сохраняться в ближайшей и среднесрочной перспективе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Алиев, Д.Ф., Алиев, Р.А. Энергетический переход. Часть 1. Базовая бескарбонная генерация. М.: Прометей, 2022. 523 с.

Aliev, Dzhomart F., and Ruslan A. Aliev. *Jenergeticheskij perehod. Chast' 1. Bazovaja beskarbonovaja generacija*. Moscow: Prometej, 2022 [In Russian].

Бажин, А.И., Рогинко, С.А. Пограничный корректирующий углеродный механизм ЕС: статус, риски и возможный ответ // Серия «Аналитические записки Института Европы РАН». 2020. № 44 (№227). С. 1–14. <http://doi.org/10.15211/analytics442020>.

Bazhin, Anatolij I., and Sergej A. Roginko. "EU Carbon Border Adjustment Mechanism: status, risks and possible response." *Series of articles in journal "Analytical papers of the Institute of Europe RAS"* 44, no. 227 (2020): 1–14 [In Russian].

Варнавский, В.Г. Трансграничное углеродное регулирование Евросоюза: новый инструмент глобального управления // Мировая экономика и международные отношения. 2023. Т. 67. № 1. С. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-1-5-15>.

Varnavskii, Vladimir G. "Carbon Border Adjustment Mechanism of the European Union: a New Tool of Global Governance." *World Economy and International Relations* 67, no. 1 (2023): 5–15 [In Russian].

Василев, С.С., Жизнин, С.З. Значение вторично-возобновляемых источников энергии (ВВИЭ) для целей устойчивого развития // Казанский экономический вестник. 2017. № 4. С. 36–42.

Vassilev, Stefan S., and Stanislav Z. Zhiznin. "The Value of the Secondary-renewable Energy Sources (SRES) for Sustainable Development Goals." *Kazan Economic Vestnik*, no. 4 (2017): 36–42 [In Russian].

Гаттини, А. Роль ООН в управлении природными ресурсами от принципа абсолютного суверенитета к принципу устойчивого развития // Дипломатия ресурсов: сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века / отв. ред. А.В. Торкунов; под ред. М. Гудерцо, М.Л. Наполитано. М.: Навона, 2008.

Gattini, A. "Rol' OON v upravlenii prirodnyimi resursami ot principa absolutnogo suvereniteta k principu ustojchivogo razvitiya." In *Diplomatija resursov: syr'evye resursy i sistema mezhdunarodnyh otnoshenij dvadcatogo veka*, edited by Massimiliano Guderco, and Matteo Luidzhi Napolitano. Moscow: Navona, 2008 [In Russian].

Григорьева, О.В. Характерные особенности международных организаций как акторов энергетической дипломатии // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2016. Т. 5. № 1(14). С. 81–85.

Grigorieva, Oksana V. "Characteristics of International Organizations as Actors of Energy Diplomacy." *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration* 5, no. 1 (2016): 81–85 [In Russian].

Гудерцо, М., Наполитано, М.Л. Дипломатия ресурсов: сырьевые ресурсы и система международных отношений двадцатого века / отв. ред. А.В. Торкунов; под ред. М. Гудерцо и М.Л. Наполитано. М.: Навона, 2008. 448 с.

Guderco, Massimiliano, and Matteo Luidzhi Napolitano. *Diplomatija resursov: syr'evye resursy i sistema mezhdunarodnyh otnoshenij dvadcatogo veka*, edited by Massimiliano Guderco, and Matteo Luidzhi Napolitano. Moscow: Navona, 2008 [In Russian].

Жизнин, С.З. Энергетическая дипломатия в современном мире: меньше экономики, больше геополитики. Интервью со Станиславом Захаровичем Жизниным, российским дипломатом, доктором экономических наук, профессором МГИМО, президентом Центра энергетической дипломатии и геополитики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2019. Т. 19. № 3. С. 472–479. DOI: 10.22363/2313-0660-2019-19-3-472-479.

Zhiznin, Stanislav Z. "Energy Diplomacy in Contemporary World: Less Economy, More Geopolitics Interview with Stanislav Zhiznin, Russian diplomat, PhD in Economics, Dr. of Science (Economics), Professor of MGIMO-University, President of the Center of Energy Diplomacy and Geopolitics." *Vestnik RUDN. International Relations* 19, no. 3 (2019): 472–479 [In Russian].

Жизнин, С.З., Тимохов, В.М. Технологические аспекты энергетической дипломатии России // Вестник МГИМО-Университета. 2016. Том 48. № 3. С. 43–53. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2016-3-48-43-53>.

Zhiznin, Stanislav Z., and Vladimir M. Timohov. "Technological Aspects of Russian Energy Diplomacy." *MGIMO Review of International Relations* 48, no 3 (2016): 43–53 [In Russian].

Жизнин, С.З., Тимохов, В.М. Ядерные аспекты энергетической дипломатии. Москва: МГИМО, 2017а. 264 с.

Zhiznin, Stanislav Z., and Vladimir M. Timohov. *Jadernye aspekty jenergeticheskoj diplomatii*. Moscow: MGIMO, 2017a [In Russian].

Жизнин, С.З., Тимохов, В.М. Экология мировой энергетики и устойчивое развитие // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017b. № 9. Ч. 6. С. 36–39.

Zhiznin, Stanislav Z., and Vladimir M. Timohov. "Jekologija mirovoj jenergetiki i ustojchivoje razvitie." *Competitiveness in a Global World: Economics, Science, Technology*, no. 9 (2017b): 36–39.

Жизнин, С.З., Тимохов, В.М. Влияние энергетики на устойчивое развитие // Мировая экономика и международные отношения. 2017с. Том 61. № 11. С. 34–39. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-11-34-42.

Zhiznin, Stanislav Z., and Vladimir M. Timohov. "Energy Impact on Sustainable Development." *World Economy and International Relations* 61, no. 11 (2017с): 34–39 [In Russian].

Жизнин, С.З., Черечукин, А.В. Факторы развития и внедрения чистых угольных технологий в мировой экономике // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2020. № 6. С. 27–37.

Zhiznin, Stanislav Z., and Andrej V. Cherechukin. "Factors of development and introduction of clean coal-mining technologies in the world economy." *Mining Informational and Analytical Bulletin*, no. 6 (2020): 27–37 [In Russian].

Клепач, А.Н., Окороchkova, А.А., Тиньков, А.Г. Трансформация мирового топливно-энергетического порядка: стратегические приоритеты // Нефтегазовая вертикаль. 2023. № 5. С. 76–83.

Klepach, Andrej N., Anastasia A. Okorochkova, Nikita G. Tin'kov. "Transformacija mirovogo toplivno-jenergeticheskogo porjadka: strategicheskie prioritety." *Neftegazovaja vertikal'*, no. 5 (2023): 76–83 [In Russian].

Ковалев, Ю.Ю., Степанов, А.В., Бурнасoв, А.С. Международная климатическая дипломатия в поисках решения глобальной проблемы // Известия Уральского федерального университета. 2017. Т. 12. № 1. С. 117–131.

Kovalev, Jurij J., Anatolij V. Stepanov, Aleksandr S. Burnasov. "International Climate Diplomacy in Search for a Solution to Global Problem." *Izvestia. Ural Federal University Journal* 12, no. 1 (2017): 117–131 [In Russian].

Панова, В.В. Глобальное управление в сфере энергетики: миф или реальность? // Вестник международных организаций. 2015. Т. 10. № 1. С. 143–158. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-01-143>.

Panova, Viktoria V. "Governing Global Energy: Myth or Reality?" *International Organisations Research Journal* 10, no. 1 (2015): 143–158 [In Russian].

Рыков, Ю.Г. Сравнительный анализ долгосрочных сценариев развития мировой энергетики: перспективы энергоперехода // Мировая экономика и энергетика: драйверы перемен / под ред. С.В. Жукова. М.: ИМЭМО РАН, 2020. С. 107–124. <https://doi.org/10.20542/978-5-9535-0571-0>.

Rykov Jurij G. "Srvnitel'nyj analiz dolgosrochnyh scenarijev razvitija mirovoj jenergetiki: perspektivy jenergoperedehoda." In *Global Economy and Energy: Drivers for Changing*, edited by S. Zhukov, 107–124. Moscow: IMEMO RAS, 2020 [In Russian].

Тупайлов, Е.А. Международная климатическая повестка как инструмент западной газовой дипломатии: рабочая тетрадь № 80. М.: НП РСМД, 2023. 86 с.

Tirajlov, Evgenij A. *Mezhdunarodnaja klimaticheskaja povestka kak instrument zapadnoj gazovoj diplomatii: rabochaja tetrad'* № 80. Moscow: Russian Council, 2023 [In Russian].

Толеген, М.А., Рякова, Е.Г., Савчук, Е.В. Человек в идеологии глобализма // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2022. Т. 38. № 3. С. 423–435. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2022.313>.

Tolegen, Mukhtar A., Yelena G. Ryakova, Yelena V. Savchuk. "Human in the Ideology of Globalism." *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies* 38, no. 3 (2022): 423–435 [In Russian].

Смил, В. Энергия и цивилизация. От первобытности до наших дней. Пер. Д.Л. Казаков. М.: Бомбора, 2020. 480 с.

Smil, V. *Jenergija i civilizacija. Ot pervobytnosti do nashih dnej*. Moscow.: Bombora, 2020 [In Russian].

Стрежнева, М.В. Углеродный сбор Евросоюза: на пересечении климатической и внешнеторговой политики // Вестник международных организаций. 2023. Т. 18. № 2. С. 53–67. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2023-02-03>.

Strezhneva, Marina V. "Carbon Levy of the European Union: at the Intersection of Climate and Trade Policies." *International Organisations Research Journal* 18, no. 2 (2023): 53–67.

Colgan Jeff D., Robert O. Keohane, and Thijs Van de Graaf. "Punctuated equilibrium in the energy regime complex." *The Review of International Organizations* 7, no. 2 (2011): 117–143.

Сведения об авторе

Руслан Аллахверди оглы Алиев,

к.э.н., торговый представитель

Азербайджанской Республики в Российской Федерации

125009, Россия, Москва, Тверская ул., 16, строение 1, сектор 701 В

e-mail: torgpredaz@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 9 сентября 2023.

Переработана: 30 декабря 2023.

Принята к публикации: 30 декабря 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Алиев, Р.А. Энергетическая дипломатия в эпоху энергоперехода // Международная аналитика. 2023. Том 14 (4). С. 91–106.

<http://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-91-106>

Energy Diplomacy in the Era of Energy Transition

ABSTRACT

The development of international relations after the 1973 oil crisis was accompanied by the emergence of such phenomena and concepts as global and regional energy security, energy security of states, foreign energy policy and energy diplomacy. Institutionalization and development of mechanisms ensuring energy security – including global energy security – occurred and continues to occur under the conditions of dominance of hydrocarbon fossil fuels in the world energy balance, as well as in the context of energy consumption worldwide. The priorities of its provision at the global, regional and state levels were and are the security of demand, supply and transit of hydrocarbon raw materials, and the diversification of energy sources. After signing the Paris Climate Agreement in 2015, efforts are being made to accelerate the low-carbon transformation of the world economy and the pace of the global energy transition. This involves mechanisms for responsible investment, carbon regulation, greenhouse gas emissions management (climate management); uses a variety of socially significant interpretations of ongoing climate change. These processes are increasingly determining the foreign energy policy of states, international energy diplomacy and influencing the previously formed mechanisms for ensuring energy security. The article is aimed at generalization and systematization of the ongoing changes in the activities of both traditional international centers and institutes of global energy policy, and relatively new international platforms in the subject area under consideration, primarily the Conferences of the Parties to the United Nations Framework Convention on Climate Change and their impact on energy policy and energy diplomacy.

KEYWORDS

energy diplomacy, global energy transition, energy security, energy policy, climate change

Author*Ruslan A. Aliev*

PhD in Economic Science, Trade Representative of the Republic of Azerbaijan
in the Russian Federation,
Head of the Commission for Sustainable Development of the UN Association of Russia,
Extraordinary and Plenipotentiary Envoy of the 2nd class
16, 701B, Tverskaya street, Moscow, Russia, 125009
e-mail: torgpredaz@gmail.com

Additional information

Received: September 9, 2023. Revised: December 30, 2023. Accepted: December 30, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Aliev, Ruslan A. "Energy Diplomacy in the Era of Energy Transition."

Journal of International Analytics 14, no. 4 (2023): 91–106.

<http://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-91-106>

Пандемия COVID-19 в контексте эколого- политического дискурса: государство, гражданское общество, проблемы развития

Буркова Елена Ивановна, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Контактный адрес: enchen007@rambler.ru

АННОТАЦИЯ

Работа посвящена исследованию реакции политических сообществ на пандемию COVID-19. Опираясь на такие методологические подходы, как политическая глобалистика, мир-системный и структурно-функциональный анализ, автор рассмотрел политические условия национальных государств для борьбы с пандемией и ее последствиями. В этих рамках была затронута и проблема системного кризиса государства Модерна, эффективности государственного управления и систем принятия решений. В центре внимания оказались вопросы политического развития, рассмотренные в контексте эволюции демократии, гражданского политического участия, роли неправительственных организаций и элит, а также соотношение ценностей и целей в глобальной и национальной политической повестке. В статье затронута и проблематика «инфодемии». В заключении приводятся рекомендации по дополнению концепции национально-государственной безопасности экологической составляющей.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

пандемия, государство, гражданское общество, устойчивое развитие, экологическая безопасность, модели государственного противостояния пандемии

Введение

5 мая 2023 г. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила об окончании пандемии коронавируса *COVID-19*, провозглашенной 11 марта 2020 года.¹ В течение этого периода было зарегистрировано более 765 млн случаев заражения *COVID-19*, которые сопровождались изоляцией, отчуждением между людьми, послужили причиной произведенных изменений в системах управления и в некоторых секторах экономики. Падение объема мировой торговли в 2020 г. составило более 30%. С апреля по июнь 2020 г. своих рабочих мест лишились около 400 млн человек, к концу года – еще 340 млн. Действия государств во время пандемии стали своеобразным тестом на устойчивость² на фоне общего кризиса доверия и снижения авторитета социальных, экономических, политических институтов и СМИ³. Провозглашенную ВОЗ пандемию в этой организации назвали «цифровой пандемией», так как «напряжение и хаос» охватывали общество быстрее, чем скорость распространения вируса⁴. Она усилила страхи по поводу возможностей электронного контроля над людьми в условиях спорной и неочевидной опасности. Все эти процессы имели и ярко выраженное экологическое измерение, так как влияли на условия обитания человека.

Индустриально-рыночная цивилизация актуализировала модели адаптации, производящие риски, к которым люди не всегда могут приспособиться. Источником опасности зачастую становится результат человеческой деятельности, а не природные явления⁵. Еще на Всемирной Конференции по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. была сформулирована концепция экологически устойчивого развития, в основу которой легла идея баланса экономического роста и социального потребления с учетом экологической повестки. Концепция опирается на принцип предосторожности: при дефиците знания об экологических эффектах принимаемого решения оно не должно вести к необратимой деградации окружающей среды. Была сформирована парадигма экологической политики, целью которой стало со-выживание, коэволюция (термин акад. Н.Н. Моисеева) человеческого общества и природы: мы «должны рассматривать нашу планету как единственный в своем роде субъект, который имеет собственное право сохранять свое биологическое разнообразие, принимая во внимание, что здоровье планеты является непременным условием здоровья всего человечества; и что мир является необходимым условием устойчивого развития и любого вида экономической деятельности»⁶.

Глобальные Цели ООН, в основу которых легла идея устойчивого развития, подчеркивают роль неотъемлемых экологических прав людей, куда входит и проблема преодоления неравенства. Считается, что устойчивое развитие несовместимо с неокOLONIALИЗМом, так как учитывает взаимозависимость между

1 Пандемия коронавируса закончилась. Она длилась 1150 дней. Глава ВОЗ объявил об отмене статуса пандемии для *COVID-19* // *gazeta.ru*. 05 мая 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.ru/social/2023/05/05/16663892.shtml?ysclid=Ingcatgdon104354037> (дата обращения: 01.12.2023).

2 Capano 2020.

3 Батанина et al. 2021.

4 Ibid.

5 Бек 2000; 2001.

6 Лебедева 2022.

политической организацией общества и характером его воздействия на окружающую природную среду. Во многих государствах внедряются национальные концепции и стратегии перехода на модель устойчивого развития, а также политики (*policies*) устойчивого развития, целью которых является «устойчивое государство» (*sustainable state*).

Автор анализирует виды адаптации государств к условиям пандемии с опорой на концепцию устойчивого развития, анализируя факторы успешного преодоления пандемии; роль элит, экспертов, гражданского общества и неправительственных организаций (НПО); отношения в системе «государство – гражданское общество» и их влияние на политическое развитие. Соответствующая проблематика рассматривается в контексте условий «совладания» с новым вызовом и политических изменений в национальных государствах.

В России пандемию *COVID-19* рассматривают в основном как стихийное явление¹. Имеется ряд работ, посвященных анализу политических обстоятельств *COVID-19*, а также отдельных областей политики России, государственных институтов и гражданского общества². Автор также опирается на российские исследования по устойчивому развитию, глобалистике и экологической безопасности³. Многие западные эксперты рассматривают ответ государств на пандемию *COVID-19* в контексте дискурса Постмодерна, «эры риска», феномена «новой нормальности»⁴. Автор видит пандемию *COVID-19* как глобальную эколого-политическую, техногенную и антропогенную проблему, подлежащую урегулированию на основе принципов устойчивого развития.

Национальные государства перед лицом глобальной опасности

С началом пандемии многие эксперты прогнозировали рост авторитаризма, следующего за принятием административно-командных мер, полицейского контроля и передачу силовым структурам исключительных функций на фоне снижения роли гражданского общества. Первым политическим итогом ее стало уменьшение коммуникаций между лицами, принимающими решения, и гражданским обществом⁵. В научной литературе описано около 8 тыс. политик (*policies*) противоборства пандемии, при том что режим самоизоляции, нерабочих дней, ответственность за несоблюдение локдаунов, характерные для многих государств, зачастую вводились вне действующего национального законодательства⁶. Жесткость мер варьировалась в зависимости от местной специфики.

Такие страны, как Швеция, Белоруссия и Тайвань, имели минимальные ограничения почти во всех сферах. Локдауны вводили в Ирландии, Британии и

1 Мухарьямова et al. 2021.

2 Буклемишев et al. 2021; Ровинская 2022; Громыко 2020.

3 Яницкий 2003; Костин 2006; Ефременко 2006; Моисеев 1999; 2000; 2002; Русакова 2020, 55–67; Глушенкова 2004; 2010; 2015.

4 Сарано 2020; Gonda et al. 2022; Waeterloos et al. 2021; Mehta et al. 2022.

5 Бляжер 2021.

6 Запретительного характера: карантин, отслеживание и тестирование; консультативные системы; осведомленность общественности; запрет на массовые собрания; закрытие школ и университетов; комендантский час; скрининг здоровья; чрезвычайное положение. Разрешительного характера: налоговые послабления; отпуск и неполная занятость; кредиты; социальное дистанцирование; бесплатная иммунизация; социальная поддержка уязвимых групп. См.: Старовойтова et al. 2021.

Италии. Самые серьезные ограничения на личные контакты накладывались в Аргентине, КНР и Индии. В ряде стран период ограничений сменялся периодом послаблений с учетом «волн пандемии». Уровень ограничений был стабильным как для стран с высоким уровнем ограничений (Аргентина и Британия), так и с относительно низким (Тайвань, Южная Корея). Выделяют также группу с тенденцией к постоянному, чаще плавному, снижению ограничений после однократного их введения. В этой группе представлены в основном страны с развивающимися рынками¹.

Всего выделяется пять типов поведения государств. 1-я модель – жесткая политика на всем протяжении пандемии, как, например, в Китае, с максимальной ролью государства во всех областях жизни (строгие ограничения на въезд и перемещение по стране)². 2-й тип был характерен для ЕС, с менее жесткими ограничениями (запрет на проведение массовых мероприятий, закрытие кафе, театров, доступны магазины, аптеки). 3-й тип продемонстрировала Южная Корея (слежение за контактами граждан). 4-й тип как альтернатива первому осуществлялся в надежде на выработку коллективного иммунитета (исключение – граждане из зоны риска и пожилые люди). Ему следовали Швеция и Белоруссия. 5-й тип поведения характеризовался хаотичностью решений, когда введение строгого карантина сменялось его полной отменой. В крупных городах США поначалу пытались остановить пандемию силами национальной гвардии, но затем сняли почти все ограничения³.

Ответ государства на пандемию можно рассматривать с помощью солидаристской и абсентистской моделей. Солидаристская модель, реализованная в ЕС, предполагает: (1) публикацию подробных, вызывающих доверие данных о масштабах и последствиях эпидемии; (2) целенаправленное формирование в гражданском обществе группы осознанной поддержки жестких ограничительных мер; (3) последовательность в осуществлении мер; (4) широкие меры экономической поддержки населения и бизнеса; (5) консолидацию и совместную активность общества и государства⁴. В ЕС пандемия усилила риски и неопределенность развития (о чем свидетельствует бюджет ЕС-2020)⁵. Абсентистская модель чаще встречается в развивающихся странах и характеризуется непоследовательностью действий, низким качеством принятия и реализации решений, манипулированием статистикой. К этой модели относят и США⁶.

Многие эксперты отмечают успешность Китая в противодействии *COVID-19*, но значит ли это, что 1-й тип политики доказал свою эффективность? Ответить на поднятый вопрос поможет анализ противоположной, 4-й модели. Примером

1 Опыт государств в борьбе с пандемией *COVID-19*. Сборник страновых кейсов. Доклад Департамента международного и регионального сотрудничества Счётной палаты РФ // Ach.gov. 20 августа 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/casebook_COVID-19.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

2 Sareen et al. 2021.

3 Опыт государств в борьбе с пандемией *COVID-19*. Сборник страновых кейсов. Доклад Департамента международного и регионального сотрудничества Счётной палаты РФ // Ach.gov. 20 августа 2020. [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/upload/pdf/casebook_COVID-19.pdf (дата обращения: 01.12.2023).

4 Буклемишев 2021.

5 Антонова et al. 2020; Леонард et al. 2021.

6 Буклемишев 2021. США – лидер по ассигнованиям в медицину (17%) в мире, согласно Глобальному индексу безопасности здравоохранения (*Global Health Security Index*). Затем следуют Британия, Франция, Канада, Швеция, Швейцария и другие богатые страны, неудачно показавшие себя во время пандемии. См. Статистика коронавируса в мире // GoGov. [Электронный ресурс]. URL: <https://gogov.ru/covid-19/world> (дата обращения: 22.12.2023).

здесь является Швеция – социальное государство с высоким уровнем медицины, устойчивым экономическим ростом, низкой безработицей и стабильной финансовой системой. Хотя управление пандемией *COVID-19* не было возложено исключительно на государственные органы, в Швеции наблюдалось обострение конфликта между гражданскими активистами, элитами и экспертами-технократами. Общество продемонстрировало нетерпимость к авторитарным методам, любым формам принуждения, поэтому минимальное вмешательство государства можно характеризовать как солидаристский ответ и на пандемию, и на борьбу с ней. При этом в Швеции сохранялся относительно высокий уровень смертности, если сравнивать ее с соседней Норвегией, относящейся ко 2-й модели и солидаристскому типу политического ответа.

Норвегия старалась избегать любых авторитарных мер, делая упор на гражданскую сознательность информированного населения, привлекая экспертное сообщество к процессу выработки политики против *COVID-19*. Была осуществлена мобилизация сил и выделено финансирование на помощь всем группам населения с особым вниманием к субъектам гражданского общества и социально активного бизнеса. В целом норвежский ответ можно охарактеризовать как совместное усилие государства и гражданского общества, включая социально активный бизнес, основанное на общенациональном консенсусе¹. Консолидация всех внутригосударственных игроков, единый системный национальный ответ, выработанный коллективно, политическое согласие, общий консенсус перед лицом новой угрозы, сотрудничество государства и гражданского общества, скорее всего, привели к тому, что у Норвегии показатели смертности оказались одними из самых низких в Европе и в мире².

Существовало мнение, что *COVID-19* будет способствовать укреплению авторитарных режимов (скажем, в Юго-Восточной Азии³), росту государственного аппарата принуждения, что приведет едва ли не к концу либерального порядка. Но авторитаризм в Азии – не результат *COVID-19*⁴. Там, где не было авторитарных тенденций, из-за пандемии они не возникли, так же как не уменьшилась и гражданская активность. В целом в пандемию был заметен курс *nation-state* в зону своей ответственности и обращение к проверенным, надежным, укорененным в политической культуре моделям и инструментам. Нагрузка на государство усилилась, но его природу и характер это не изменило.

Для граждан это имело как отрицательные, так и некоторые положительные последствия. Помимо краткосрочных негативных эффектов (роста безработицы, социального напряжения, обострения приграничных конфликтов), граждане столкнулись с долговременными политическими последствиями, которые не везде вели к росту контроля и атомизации общества. В некоторых странах усиление позиций государства сыграло роль медиатора в экономике и стало источником поддержки бизнес-активности, реформирования национальных систем здравоохранения, инвестирования в медицину и биотехнологии.

1 Sareen et al. 2021.

2 Статистика коронавируса в мире // GoGov. [Электронный ресурс]. URL: <https://gogov.ru/covid-19/world> (дата обращения: 22.12.2023).

3 Рогожин et al. 2020.

4 Громыко 2020.

Гражданское общество: проблемы демократии и участия

В оценках влияния пандемии на государства наблюдается некоторое единодушие, в то время как мнения о динамике гражданского общества, процессов демократического участия и самоуправления разнятся. Считается, что авторитарные режимы использовали пандемию как предлог для подавления демократии, усиления *"command-and-control"* политик¹. Государство эпохи Модерна победило гражданское общество, так же как «пандемия COVID-19 вызвала кризис демократии во всем мире»². В качестве примера нередко приводится ЕС, который в нарушение Конвенции по правам человека 1950 г. внедрил санитарный паспорт *TousAntiCovid* для отслеживания передвижения граждан. Делались попытки поставить под контроль передвижение граждан, что вызывало социальную напряженность³. Правительства начали отменять или откладывать выборы как на национальном, так и на субнациональном уровне, а реальная власть сохранилась за государственным аппаратом. Политические кампании перешли в виртуальное пространство. Бизнес поляризовался: ориентированные на глобализацию потеряли прежние позиции, ориентированные на национальное производство интенсивно транснационализировались. Часть представителей экономического сообщества проявила себя как активная экологически ориентированная сила⁴. Вновь зазвучали призывы «перезагрузить» активность «зеленого» бизнеса. «Великая перезагрузка» стала ключевым сюжетом обсуждений в Давосе в 2021 г., поэтому «коронавирусный кризис способствовал выходу экологической политики на новый уровень»⁵.

Кризис здравоохранения и экономики показал иллюзорность жизни в сравнительной безопасности⁶. Возросла атомизация, человек остался наедине со своими страхами, так как пандемия, особенно в начале, стала катализатором насилия и экстремизма⁷, государство не успевало оперативно реагировать на вызовы, авторитет политических институтов и СМИ снижался⁸. При этом в некоторых странах наблюдалось усиление роли гражданского общества, которое активно включилось в процесс борьбы с пандемией, «бросив вызов существующим структурам, обладающим несоизмеримыми знаниями и преследующим конкурирующие цели»⁹. Дж. Блумлер и С. Колеман подчеркивают, что «кризис, вызванный пандемией, поднимает фундаментальные вопросы о том, как граждане могут "открыто заявлять о себе"; участие общественности в формировании или принятии таких решений крайне ограничено, что ставит

1 Gonda et al. 2022.

2 Батанина et al. 2021.

3 May et al. 2020.

4 Кочетков 2022.

5 Ровинская 2022. Хотя в самом начале пандемия привела к снижению темпов и качества природоохраны, в дальнейшем Цели устойчивого развития были подтверждены на сессии сторон Рамочной конвенции ООН об изменении климата 2021 г. в Глазго. Страны заявили о том, что политика будет осуществляться с учетом нового вызова. ЕС подтвердил «Зеленую сделку» 2019 г. и Стратегию ЕС по защите биоразнообразия до 2030 г.

6 G. Jhon Ikenberry, "Democracies Will Come out of Their Shell. How the World Will Look After the Coronavirus Pandemic," Foreign Policy, March 20, 2020, accessed December 1, 2023, <https://foreignpolicy.com/2020/03/20/world-order-after-coronavirus-pandemic/>; Blumler 2021.

7 Pantucci 2021.

8 Flew 2021.

9 Gonda et al. 2022.

вопрос о роли демократической общественности в реагировании на критические проблемы»¹.

Западные политологи полагают, что демократизация во время пандемии как глобальная тенденция сохранилась, что выразилось в активном участии гражданских структур в противодействии пандемии. «Новый гражданский контекст» показал, что институты политики реагируют на интересы элит, а не на нужды обычных граждан, в новой повестке «государство [либо] отсутствует, либо ненадежно», а «низовой» активизм пытается взять инициативу на себя, демонстрируя то, что называют «плоской демократией»². По И. Борбату, пандемия мобилизовала существующие практики солидарности в форме гражданского и политического участия³. По К. Ватерлусу, социальная интеграция онлайн и офлайн активно способствовала гражданскому участию⁴. В борьбе между традиционной мажоритарной демократией большинства («воля всех»), поддерживаемой элитами, и «демократией участия» («общей волей»), на которую опирается активная часть гражданского общества, наступил новый этап⁵. При этом пандемия открыла путь к таким социальным переменам, где речь идет о дальнейшем отходе от модели демократии большинства и переходе к неким принципиально новым политическим формам, «заточенным» на решение сиюминутных корпоративных задач.

Пандемия в некотором роде бросила вызов устойчивости мирового общества. Ощущение общей опасности («все мы в одной лодке...») не привело к совместным усилиям, где восторжествует система отношений win-win, что в какой-то мере отвечает принципам устойчивого развития: «Экологическая взаимозависимость создает непреодолимые препятствия для реализации суверенитета, потому что связанные с ней угрозы транснациональны... экологическая глобализация продолжится, потому что она подчиняется законам биологии и физики... (...) В таких случаях, как пандемия COVID-19 или изменение климата, начинается силовая игра с позитивной суммой»⁶.

В борьбе демократического диалога с гегемонистским навязыванием наблюдался тренд к последней модели, что ярко проявилось в политике «вакцинного национализма». К началу февраля 2021 г. 10 стран обеспечивали 75% мирового производства вакцин, на которые претендовали 130 стран с населением 2,5 млрд человек. В марте 2021 г. ЕС, ВОЗ и главы 25 государств подписали призыв создать договор о пандемиях⁷, в рамках которого было предложено рассматривать весь объем вакцин как глобальное общественное достояние, что не получило под-

1 Blumler 2021.

2 Ibid. Если следовать традиции, идущей от Х. Арндт, граждане – свободные рациональные существа, создающие <зримые> пространства публичной политики (*spaces of appearance*), заданные их совместным политическим действием, основанным на согласии и компромиссе, совокупности формальных и неформальных коммуникативных практик. Речь не только об отношениях между индивидами и государством и его институтами, но и об отношениях между индивидами и индивидами. Гражданство – это статус, который может быть актором демократического процесса. «Плоская» демократия – самоуправление, формирующееся в ходе взаимодействия и коммуникации между людьми.

3 Borbath 2021.

4 Waeterloos et al. 2021.

5 Демократия может трактоваться или как «воля всех», или как «общая воля», не сводимая к сумме личностных волей. «Воля всех» – воля краткосрочных интересов всех социальных групп, из которых общество состоит, а «общая воля» – единство краткосрочного интереса и долгосрочного, всеобщий интерес. Это то, что объединяет всех людей (например, воля к всеобщему выживанию в условиях экологического кризиса). Haefele 2011.

6 Цитата Дж. С. Ная по: Камышанов 2021, 85.

7 Джафарова 2022.

держку. Россия, развернув производство вакцины, предложила ее дружественным нуждающимся странам¹.

С точки зрения политического реализма государства действуют автономно как унитарные субъекты с целью максимального контроля факторов своего существования в условиях всеобщей неопределенности. Политический либерализм, согласно которому сотрудничество укрепляет систему международных отношений, так же как и политический реализм, не объясняет реальность постмодернити. Согласно конструктивизму, институты, альтернативные государству, налагают на государства обязанности, мотивируя к принятию и реализации политических решений. В то же время существование определенных внутригосударственных механизмов (социальное обучение, обмен данными, гибкое разрешение споров, открытые переговоры), инструментов (институты сотрудничества, правила, нормы) и стимулов (давление гражданского общества) оказывает существенное влияние на процесс принятия решений в государственном аппарате.

Реализм и либерализм не объясняют явлений экологической политики и ценностных решений. В рамках этих парадигм экологическая политика, по большому счету, невозможна: государства не будут жертвовать интересами своих элит ради экологической повестки. Такая повестка возможна в имиджевых целях, если не противоречит интересам «центров силы». Конструктивизм же рассматривает другую сторону проблемы, где государства, как люди, имеют «ожидания» и действуют в соответствии с ними, так как ожидания определяют их реальный опыт «общения»². Международные системы опираются на конструируемые людьми структуры, действующие на основе целей, ценностей и смыслов.

Пандемия обострила проблему мирового неравенства, стихийно усилив националистическую тенденцию в политике, обострив имеющиеся конфликты, включая проблему глобализации: «Отвергая упрощенное представление о глобализации как о “едином обществе и культуре”... мы признаем – современный мир характеризуется выраженным противоречием между своеобразием места и преобладающей динамикой глобальной системы»³. Государство здесь выступает в качестве политического актора⁴, «играющего в пандемию» на противоречиях глобализации, лишь на время усиливая политические позиции на «своей» территории. Существует мнение, согласно которому пандемия нанесла удар по глобализации, но, возможно, это удар по неолиберальной модели, идущей от рейганомии и тэтчеризма с опорой на идеологию «новых правых»⁵. Пандемия и реакция на нее государств показала, что в глобализирующемся мире – мире Постмодерна, наиболее близко описываемом парадигмой конструктивизма, миропорядок может существенно отличаться от привычной картины реализма.

1 Charles Kenny, “A Dark Pandemic Year Could Still Portend a Brighter Future. The World After COVID-19 Could Be as Good as or Better Than the One Before,” *Foreign Affairs*, April 12, 2021, accessed December 1, 2023, <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-04-12/dark-pandemic-year-could-still-portend-brighter-future>.

2 Weldon et al. 2021. Анархия – не «естественное состояние». С точки зрения парадигмы реализма и борьбы «всех против всех» она создается совокупностью действий международных акторов. Парадигма идеализма опирается на проблему сотрудничества и всеобщую взаимосвязь. И «эгоизм» *nationstates*, и взаимопомощь либерализма для конструктивиста – социальный конструкт.

3 Blumler 2021.

4 Ibid.

5 Антонова, Хафизова 2020.

Заключение

Пандемия *COVID-19* стала результатом кризисных явлений в пространстве мировой политики и, одновременно, катализатором изменений в модели социально-экономического развития государств¹. Для адаптации к пандемии не существовало универсального ответа, а процесс «совладания» не выявил связи с объемом государственного вмешательства и масштабами финансирования специализированных отраслей. Подобно Великой депрессии, пандемия стимулировала позитивные перемены, как, например, рациональный общественный дискурс и всеобщее социальное обучение². Одновременно она актуализировала слабости неолиберальной глобализации (что описывается конструктивизмом) и усилила нагрузку на государство в классическом его понимании. Хотя многие государства и приняли стратегии устойчивого развития, но на практике в регулировании пандемии они не учитывались. При этом государство Модерна опиралось на «проверенные временем» институты и методы. Опора на традиционные методы выявила определенные проблемы, несмотря на целенаправленную финансовую поддержку основных институтов. Успешные модели продемонстрировали те государства, которые обращались к поддержке развитых институтов гражданского общества, где отношения в системе «государство – гражданское общество» строились на основе консенсуса и гражданской поддержки. В то же время нельзя отрицать, что определенного успеха в борьбе с пандемией достигали и авторитарные методы, внеэкономическое принуждение, но это нарушало баланс отношений по линии «государство – гражданское общество» и приводило к росту конфликтного потенциала.

22 мая 2023 г. генеральный директор ВОЗ Т.А. Гебрейесус на ассамблее в Женеве декларировал, что человечеству грозит новая эпидемия, опаснее прежней: «Угроза появления другого варианта <коронавируса>... остается. Также остается угроза появления нового патогена с еще более смертоносным потенциалом»³. Соответственно этому, пандемии стали частью реальности и, возможно, драйвером изменений, так как формулирование политических ответов на них продолжается.

В этом контексте оптимальным решением видится долгосрочное планирование государственной безопасности с учетом концепции устойчивого развития. Главным требованием к формулированию концепций национальной безопасности может стать обеспечение условий, при которых имеет место «неуязвимость» общественной системы для любого рода экологических и биологических рисков и угроз с опорой на принципы устойчивого развития. Следование одному из них, принципу предосторожности, потребует дополнительных изменений в соответствующих правительственных документах, в которых большую роль целесообразно отводить гражданскому участию, включая гражданскую экспертизу и расширение представительства гражданского общества в процессе принятия

1 Лео 2020.

2 Сунгуров 2020.

3 Что за новая смертельная пандемия, о которой предупреждает ВОЗ? // Аргументы и факты. 24.05.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://aif.ru/health/life/hto_zh_zh_novaya_smertelnaya_pandemiya_o_kotoroy_preduprezhdaet_voz?ysclid=lo952ki1vq152514004 (дата обращения: 22.12.2023).

решений. В странах, где отношения в системе «государство – гражданское общество» усилили конфликтность, логично опираться на дополнительные механизмы эффективного управления рисками в рамках национальных стратегий экологической и биологической безопасности.

Американский психолог М. Боуэн некогда прогнозировал непрерывный рост тревожности в мире: «Возросшая тревога в обществе создает “волну слитности”», и это порождает «еще большую тревогу»¹. В постпандемийном мире эта тенденция усилилась, продолжает снижаться уровень критичности и трезвости мышления при наблюдаемом росте насилия и контроля над человеком.

Но ключевой повесткой сегодня все же провозглашается глобальное изменение климата. По мнению некоторых экспертов, «США и другие великие державы тратят гигантское внимание и средства для противостояния тому, что в сравнении с климатическим изменением представляет собой незначительные угрозы»². Признавая всю серьезность пандемии как новой биологической опасности, чрезмерное внимание лидеров политических элит развитых стран к ней отодвигает острые экологические проблемы на второй план.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Антонова, Н.Л., Хафизова, В.Р. Город как сцена молодёжного активизма: локальные практики в условиях пандемии // Общество: социология, психология, педагогика. 2020. № 6(74). С. 15–19.

Antonova, N.L., Khafizova, V.R. "A City as a Scene of Youth Activism: Local Practices Under Pandemic Conditions." *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, no. 6 (2020): 15–19 [In Russian].

Батанина, И.А., Бродовская, Е.В., Домбровская, А.Ю., Парма, Р.В. Социальные и политические эффекты пандемии Covid-19 в России: результаты исследования в рамках «Мирового Интернет-Проекта – 2021» // Известия ТулГУ. Науки о Земле. Вып. 4. 2021. С. 3–13. <https://doi.org/10.46689/2218-5194-2021-4-1-3-13>.

Batanina, I.A., Brodovskaya, E.V., Dombrovskaya, A.Yu., Parma, R.V. "Social and Political Effects of the Covid-19 Pandemic in Russia: Results of a Study within the Framework of the 'World Internet Project – 2021.'" *News of the Tula State University. Sciences of Earth*, no. 4 (2021): 3–13 [In Russian].

Бек, У. Общество риска. М.: Прогресс, 2000.
Bek, U. *Obshchestvo riska*. M.: Progress, 2000 [In Russian].

Бек, У. Что такое глобализация? М.: Прогресс, 2001.
Bek, U. *Chto takoe globalizatsiya?* M.: Progress, 2001 [In Russian].

Бляхер, Л.Е. Издержки глобального лидерства и «соседская» международная политика // Международная аналитика. 2021. № 1. С. 21–34.

Blyakher, L.E. "The Costs of Global Leadership and Neighborhood International Politics." *Journal of International Analytics* 12, no. 1 (2021): 21–34. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2021-12-1-21-34> [In Russian].

Буклемишев, О., Гурвич, Е., Михайлова, Т., Рогов, К. Больше, чем COVID: авторитарный режим и российское общество перед лицом пандемии. М.: Либеральная миссия, 2021. 57 с.

Buklemishev, O., Gurvich, E., Mikhailova, T., Rogov, K. *Bol'she, chem COVID: avtoritarnyi rezhim i rossiiskoe obshchestvo pered litsom pandemii*. M.: Liberal'naya missiya, 2021 [In Russian].

Глушенкова, Е.И. Устойчивое развитие как концептуальная основа стратегии национальной безопасности России. М.: ИМЭМО РАН, 2004.
Glushenkova, E.I. *Ustoichivoe razvitie kak kontseptual'naya osnova strategii natsional'noi bezopasnosti Rossii*. M.: IMEMO RAN, 2004 [In Russian].

Глушенкова, Е.И. Экополитология. М.: МНЭПУ, 2010.
Glushenkova, E.I. *Ehkopolitologiya*. M.: MNEHPU, 2010 [In Russian].

Глушенкова, Е.И. Экополитология академика Моисеева и устойчивое развитие России. М.: МНЭПУ, 2015.

Glushenkova, E.I. *Ehkopolitologiya akademika Moiseeva i ustoichivoe razvitie Rossii*. M.: MNEHPU, 2015 [In Russian].

Громыко, Ал.А. Пандемия и кризис системы международных отношений // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13(5). С. 6–19. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-1>.

Gromyko, Al.A. "The Pandemic and the Crisis in the System of International Relations." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 13(5) (2020): 6–19 [In Russian].

Джафарова, Л.А. Политика после пандемии COVID-19: значение политических институтов и новые условия для глобального здравоохранения // Юридические науки и образование. 2022. № 66. С.: 63–69. <https://doi.org/10.25108/2304-1730-1749.iolr.2022.66.63-69>.

Dzhafarova, L.A. "Policy after the COVID-19 Pandemic: the Importance of Political Institutions and New Conditions in the Context of Global Health." *Juridical Sciences and Education*, no. 66, 2022 [In Russian].

1 Bowen 1978.

2 Высказывание А. Ливена из кн.: Lieven 2020; Цит. по: Проценко 2020, 149.

Ефременко, Д.В. Эколого-политические дискурсы. М.: ИНИОН РАН, 2006.

Efremenko, D.V. *Ehkologo-politicheskie diskursy*. M.: INION RAN, 2006 [In Russian].

Камышанов, В.И. Фрагментация глобализации как вызов устойчивому развитию: фактор идентичности // «Дискурс-Пи». 2021. № 1(42). С. 78–90. <https://doi.org/10.24412/1817-9568-2021-1-78-90>.

Kamyshanov, V.I. "Fragmentatsiya globalizatsii kak vyzov ustoychivomu razvitiyu: faktor identichnosti," *Scientific Journal "Diskurs-Pi"*, no. 1 (2021): 78–90 [In Russian].

Костин, А.И. Экополитология и глобалистика. М.: Аспект-Пресс, 2006.

Kostin, A.I. *Ehkopolitologiya i globalistika*. M.: Aspekt-Press, 2006 [In Russian].

Кочетков, В.В. Влияние пандемии COVID-19 на глобальную политику // Век глобализации. 2022. № 4. С. 73–84. <https://doi.org/10.30884/vglob/2022.04.05>.

Kochetkov, V.V. "Impact of the COVID-19 Pandemic on Global Policy." *Vek globalizatsii*, no. 4 (2022): 73–84 [In Russian].

Лебедева, М.М. Влияние пандемии COVID-19 на мировую политику // Вестник МГИМО-Университета. 2022. № 15(1). С. 92–110. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110>.

Lebedeva, M.M. "COVID-19 Pandemic: Impact on World Politics." *MGIMO Review of International Relations*, no. 15 (2022): 92–110. <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2022-1-82-92-110> [In Russian].

Лео, Г. Социальные и политические последствия пандемии и концептуализация экономик Запада // Научные труды Вольного экономического общества России. 2020. № 3. С. 573–576

Leo, G. "The Social and Political Consequences of the Pandemia on the Conceptualisation of Economies in the West." *Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*, no. 3 (2020): 573–576 [In Russian].

Леонард, М., Крестев, И. Невидимый раскол в Европе: как COVID-19 поляризовал европейскую политику // Россия в глобальной политике. 13 сентября 2021. <https://globalaffairs.ru/articles/nevidimyy-raskol-v-evrope/zysclid=infylad2th659368250>.

Leonard, M., and I. Krastev. "Nevidimiyi raskol v Evrope - kak KOVID polyarizoval evropeiskuyu politiku." *Russia in Global Affairs*. September 13, 2021 [In Russian].

Мау, В.А., Идрисов, Г.И., Кузьминов, Я.И., Радыгин, А.Д., Садовничий, В.А., Синельников-Мурылев, С.Г. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России. Москва: 2020. 744 с.

Mau, V.A., Idrisov, G.I., Kuz'minov, Ya.I., Radygin, A.D., Sadovnichiy, V.A., Sinel'nikov-Murylev, S.G. *Obshchestvo i pandemiya: opyt i uroki bor'by s COVID-19 v Rossii*. M., 2020 [In Russian].

Моисеев, Н.Н. Как далеко до завтрашнего дня... М.: МНЭПУ, 2002.

Moiseev, N.N. *Kak daleko do zavtrashnego dnya...* M.: MNEPU, 2002 [In Russian].

Моисеев, Н.Н. Размышления о современной политологии. М.: МНЭПУ, 1999.

Moiseev, N.N. *Razmyshleniya o sovremennoi politologii*. M.: MNEPU, 1999 [In Russian].

Моисеев, Н.Н. Судьба цивилизации. Путь разума. М.: МНЭПУ, 2000.

Moiseev, N.N. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma*. M.: MNEPU, 2000 [In Russian].

Мухарьямова, Л.М., Залаяев, А.Р., Шаммазова Е.Ю. Пандемия COVID-19 в российских массмедиа: политический контекст // Политическая лингвистика. 2021. No 1(85). С. 72–80.

Mukharyamova, L.M., Zalyaev, A.R., Shammasova E.Yu. "COVID-19 Pandemic in the Russian Mass Media: a Political Context." *Political Linguistics*, no. 1 (2021): 72–80 [In Russian].

Проценко, Н.П. Экоореализм вместо эоактивизма // Международная аналитика. 2020. 11(2). С. 147–156. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-147-156>.

Protsenko, N.P. "Ecorealism Instead Ecoactivism." *Journal of International Analytics*, no. 2 (2020): 147–156. [In Russian].

Ровинская, Т. Новые очертания экологической политики в контексте пандемии COVID-19 // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 7. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-7-66-80>.

Rovinskaya, T. "New Shape Of Environmental Policy Amid Covid-19 Pandemic (Promotion of Green Agenda by European Union and United States)." *World Economy and International Relations (Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia)* 66, no. 7 (2022): 66–80 [In Russian].

Рогожин, А.А., Рогожина, Н.Г. COVID-19 в Юго-Восточной Азии: проблемы и решения // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2020. № 13. С. 181–203. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2020-13-5-11>.

Rogozhin, A.A., Rogozhina, N.G. "COVID-19 in Southeast Asia Problems and Solutions." *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*, no. 13 (2020): 181–203 [In Russian].

Русакова, Т.Ю. Vida Verde: обратная модернизация как новый вектор инклюзивного роста. М.: Научный эксперт, 2020. 79 с.

Rusakova, T.Yu. *Vida Verde: obratnaya modernizatsiya kak novyi vektor inkluzivnogo rosta*. M.: Nauchnyi ehkspert, 2020 [In Russian].

Старовойтова, О.В., Костюшева В.В. Пандемия как вызов государству, обществу, личности: ответственность, контроль, доверие. СПб.: Норма, 2021.

Starovoitova, O.V., Kostyusheva V.V. *Pandemiya kak vyzov gosudarstvu, obshchestvu, lichnosti: otvetstvennost', kontrol', doverie*. Spb.: Norma, 2021. 191 с. [In Russian].

Сунгуров, А.Ю. На пути к глобальному управлению: что надо изменить в ООН? // Пандемия как двигатель трансформации: глобальное, государственное и корпоративное управление. Материалы международной научно-практической конференции «Пандемия как двигатель трансформации» 25 – 26 мая 2020 г. / Под ред. В.И. Добросоцкого. М.: ЛитРес, 2020. С. 11–14.

Sungurov, A.Yu. "Na puti k global'nomu upravleniyu: chto nado izmenit' v OON?" In *Pandemiya kak dvigatel' transformatsii: global'noe, gosudarstvennoe i korporativnoe upravlenie. Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, May 26–26, 2020, edited by V.I. Dobrosotskii. M.: LitRes. 2020 [In Russian].

Яницкий, О.Н. Социология риска. М.: Институт социологии РАН, 2003.

Yanitskii, O.N. *Sotsiologiya riska*. M.: Institut sotsiologii RAN, 2003 [In Russian].

Blumler, Jay, and Stephen Coleman. "After the Crisis, A 'New Normal' for Democratic Citizenship?" *Javnost - The Public* 28, no. 1 (2021): 3–19. <https://doi.org/10.1080/13183222.2021.1883884>.

Borbath, Endre, Hunger, Sophia, Hutter, Swen, Iona-Elena Oana. "Civic and Political Engagement during the Multifaceted COVID-19 Crisis." *Swiss Political Science Review*, no. 27 (2021): 311–324.

Bowen, Murray. *Family Therapy in Clinical Practice*. New York: Jason Aronson, 1978.

Capano, Gilberto, Howlett, Michael, Jarvis, Darryl S.L., Ramesh, M., and Nihit Goyal. "Mobilizing Policy (in) Capacity to Fight COVID-19: Understanding Variations in State Responses." *Policy and Society* 39, no. 3 (2020): 285–308. <https://doi.org/10.1080/14494035.2020.1787628>.

Flew, Terry. "The Global Trust Deficit Disorder: A Communications Perspective on Trust in the Time of Global Pandemics." *Journal of Communication* 71, no. 2 (2021): 163–186. <https://doi.org/10.1093/joc/jqab006>.

Ghani, Tarek. "The Sting in COVID-19's Tail. For Poor Countries, What Comes Next Could Be Worse." *Foreign Affairs*. 2021, January 26.

Gonda, Noémi, Córdova, José Pablo Prado, Huybrechts, Frédéric, Gert, T. Van Hecken. "Exploring the Love Triangle of Authoritarianism, Populism, and COVID-19 Through Political Ecology: Time for a Break-Up?" *Frontiers in Human Dynamics*, no. 4 (2022). <https://doi.org/10.3389/fhumd.2022.653990>.

Haefele, Edwin T. *Representative Government and Environmental Management*. NY: RFF Press, 2011.

Horton, Richard. *The COVID-19 Catastrophe: What's Gone Wrong and How to Stop It Happening Again*. John Wiley & Sons, 2020.

Lee, Christopher T., Frieden, Tom. "Why Even Well-Prepared Countries Failed the Pandemic Test. Bad Politics Can Undermine Good Public Health". *Foreign Affairs* 100, no. 2 (2021).

Lieven, Anatol. *Climate Change and the Nation State: The Case for Nationalism in a Warming World*. Oxford: Oxford University Press, 2020.

Mehta, Lyla, Parthasaraty, D., Pickard, Justin, and Shilpi Srivastava. "The Political Ecology of COVID-19 and Compounded Uncertainties in Marginal Environments." *Frontiers in Human Dynamics*, no. 4 (2022). <https://doi.org/10.3389/fhumd.2022.840942>.

Pantucci, Raffaello. "Mapping the One-Year Impact of COVID-19 on Violent Extremism." *Counter Terrorist Trends and Analyses* 13, no. 2 (2021):1–9.

Waeterloos, C., De Meulenaere, J., Walrave, M., and Ponnet, K. "Tackling COVID-19 from Below: Civic Participation Among Online Neighborhood Network Users During the COVID-19 Pandemic." *Online Information Review* 45, no. 4. (2021): 777–794. <https://doi.org/10.1108/OIR-08-2020-0379>.

Sareen, Siddharth, Nielsen, Kenneth Bo, Oskarsson, Patrik, and Devyn Remme. "The Pandemic as a Rupture that Follows Rules: Comparing Governance Responses in India, USA, Sweden and Norway." *Frontiers in Human Dynamics*, no. 3 (2021). <https://doi.org/10.3389/fhumd.2021.636422>.

Weldon, Isaac, Hoffman, J. Steven. "Bridging the Commitment-Compliance Gap in Global Health Politics: Lessons from International Relations for the Global Action Plan on Antimicrobial Resistance." *Global Public Health* 16, no. 1 (2021): 60–74. <https://doi.org/10.1080/17441692.2020.1788623>.

Сведения об авторе

Елена Ивановна Буркова,

к. полит.н., старший научный сотрудник Центра проблем развития и модернизации Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО РАН)

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная 23
e-mail: lenchen007@rambler.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 1 ноября 2023.

Переработана: 24 декабря 2023.

Принята к публикации: 25 декабря 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Буркова, Е.И. Пандемия COVID-19 в контексте эколого-политического дискурса: государство, гражданское общество, проблемы развития // *Международная аналитика*. 2023.

Том 14 (4). С. 107–119.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-107-119>

The COVID-19 Pandemic Through the Environmental Discourse: the State, Civil Society, the Problems of Development

ABSTRACT

This paper examines the response of political communities to the COVID-19 pandemic. Using methodological approaches such as political globalism, world-system and structural-functional analysis, the author examines the political conditions of nation-states for coping with the pandemic and its consequences. Within this framework, the problem of the systemic crisis of the modern state, the effectiveness of public administration and decision-making systems was also addressed.

The focus was on issues of political development, considered in the context of the evolution of democracy, civic political participation, the role of non-governmental organisations and elites, and the relationship between values and goals in the global and national political agenda. The article also touches upon the problem of “infodemics.” The paper concludes with recommendations for adding an environmental component to the concept of national security.

KEYWORDS

pandemic, the state, civil society, sustainable development, environmental security, models of state confrontation to the COVID-19 Pandemic

Author

Elena I. Burkova,

PhD, Senior Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997
e-mail: lenchen007@rambler.ru

Additional information

Received: 1 November 2023. Revised: 24 December 2023. Accepted 25 December 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Burkova, Elena I. “The COVID-19 Pandemic Through the Environmental Discourse: the State, Civil Society, the Problems of Development.”
Journal of International Analytics 14, no. 4 (2023): 107–119.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-107-119>

Пандемия коронавируса в Грузии: между церковью и вакцинацией

Сергей Борисович Манышев, ИМЭМО РАН,
Москва, Россия

Контактный адрес: msergey1990@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам профилактики новой коронавирусной инфекции в Грузии в период пандемии и влиянию на них религиозных суждений Грузинской православной церкви. В статье на основе данных из открытых источников приводится описание состояния системы здравоохранения в Грузии во время пандемии новой коронавирусной инфекции. Проведен ретроспективный анализ реформирования системы здравоохранения страны в постсоветский период, проливающий свет на ее готовность к значительным вызовам, в том числе к пандемии. Благодаря этому становятся ясны причины недоверия населения к государственной системе здравоохранения в целом и предлагаемым ею мерам профилактики в виде вакцинации в частности. Большое внимание уделено взаимоотношениям государства и церкви, а также их отношению к вопросам профилактики инфекции путем вакцинации и их влиянию на общественное мнение. Проанализирован комплекс мер, предпринятых правительством, по локализации очагов инфекции, направленных на предупреждение ее дальнейшего распространения. На фоне описания отношения духовенства к пандемии коронавируса в других странах продемонстрированы как основная позиция Грузинской православной церкви в отношении заболевания и превентивных мер, так и взгляды отдельных иерархов, не всегда совпадающие с официальным мнением Синода. Кроме того, автором проиллюстрирована история протестного движения в Грузии в период пандемии, связанного с политикой государства в отношении мероприятий по профилактике новой коронавирусной инфекции. Отдельно приведены сведения из полевого материала автора, полученные от информантов в период пандемии, демонстрирующие разные взгляды на вопросы соблюдения религиозных обрядов в период пандемии, доверия к системе здравоохранения в целом и вакцинации как мере профилактики, поддерживаемой государством. В заключении сделаны выводы о вопросах, поставленных пандемией коронавирусной инфекции перед правительством Грузии, таких как доступность и качество оказания медицинской помощи, а также взаимодействие институтов светского государства и Грузинской православной церкви.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

*Грузия, пандемия, коронавирус, система здравоохранения,
Грузинская православная церковь, вакцинация*

Пандемия коронавируса, начавшаяся в Китае в конце 2019 г., стала большой неожиданностью для всех стран мира. Поскольку первоначально о самом вирусе, путях его передачи, патогенезе и первых симптомах заболевания было известно критически мало, многие страны относились к новой инфекции совершенно по-разному – от абсолютного отрицания болезни как таковой и полного бездействия до внесения существенных изменений в самые разнообразные сферы жизни общества: было прекращено международное авиасообщение, приостановлена работа предприятий общественного питания и других секторов, которые не были связаны с жизненной необходимостью. Целый ряд организаций, включая образовательные учреждения, был переведен в режим удаленной работы. Был введен запрет на проведение массовых мероприятий, которые невозможно было перевести в онлайн-формат, а в ряде стран действовало ограничение на неформальные собрания, был установлен комендантский час вплоть до полного запрета пребывания вне строго очерченного радиуса места проживания. Согласно данным Всемирной организации здравоохранения, только за первый год пандемии в мире было зарегистрировано более 1,8 млн случаев смерти от коронавирусной инфекции и произошло еще около 1,2 млн незарегистрированных смертей, якобы вызванных ею¹.

Пандемия в странах Южного Кавказа уже становилась предметом специальных исследований. Ученые рассматривали общие закономерности и тенденции развития государств региона², особенности качества медицинской помощи в стационарах в условиях пандемии³, касались узкоспециальных вопросов, связанных с корреляцией групп крови и тяжестью переносимой инфекции⁴, рассматривали вопросы эффективности государственной политики в области здравоохранения в экстремальных условиях⁵, отчасти затрагивали влияние пандемии на социальную напряженность в Грузии⁶. При этом пока еще в исследованиях не представлено материалов, обобщающих влияние Грузинской православной церкви на те процессы, которые происходили в стране в период пандемии.

В ходе исследования в июне 2021 г. и апреле – мае 2022 г. в Тбилиси автором было проведено 25 полуструктурированных глубинных интервью (17 женщин, 8 мужчин). Все информанты имели высшее образование, при этом все они позиционировали себя как верующие. Их возраст варьировался от 23 до 58 лет. Замечу также, что влияние церкви на ход вакцинации и антиковидные выступления являлось лишь одним из целого ряда вопросов, посвященных особенностям развития пандемии в Грузии в целом. Стоит также упомянуть о некоторой нерепрезентативности выборки, так как в числе информантов не было представителей клира Грузинской православной церкви.

1 Число умерших от COVID-19 в мире может быть в два-три раза выше официальной цифры // Организация объединенных наций. 21 мая 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2021/05/1403362> (дата обращения: 30.09.2023).

2 Искандарян, Микаелян 2020.

3 Бараташвили et al. 2020.

4 Ratiani et al. 2022.

5 Чантуридзе 2020; Gorgiladze, Sachaleli 2021.

6 Маньшев 2022, 135–137.

Коронавирус в Грузии

Первый случай заболевания коронавирусом был диагностирован в Грузии 26 февраля 2020 года. После этого было остановлено авиасообщение с Ираном, Китаем и Италией, где наблюдался наиболее высокий уровень заболеваемости. Также для пассажирского транспорта были полностью закрыты сухопутные границы страны. Это было достаточно тяжелым решением, так как экономика Грузии наиболее зависима от туристической сферы. Главной задачей, которая ставилась органами здравоохранения на первом этапе, стало отслеживание цепочек заболеваний¹.

Под руководством премьер-министра был создан Межправительственный координационный совет по борьбе с пандемией для принятия решений, связанных с распространением коронавируса. В частности, были закрыты образовательные учреждения, а 21 марта 2020 г. правительство ввело в стране чрезвычайное положение, предусматривавшее различные ограничения для граждан: запрет на воздушные и сухопутные перевозки и проведение многолюдных мероприятий. Спустя еще 10 дней по всей стране был объявлен комендантский час, на нарушителей которого налагались крупные штрафы, а для «рецидивистов» предусматривалось тюремное заключение². Кроме того, были введены дополнительные ограничительные меры: был остановлен общественный транспорт, введено предельно допустимое число лиц, которые могли находиться в частном автотранспорте. Как полагают информанты, несмотря на всю тяжесть введенных ограничений, прежде всего психологическую, подобные суровые меры, казавшиеся чрезмерными, сыграли положительную роль в минимизации контактов и сдерживании распространения коронавируса в стране³.

Параллельно с этими мероприятиями шла и сугубо медицинская работа: перепрофилирование коек стационаров для лечения *COVID-19*, а также выработка неких медицинских мер инфекционистами и эпидемиологами⁴.

Локдаун, введенный весной 2020 г., а также повсеместное ношение медицинских масок в общественных местах, дали свои результаты и получили первоначальное одобрение со стороны населения. Однако очень скоро грузинская оппозиция стала требовать отмены всех введенных ограничений. Это вылилось в проведение акций протеста во время комендантского часа. Главным доводом в данном случае выступали экономические соображения – закрытие торговых центров, которое якобы должно было отсрочить коллапс системы здравоохранения, привело к тому, что большинство граждан лишилось заработка⁵. И действительно, вопросы экономического характера играли в странах Южного Кавказа важную роль, так как на чашах весов оказались с одной стороны – экономическое благополучие, а с другой – человеческие жизни⁶.

1 Чантуридзе 2020, 78.

2 В Грузии введут комендантский час из-за коронавируса // РБК. 7 ноября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/society/07/11/2020/5fa672cb9a7947726e710a5a> (дата обращения: 30.09.2023).

3 Полевой материал автора (далее – ПМА). Тбилиси, апрель 2022 г.

4 Чантуридзе 2020, 80–81.

5 Чарквиани, Н. В Грузии протестуют против коронавирусных ограничений // Голос Америки (СМИ внесено в реестр иностранных агентов). 20.01.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosameriki.com/a/georgia-covid-protests/5753776.html> (дата обращения: 30.09.2023).

6 Искандарян, Микаелян 2020, 99.

Нужно отметить, что по сравнению с Арменией и Азербайджаном Грузии удалось в короткие сроки принять достаточно эффективные меры по локализации пандемии, что в свою очередь позволило перейти к следующему этапу, связанному с вакцинацией.

Вакцинации в Грузии

Кампания по вакцинации стартовала в Грузии 15 марта 2021 года. На первом этапе она должна была охватить всех работников системы здравоохранения. Однако они не проявили энтузиазма, и за первые четыре месяца на иммунизацию записались всего лишь 3500 человек. Вакцинация в Грузии проводилась препаратами, произведенными в Западной Европе, США и Китае¹. От закупки российских препаратов правительство отказалось по политическим мотивам.

Нельзя назвать вакцинацию в Грузии провальной, однако к началу 2022 г. охват вакцинацией составлял 35% населения страны². И в данном случае правительство всячески пыталось поощрять иммунизацию: была запущена активная пропаганда в СМИ и социальных сетях.

Процесс вакцинации во многом расколол грузинское общество. Часть непримиримых сторонников вакцинации считала, что несмотря ни на что необходимо вакцинироваться: «Прививаться надо. Я верующий человек. Но я понимаю, что никакими молитвами эту заразу не победить. Иначе как я могу быть уверен, что я не заболел? А если я “корону” принесу домой к моим родителям? Они очень пожилые люди, я не хочу, чтобы они заболели или умерли. Но я боюсь их прививать: а вдруг с вакциной действительно что-то не то?»³. В этих словах информанта заключены все противоречия, которые так или иначе возникали в грузинском обществе. Согласно статистическим данным, в феврале-марте 2021 г. лишь 28,8% опрошенных были готовы вакцинироваться⁴.

Это связано с целым рядом факторов. Отказ от вакцинации – достаточно распространенная в мире практика. Часто он связан со страхом перед последствиями, которые могут возникнуть в результате иммунизации, или же сигнализирует о недоверии к системе здравоохранения в целом. Один из информантов, человек с высшим образованием, совершенно серьезно считал, что путем вакцинации от коронавируса в него будет помещено некое микроскопическое устройство, которое поможет правительству следить за всеми его перемещениями⁵. Все эти факторы в той или иной степени сказались на отказе от вакцинации большого числа жителей Грузии.

Постсоветское здравоохранение Грузии: реформы и недоверие населения

Распад Советского Союза привел в числе прочего и к краху системы здравоохранения, Грузия не могла поддерживать существовавшую инфраструктуру,

1 Gorgiladze, Sachaleli 2021, 149.

2 Aladashvili et al. 2022, 2.

3 ПМА. Тбилиси, май 2022 г.

4 37,5% противников вакцинации в Грузии боятся бесплодия или смерти // JAM-News. 16.09.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://jam-news.net/ru/375-противников-вакцинации-в-грузии-боя/> (дата обращения: 30.09.2023).

5 ПМА. Тбилиси, апрель 2022 г.

что потребовало ее реформирования. На первом этапе государство попыталось распределить ответственность за оказание медицинской помощи населению, возложив часть обязанностей на региональные власти, которые не имели ресурсов для решения поставленных задач¹. Тогда же была воссоздана система социального страхования, согласно которой покрывались расходы на базовый пакет медицинских услуг. Этот этап реформы завершился в 2004 г., когда правительство выступило с инициативой реализации частного медицинского страхования и приватизации государственных учреждений здравоохранения. Этот период характеризовался возвращением к централизации управления медициной: правительство брало на себя обязательства по составлению бюджета отрасли и регулированию закупок медицинских услуг. Результатом этого этапа реформы в Грузии стала массовая приватизация сектора здравоохранения, в результате которой к 2010 г. почти все государственные медицинские учреждения были переданы в частные руки. Кроме того, в этот период в стране была введена специальная программа медицинского страхования, согласно которой правительство обеспечивало медицинскими услугами граждан, находящихся за чертой бедности, вынужденных переселенцев, сирот, учителей². Таким образом, к 2012 г. 38% населения было застраховано государством, чуть более 8% пользовались частными страховыми услугами, а 54% остались без какой-либо медицинской страховки вовсе.

Подобное положение дел привело к тому, что в 2013 г. был начат новый этап реформирования сферы здравоохранения. Правительством была предложена государственная программа «Здоровье для всех», предусматривавшая на первом этапе оказание неотложной амбулаторно-поликлинической и стационарной помощи, а также плановой амбулаторно-поликлинической помощи, а затем и ряда других медицинских услуг за счет средств, субсидируемых государством.

Однако, помимо дороговизны частных медицинских услуг, в здравоохранении Грузии существуют проблемы и иного рода. Они связаны прежде всего с качеством подготовки медицинских работников и общими проблемами медицинского образования в стране³. Большинство информантов придерживается не самого высокого мнения о нынешних выпускниках медицинских вузов Грузии, отмечая, что предпочитают лечиться у знакомых врачей, которые получали образование еще в советский период⁴.

Таким образом, в течение первых постсоветских десятилетий на смену государственной страховой медицине пришла медицина частная, при которой каждый пациент должен оплачивать все медицинские манипуляции и услуги в полном объеме без субсидирования государства. Это повлекло за собой снижение доступности медицинской помощи, рост заболеваемости и смертности⁵. Эти факторы привели к тому, что население стало с большим недоверием относиться к системе здравоохранения в целом, что не могло не отразиться отрицательно на восприятии поддерживаемой государством вакцинации от коронавируса. Так,

1 Gamkrelidze et al. 2022, 2.

2 Chanturidze et al. 2009, 18–19.

3 Ruadze et al. 2021, 6.

4 ПМА. Тбилиси, апрель 2022 г.

5 Balabanova et al. 2004.

один из информантов прямо заявлял, что «не знает, из чего сделана эта вакцина, как и где она хранилась», а также «не доверяет врачам вообще, так как они только и пытаются как можно больше заработать»¹.

Религия и пандемия: мировые тренды

Мировые религиозные организации в той или иной степени выразили свое отношение к предпринимаемым беспрецедентным мерам, связанным с пандемией коронавируса. Среди верующих и священников разгорелись дебаты о возможности присутствия мирян на богослужениях. Уже 22 марта Вселенский Патриарх Варфоломей провел службу в пустом храме, призвав всех православных соблюдать требования по изоляции, действовать совместно с органами здравоохранения.

Среди православных стран лишь Грузия и Болгария разрешили присутствие верующих на пасхальной службе. Представители церквей других стран ограничились рассылкой верующим посланий, в которых напрямую касались сложной ситуации и призывали соблюдать все необходимые карантинные мероприятия².

Патриарх Московский Кирилл также рекомендовал верующим воздержаться от посещения храмов, но такая позиция показалась некоторым гражданам неприемлемой: они не были готовы к использованию цифровых технологий для проведения служб. Не была готова к подобному и часть духовенства, которая попыталась выразить свое несогласие с Московской Патриархией³.

Главный спор православных священнослужителей развернулся вокруг процедуры причастия, проводимой с использованием одной ложки, которая стала рассматриваться как потенциально опасная с точки зрения распространения инфекции. Так, Русская православная церковь рекомендовала для этих целей одноразовые столовые приборы. Румынская церковь советовала прихожанам использовать для причастия свою собственную ложку. Однако, как отмечали эксперты, многие священнослужители достаточно халатно относились к подобным рекомендациям и повсеместно не исполняли их.

Нужно заметить, что Верховное духовное управление мусульман Грузии решило отказаться от проведения молитв и иных коллективных мероприятий в мечетях, придерживаясь рекомендаций эпидемиологов. При этом во время акций протеста в Марнеули, связанных со строгими карантинными мероприятиями, М. Асадов, глава мусульман страны, был вызван в Службу госбезопасности для допроса, так как в одном из интервью отметил, что «Грузия не теократическая страна, а секулярное государство, и разделение на “нас и других” неправильно». Этой репликой он выразил свое отношение к решению властей не закрывать церкви во время праздника Пасхи⁴.

1 ПМА. Тбилиси, июнь 2021 г.

2 Mărginean 2020, 174–180.

3 Мчедлова, Казаринова 2021, 157–158.

4 ЕМС: мусульманский священнослужитель был вызван для допроса в СГБ по делу предполагаемого саботажа // Civil Georgia. 17 апреля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://civil.ge/ru/archives/347296> (дата обращения: 30.09.2023).

Роль Церкви в грузинском обществе

На протяжении всего постсоветского периода Грузинская православная церковь занимает важное место в политическом ландшафте государства. Ее особый статус был закреплен в Конституции Грузии, согласно которой, с одной стороны, декларируется свобода вероисповедания, а с другой – провозглашается особая роль Грузинской апостольской автокефальной православной церкви. Более детально принципы взаимодействия государства и церкви были прописаны в Конституционном соглашении 2002 года. Согласно этому документу, Грузинская православная церковь получила привилегированный статус перед другими религиозными организациями, так как государство гарантировало ряд преференций ее служителям (например, освобождение от призыва в армию, освобождение от налогов церковного имущества, признание выходными днями 12 великих праздников)¹. Вместе с тем, как показывают проводившиеся в постсоветский период социологические исследования, при абсолютном недоверии к основным органам государственной власти именно Церковь пользовалась наибольшим доверием и популярностью, а сам Патриарх имел авторитет выше, чем кто-либо из членов правительства Грузии². Как показывали опросы 2019 г., 50% респондентов поддерживали деятельность церкви, при этом уровень поддержки правительства составлял лишь 30%, а парламента – 9%.

Именно Церковь и ее иерархи являются проводниками того, что можно назвать традиционализмом и национализмом, которые ориентируют последователей на достаточно архаичные ценности и выступают против некоего «европейского» пути и процесса глобализации, подчеркивая особую роль Церкви в истории грузинской государственности³.

Подобный подход, несомненно, находит своих последователей, так как уровень религиозности населения страны чрезвычайно высок. Как показывают социологические исследования постсоветского периода, почти 95% респондентов считают себя людьми верующими, а около 10% опрошенных наиболее строго выполняют религиозные предписания и обряды, среди которых главное место занимает посещение церковной службы. И именно Церковь и ее иерархи рассматриваются в качестве важнейшего института, влияющего на формирование личности⁴.

Грузинская Церковь и пандемия

Уже 20 марта 2020 г. Синод в своем заседании затронул вопросы, связанные с пандемией. Основной фокус зрения иерархов был направлен на эсхатологические причины коронавируса, которые связаны с «отделением человека от Бога». При этом отмечалось, что все таинства Церкви являются сферой Святого Духа, соответственно, нет необходимости как-либо видоизменять церковные правила. Все богослужения должны совершаться в соответствии с уставом, при этом отмечалось, что прихожанам, находящимся в «группах риска», священнослужи-

1 Фолосян, Николаев 2016, 121.

2 См. некоторые наблюдения на этот счет: Чедия 2009, 191–198.

3 Кирчанов 2014, 98.

4 Нижарадзе et al. 2004, 106–107.

тели смогут проводить обряды на местах. Было указано, что обряд причастия из одной ложки и совершение коллективной молитвы в храме останутся неизменными. При этом, как ни парадоксально, Синод призывал «учитывать рекомендации государства и врачей и беречь здоровье и жизнь друг друга»¹.

Церковь предпринимала и ряд противоэпидемических мер, рекомендовав священникам проводить службу на свежем воздухе, где это было возможно, проведя разметку в помещениях для сохранения дистанции между прихожанами, кроме того, священникам было рекомендовано распределить прихожан по разным дням недели, чтобы не допустить их скопления в церквях. При таких, казалось бы, разумных мерах, Патриархия достаточно жестко обозначила свою позицию в дискуссии о возможном закрытии храмов, настаивая на том, что количество прихожан в церквях гораздо меньше, чем в общественном транспорте или продовольственных магазинах².

Стоит заметить, что некоторая часть священнослужителей и богословов выступила с критикой Синода, отмечая, что ограничение посещения церковных служб или же изменение обряда причастия никак не могут сказаться на интересах верующих, а подобные заявления вводят в противоречие религиозные каноны и закон, который призван защитить государственные интересы³.

Отдельные священнослужители высказывали достаточно экзотические взгляды на коронавирус и его природу. Например, митрополит Ахалкалаки и Курмурдо Николоз заявлял, что вино для причастия обладает антисептическим действием, а для победы над инфекцией необходимо дважды в день окроплять свой дом святой водой⁴. Другие прямо заявляли, что визит в церковь может излечить от любого заболевания⁵. Но если подобные мнения лежат в логике религиозного мышления, то были и иные точки зрения среди грузинских священнослужителей. Так, митрополит Урбнисский и Руисский Иов отмечал, что коронавирус – это искусственно созданная эпидемия, которая ничем не отличается от обычного гриппа. Он считал, что обстановка в стране и мире нагнетается средствами массовой информации, и это своеобразная диверсия против веры⁶.

Часть информантов продолжала посещать службу, считая угрозой распространения вируса надуманной, другие же отмечали, что «остаться дома – это гораздо важнее. Да, я уважаю нашу Церковь, но, мне кажется, в этом случае она была неправа. Необходимо было объяснить всем нам, что если мы не придем в храм, то наша вера не пострадает»⁷.

- ¹ «წმინდა სინოდის ოქმი (Minutes of the Holy Synod),” Patriarchate of Georgia, March 20, 2020, accessed September 30, 2023, <https://patriarchate.ge/news/2591>.
- ² “საქართველოს საპატრიარქოს განცხადება (Statement of the Patriarchate of Georgia),” Patriarchate of Georgia, March 25, 2020, accessed September 30, 2023, <https://patriarchate.ge/news/2593>.
- ³ Vaska Matithaishvili, “მღვდლები და თეოლოგები საპატრიარქოს განცხადებას ერთობლივი წერილით ეხმაურებიან (Priests and Theologians Respond to the Statement of the Patriarchate with a Joint Letter),” Publika, March 25, 2020, accessed September 30, 2023, <https://publika.ge/mghvdlebi-da-teologebi-sapatriarqos-ganckhadebas-ertoblivi-werilit-ekhmaurebian/>.
- ⁴ “მეუფე ნიკოლოზი: ღვინო, რითიც ვუზიარებით, არის ანტისეპტიკი (Reverend Nikoloz: The Wine We Share is an Antiseptic),” Tabula, March 1, 2020, accessed September 30, 2023, <https://tabula.ge/ge/news/640915-meupe-nikoloz-i-ghvino-ritits-veziarebit-aris>.
- ⁵ “მეუფე დანიელი: როცა ადამიანი ავადა და არ იცის, თუ მოვა ეკლესიაში, ის განიკურნება (Reverend Daniel: When a Person is Sick and does not Know, if He Comes to the Church, He will Be Healed),” Tabula, March 7, 2020, accessed September 30, 2023, <https://tabula.ge/ge/news/643690-meupe-danieli-rotsa-adamiani-avadaa-ar-itsis-tu>.
- ⁶ “მეუფე იობი: ხელოვნურად თავსმოხვეული ეპიდემიაა, ქრისტიანებს გარდაცვალება არ გვაშინებს (Reverend Job: It is an Artificially Induced Epidemic, Christians are not Afraid of Death),” Tabula, March 31, 2020, accessed September 30, 2023, <https://tabula.ge/ge/news/643183-meupe-iobi-khelovnurad-tavsmokhveuli-epidemiaa>.
- ⁷ ПМА. Тбилиси, июнь 2021 г.

Своеобразным водоразделом стало проведение пасхальной службы, так как незадолго до этого в стране было введено чрезвычайное положение, которое накладывало ограничения в том числе и на религиозные собрания. Несмотря на это, богослужения в храмах продолжались, как и прежде, что в целом продемонстрировало независимость Церкви от директив государства. Митрополит Иов в преддверии празднования Пасхи призывал прихожан прислушаться к Патриарху, а не к «неверующему правительству и врачам». Он говорил о том, что вирус не представляет никакой опасности, а многие переносят его бессимптомно и вылечиваются¹.

Большинство представителей государственной власти, в том числе и премьер-министр Г. Гахария, заявили о том, что не планируют посещения церкви и будут наблюдать за службой по телевизору². Несмотря на введенный запрет, Грузинской церкви удалось достигнуть с правительством соглашения, согласно которому священнослужители могли свободно передвигаться по городам для проведения церковной службы³. Причем для соблюдения комендантского часа прихожане оставались в церкви с 9 часов вечера до 6 часов утра.

Эти события достаточно ярко подсветили не до конца ясные взаимоотношения государства и Церкви и возможность закулисных переговоров. На протяжении всего постсоветского времени именно поддержка Церковью или ее отдельными иерархами тех или иных политических сил в Грузии дает возможность получить голоса избирателей. Поэтому правящая партия «Грузинская мечта» старалась не вступать в конфронтацию при этом пытаясь избежать обвинений в нарушении принципа светскости государства.

Впрочем, нарушение режима чрезвычайного положения в ходе пасхальной службы, согласно официальной статистике, не внесло существенных изменений в число заболевших и умерших от коронавирусной инфекции: если к 19 апреля 2020 г. их число равнялось 394 заразившимся и 4 умершим, то через две недели (а именно таков инкубационный период) эти показатели составили 582 и 8 соответственно⁴.

Церковь, вакцинация и протесты

Грузинская православная церковь заняла однозначную позицию относительно вакцинации. Синод заявил в начале февраля 2021 г., что приветствует отказ правительства от обязательной (принудительной) иммунизации, так как среди специалистов в области здравоохранения по этому вопросу нет единства и существуют разные мнения. Кроме того, Церковь отказалась как-либо пропагандировать вакцинацию среди своих прихожан, ссылаясь на то, что этот

1 "მიტროპოლიტი იობი: საგანგებო მდგომარეობა მასონური გადაწყვეტილებაა (Metropolitan Job: The State of Emergency is a Masonic Decision)," Tabula, March 15, 2020, accessed September 30, 2023, <https://tabula.ge/ge/news/644305-mitropoliti-iobi-sagangebo-mdgomareoba-masonuri>.

2 "Georgian Orthodox Church Remains Unyielding as Easter Celebrations Approach," OC Media, April 9, 2020, accessed September 30, 2023, <https://oc-media.org/georgian-orthodox-church-remains-unyielding-as-easter-celebrations-approach/>.

3 "საქართველოს საპატრიარქოს განცხადება (Statement of the Patriarchate of Georgia)," Patriarchate of Georgia, April 17, 2020, accessed September 30, 2023, <https://patriarchate.ge/news/2600>.

4 Статистика развития пандемии коронавируса Covid-19 в Грузии // Коронавирус-монитор. [Электронный ресурс]. URL: <https://coronavirus-monitor.info/country/georgia/> (дата обращения: 20.12.2023).

вопрос находится в компетенции медицинских работников¹. При этом, как отмечают информанты, ссылки на «некомпетентность» церковнослужителей не мешали им в своих проповедях и частных беседах агитировать прихожан против вакцинации².

Несмотря на то что большинство населения страны было готово идти на ущемление части своих прав для борьбы с распространением коронавируса, другая его часть стала активно выступать против подобного вмешательства.

Именно на этой волне в 2021 г. в Тбилиси проходила череда акций протеста против вакцинации. Первоначально ее участники выступали против скрытого принуждения к вакцинации. А на проходивших в декабре того же года митингах демонстранты требовали отмены решения о введении «зеленых паспортов» для посещения общественных пространств. Обладателями таких документов становились те, кто прошел полный курс вакцинации, либо сдавшие ПЦР-тест, но у них «паспорт» действовал лишь в течение последующих 72 часов³.

Заключение

Пандемия коронавируса поставила перед правительством Грузии целый ряд важных вопросов. С одной стороны, это качество оказываемой в стране медицинской помощи и ее доступность. Как показывают исследования в области здравоохранения, на протяжении всего постсоветского периода в стране не удалось выработать эффективной системы оказания медицинской помощи, которая могла бы охватить все слои населения.

С другой стороны, чрезвычайно сложным вопросом остается взаимодействие Грузинской православной церкви и институтов государства. Несмотря на то что Грузия, согласно Конституции, является светским государством, очевидно, что чрезвычайно высокая роль Церкви и ее иерархов в обществе является своеобразным тормозом на пути демократического развития страны. Это достаточно ярко демонстрирует фактическое игнорирование священнослужителями мер, принимавшихся для локализации пандемии в течение 2020–2021 годов.

1 "Georgian Orthodox Church on COVID-19 Vaccination," Civil Georgia, February 13, 2021, accessed September 30, 2023, <https://civil.ge/archives/397393>.

2 ПМА. Тбилиси, апрель 2022 г.

3 Противники ковид-паспортов вышли на митинг в Тбилиси // ТАСС. 12 декабря 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/13179723> (дата обращения: 30.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бараташвили, З.З., Казахашвили, Н.А., Герзмава, О.Х. Проблемы мониторинга качества работы стационаров Грузии в условиях пандемии COVID-19 // *Georgian Medical News*. 2020. № 7–8. С. 163–169.
- Baratashvili, Zurab Z., Kazakhashvili, Nata A., and Otar K. Gerzmava "Problems of Monitoring the Quality of Hospitals in Georgia in the Context of the COVID-19 Pandemic." *Georgian Medical News*, no. 7–8 (2020): 163–169 [In Russian].
- Искандарян, А.М., Микаелян, Г.Г. Южный Кавказ: глокализация пандемии // Международная аналитика. 2020. Т. 11. № 1. С. 97–113. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-1-97-113>.
- Iskandaryan, Alexander M., and Hrnt H. Mikaelian "South Caucasus: Glocalization of the Pandemic." *Journal of International Analytics* 11, no. 1 (2020): 97–113 [In Russian].
- Кирчанов, М. Церковь в политической жизни современной Грузии: проблемы, противоречия, перспективы // Кавказ & глобализация. 2014. Т. 8. Вып. 1–2. С. 94–100.
- Kirchanov, Maxim. "The Church in Georgia's Political Life: Problems, Contradictions, and Prospects." *The Caucasus & Globalization* 8, no. 1–2 (2014): 94–100 [In Russian].
- Манышев, С.Б. Пандемия коронавируса на Южном Кавказе: социальный аспект // Россия и новые государства Евразии. 2022. № 4. С. 132–141. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2022-4-132-141>.
- Manyshev, Sergey B. "Coronavirus Pandemic in the South Caucasus: Social Aspect." *Russia and New States of Eurasia*, no. 4 (2022): 132–141 [In Russian].
- Мchedлова, М.М., Казаринова, Д.Б. Вызовы пандемии COVID-19 и религия: онтология vs политика // Полис. Политические исследования. 2021. № 4. С. 148–162. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.04.11>.
- Mchedlova, Maria M., and Daria B. Kazarinova. "COVID-19 Pandemic Challenge and Religion: Ontology vs Politics." *Polis. Political Studies*, no. 4 (2021): 148–162 [In Russian].
- Нижарадзе, Г., Джгеренаиа, Э., Кочкачишвили, Я., Мшвидобадзе, Р., Хуцишвили, Г. Городское население Грузии о вопросах, связанных с религией. Результаты социологического исследования // Роль православия в государствах и обществах Грузии и России: Материалы грузино-российской конференции. Тбилиси, 23–25 января 2004 г. Тбилиси: ФГБ, 2004. С. 104–121.
- Nizharadze, Giorgi, Dzhgerenaia, Emzar, Kochkachishvili, Yago, Mshvidobadze, Rusudan, and Giorgi Khutsishvili. "Gorodskoye naseleniye Gruzii o voprosakh, svyazannykh s religiyey. Rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya." In *Rol' pravoslavliya v gosudarstva i obshchestvakh Gruzii i Rossii: Materialy gruzino-rossiyskoy konferentsii*. Tbilisi, 23–25.01.2004, 104–121. Tbilisi: FGB, 2004 [In Russian].
- Фолюсян, М.Э., Николаев, А.М. Законодательство Грузии о свободе совести и вероисповедания: традиции и новшества // Современное право. 2016. № 6. С. 121–126.
- Foliosyan, Martiros, and Andrei Nikolaev. "Legislation of Georgia on Freedom of Conscience and Religion: Tradition and Innovation." *Sovremennoe pravo*, no. 6 (2016): 121–126 [In Russian].
- Чантуридзе, Л. COVID-19: как с ним боролись в Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2020. Т. 23. № 3. С. 77–86. <https://doi.org/10.37178/ca-c.20.3.07>.
- Chanturidze, Lasha "COVID-19: How They Fought it in Georgia." *Central Asia the Caucasus* 23, no. 3 (2020): 77–86 [In Russian].
- Чедия, Б. Роль Грузинской Православной Церкви в современных политических процессах Грузии // Центральная Азия и Кавказ. 2009. № 4–5. С. 191–198.
- Chedia, Beka "The Role of the Georgian Orthodox Church in Modern Political Processes in Georgia." *Central Asia the Caucasus*, no. 4–5 (2009): 191–198 [In Russian].
- Аладашвили, Giorgi, Nebieridze, Anano, Pkhakadze, Giorgi, and Ilia Nadareishvili. "Recognizing Vaccine Wastage in Georgia." *Public Health Challenges*, no. 4 (2022): 1–4. <https://doi.org/10.1002/puh2.46>.
- Balabanova, Dina, McKee, Martin, Pomerleau, Joceline, Rose, Richard, and Christian Haerpf. "Health Service Utilization in the Former Soviet Union: Evidence from Eight Countries." *Health Service Research*, no. 39 (2004): 1927–1950. <https://doi:10.1111/j.1475-6773.2004.00326.x>.
- Chanturidze, Tata, Ugulava, Tako, Durán, Antonio, Ensor, Tim, and Erica Richardson. *Georgia. Health System Review*. Copenhagen: European Observatory on Health System and Policies, 2009.
- Gamkrelidze, Amiran, Atun, Rifat, Gotsadze, George, and Laura MacLehose. *Health System in Transition: Georgia*. Copenhagen: European Observatory on Health Care Systems, 2002.
- Gorgiladze, Nino, and Nino Sachaleli. "Covid-19 Vaccination: Challenges and Outcomes of Georgian Healthcare System." *Georgian Medical News* 135 (2021): 141–152.
- Märginean, Emil M. "The Institutional Reaction of the Orthodox Churches Faced with the Initial Covid-19 Crisis." *International Journal of Orthodox Theology*, no. 4 (2020): 166–183.
- Ratiani, Levan, Sanikidze, Tamar, Ormotsadze, George, Pachkoria, Elena, and Giga Sordia. "Role of ABO Blood Groups in Susceptibility and Severity of COVID-19 in the Georgian Population." *Indian Journal of Critical Care Medicine* 26, no. 4 (2022): 487–490. <https://doi:10.5005/jp-journals-10071-24169>.
- Ruadze, Ekaterine, Cherkezishvili, Ekaterine, Roma, Elisa, Walsh, Kieran, Gabunia, Tamar, and Amiran Gamkrelidze. "Multistakeholder Perspectives on the Strengthening and Embedding of Mandatory Continuing Medical Education in Georgia: A Qualitative Study." *BMJ Open* 11 (2021). <https://doi:10.1136/bmjopen-2021-052686>.

Сведения об авторе

Сергей Борисович Манышев,

к.и.н., старший научный сотрудник Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН

117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23

e-mail: msergey1990@gmail.com

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 15 ноября 2023.

Переработана: 4 декабря 2023.

Принята к публикации: 7 декабря 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Манышев, С.Б. Пандемия коронавируса в Грузии: между церковью и вакцинацией // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (4). С. 120–132.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-120-132>

Coronavirus Pandemic in Georgia: Between Church and Vaccination

ABSTRACT

The article is devoted to the issues of preventing the novel coronavirus infection in Georgia during the pandemic and the influence of the religious judgments of the Georgian Orthodox Church on them. Based on data from open sources the article describes the state of the healthcare system in Georgia during the coronavirus pandemic. A retrospective analysis of the reform of the country's healthcare system in the post-Soviet period was performed, shedding light on its readiness for significant challenges, such as the pandemic. Thereby the reasons for the population's distrust of the public healthcare system in general and the preventive measures it offers in the form of vaccination become clear. Much attention is paid to the relationship between the state and the church, as well as their attitude to the issues of preventing infection through vaccination and influencing public opinion. A set of measures taken by the government to localize the infection, aimed at preventing its further spread, is analyzed. Against the background of a description of the attitude of the clergy to the coronavirus pandemic in other countries, both the main position of the Georgian Orthodox Church regarding the disease and preventive measures, as well as the views of individual hierarchs, which do not always coincide with the official opinion of the Synod, are demonstrated. In addition, the author illustrates the history of the protest movement in Georgia during the pandemic, associated with state policy regarding measures to prevent the novel coronavirus infection. Separately, information is presented from the author's field material obtained from informants during the pandemic, demonstrating different views on the issues of observance of religious rituals during the pandemic, trust in the healthcare system, and vaccination as a preventive measure supported by the state. In conclusion, the consequences about the issues posed by the coronavirus pandemic to the Georgian government are demonstrated, such as the availability and quality of medical care, as well as the interaction of the institutions of the secular state and the Georgian Orthodox Church.

KEYWORDS

Georgia, pandemic, coronavirus, health care system, Georgian Orthodox Church, vaccination

Author

Sergey B. Manyshev,

PhD (Hist.), Senior Research Fellow, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences
23, Profsoyuznaya street, Moscow, Russia, 117997

e-mail: msergey1990@gmail.com

Additional information

Received: November 15, 2023. Revised: December 4, 2023. Accepted: December 7, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Manyshev, Sergey B. "Coronavirus Pandemic in Georgia: Between Church and Vaccination."

Journal of International Analytics 14, no. 4 (2023): 120–132.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-120-132>

Экологическая повестка в современной морской политике Китая

Мария Евгеньевна Навдаева, Московский государственный
лингвистический университет,
Москва, Россия

Контактный адрес: navdayka6848@list.ru

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена выявлению места защиты морской экологии в современном политическом курсе КНР. В настоящее время океан обладает высокой значимостью для Китая с экономической, энергетической и ресурсной точек зрения. Однако выгоды, которые он приносит, существенно омрачаются экологическими угрозами, возникающими по мере постоянного увеличения антропогенной нагрузки. Загрязнение пластиком, отходами производства и углеводородами, незаконная деятельность, ведущая к истощению пищевых ресурсов, повышение окисления океана вследствие загрязнения воздуха, деградация прибрежной природной среды – это лишь часть вызовов, с которыми сегодня сталкивается Китай. Осознание важности океана для внутренней и внешней политики вынуждает государство принимать меры по его защите. В то же время, поскольку экологическая повестка в современных международных отношениях выступает и как инструмент давления, и как средство возвышения, она эффективно используется Китаем в борьбе за глобальное лидерство в сфере защиты окружающей среды и на мировой арене в целом. Используя экоповестку как мирное средство возвышения, КНР стремится трансформировать текущий глобальный порядок, показав себя при этом в качестве ответственного мирового лидера.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

экологическая повестка, морская политика Китая, защита природных ресурсов, загрязнение океана, экологические угрозы, деградация морской среды

Введение

В последние годы экологическая повестка заняла прочную позицию в мировой политике и международных отношениях, став не просто «модным направлением», но острой необходимостью дальнейшего развития человеческого общества. Это подкрепляется примером обращения к ней не только «зеленых» партий, но и тех, которые традиционно придавали небольшое значение вопросу защиты окружающей среды.

В то же время защита среды является не только ценностным ориентиром современного мира, но и инструментом борьбы за глобальное лидерство¹. Включиться в «гонку за чистую окружающую среду»² стремятся многие страны. Одним из главных лидеров экологической повестки, как отмечает В.А. Матвеев, является Китай, на который приходится один из наибольших процентов загрязнений в мире³. Экология стала одной из приоритетных тем в политическом дискурсе Си Цзиньпина, назвавшего ее защиту неотъемлемым компонентом модернизации в КНР⁴ и объявившего о необходимости создания «экологической цивилизации» (生态文明, *шэнтай вэньмин*)⁵, «морской экологической цивилизации» (海洋生态文明, *хайян шэнтай вэньмин*)⁶ и, наконец, «глобальной экологической цивилизации» (全球生态文明, *цюаньцю шэнтай вэньмин*). Эти идеологемы активно используются как во внутренней, так и во внешней политике для создания образа «ответственной державы» и обеспечения «мирного возвышения» в условиях роста силы и возможностей. «Ответственный подход», по мнению Китая, является неотъемлемой частью обязательств крупной державы по поддержанию порядка в международной системе⁷. Учитывая, что защита морской среды в 2013 г. была названа Си Цзиньпином одним из ключевых компонентов взятого в 2012 г. курса на построение морской державы⁸, это наводит на мысль об использовании ответственного подхода для завоевания одного из ведущих мест в глобальном лидерстве.

Среди экологических вызовов особенное внимание Китай уделяет проблеме загрязнения океана. Поскольку он представляет собой один из главных источников процветания, обеспечивающих экономическую, энергетическую, продовольственную безопасность государства, его защита становится приоритетным направлением морской политики КНР.

В китайской научно-академической среде проблематика защиты окружающей среды представлена достаточно широко. В том числе значительное внима-

1 Матвеев 2021.

2 У Китая есть шанс стать лидером глобальной экологической «гонки» // Новости ООН. 23 июля 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/07/1382531> (дата обращения: 15.11.2023).

3 Матвеев 2021.

4 «以建设海洋强国新作为推进中国式现代化 (Promote Chinese-Style Modernization with New Actions in Building a Sea Power),» Dangjian, accessed December 18, 2023, http://www.dangjian.com/shouye/zhuanti/zhuantiku/xuexiguancheershida/liluncanshiesd/202309/t20230922_6673079.shtml.

5 Chen et al. 2023.

6 «习近平：向海洋进军，加快建设海洋强国 (Xi Jinping: March towards the Ocean and Accelerate the Construction of a Maritime Power),» People.cn, 2022, accessed December 18, 2023, <http://politics.people.com.cn/n1/2022/0608/c1001-32441597.html>.

7 胡波：“全球海上多极格局与中国海军的崛起 (Hu Bo: Global Maritime Multipolarity and the Rise of the Chinese Navy),» Academy of Ocean of China, 2022, accessed December 18, 2023, https://aoc.ooc.edu.cn/_t719/2022/0623/c9821a373084/page.htm.

8 «习近平：要进一步关心海洋、认识海洋、经略海洋 (Xi Jinping: Care about the Ocean, Understand the Ocean, Manage the Ocean),» The State Council of the People's Republic of China, July 31, 2013, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/ldhd/2013-07/31/content_2459009.htm.

ние уделяется концепции «экологической цивилизации». Так, Вэнь Сюэюй отмечает, что ее создание является фундаментом для процесса модернизации и реализации мечты о великом возрождении китайской нации¹. Так как мечта о возрождении нацелена на увеличение политического влияния КНР в мире, вопрос защиты среды обретает роль политического инструмента. Это также подчеркивается в работе Чэнь Хунминя, Ли Циня и Бао Цунькуаня, которые указывают, что «экологическая цивилизация» способствует созданию «сообщества единой судьбы»², а также в статье Чэнь Цзе, Ло Сяньюя и Хуан Дэнляна, отмечающих, что «морская экологическая цивилизация» играет важную роль в построении «глобальной морской экологической цивилизации», внося в нее китайскую мудрость³.

Также рассматривается понятие экологической дипломатии, являющейся еще одним средством расширения участия Китая в глобальном экологическом управлении. По мнению Дин Цзиньгуана и Ян Боюя, международное сотрудничество по защите экологии может способствовать увеличению ведущей роли Китая в создании глобальной экологической цивилизации⁴.

Вопрос создания экологической цивилизации в КНР исследуется и среди российских авторов. Например, И.В. Ушаков рассматривает ее историческую ретроспективу и современное состояние⁵. А.П. Анисимов и И.К. Волков, изучая развитие этого концепта в КНР, делают вывод, что Россия нуждается в разработке собственной экологической цивилизации⁶. С ними солидарен Ю.М. Резник: он предлагает использовать эту идею для цивилизационного развития России, что также может, по его мнению, способствовать культурному сближению с КНР⁷.

В последние годы в России обретает популярность тема экологической дипломатии Китая. Так, Г.В. Кондратенко указывает, что КНР использует это как инструмент продвижения своего лидерства в Северо-Восточной Азии и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, создавая «стандарты политического механизма экологического сотрудничества в регионе»⁸.

В целом в российской научной мысли в настоящее время деятельности КНР по защите среды уделяется большое внимание, в том числе таким вопросам, как экологические реформы и достижение углеродной нейтральности⁹, законодательно-правовая база защиты среды¹⁰, развитие «зеленого» автомобилестроения¹¹ и так далее.

В то же время наблюдается значительный недостаток исследований по проблематике защиты морской среды Китая, а также по изучению использования морской экологической политики в качестве средства изменения механизмов глобального управления. В связи с этим главная идея данной статьи заключается

1 Wen 2023.

2 Chen et al. 2023a.

3 Chen et al. 2023b.

4 Ding, Yang 2022.

5 Ушаков 2019.

6 Анисимов, Волков 2023.

7 Резник 2022.

8 Кондратенко 2016.

9 Ван 2012; Крапина 2021; Крапина, Лю 2022.

10 Третьяков 2012.

11 Сазонов, Ван 2020.

в том, что, по аналогии с использованием экологической повестки в качестве инструмента трансформации текущей системы международных отношений, Китай активно применяет и проблему загрязнения Мирового океана для достижения собственных геополитических целей, стремясь к изменению международного морского порядка. Эта тематика активно развивается в китайском политическом дискурсе, например, Ху Бо отмечает, что Китай продвигает создание глобальной морской многополярной модели (全球海上多极格局的发展, *цюаньцю хайшан доцзи гэцзюй дэ фачжань*)¹, а Куан Цзэнцзюнь указывает, что одной из целей охраны морской экологии в КНР является установление более справедливого и рационального мирового порядка².

В этом процессе важную роль играет дискурсивная сила КНР, в центре которой находятся упоминавшиеся выше экологические концепты, использующиеся как идеологическая основа экологической политики КНР. Следовательно, можно говорить о том, что защита морской среды в Китае преследует сразу несколько целей: предотвращение ее деградации и обеспечение устойчивого «зеленого» экономического развития, сочетающееся с геополитической целью изменения роли Китая на мировой арене. Для достижения этих целей правительство Китая прилагает значительные усилия к реализации практических мер по борьбе с загрязнением прибрежных морей и Мирового океана.

Развитие морской экологической повестки в Китае

Понимание наличия в Китае проблем окружающей среды стало складываться еще в 1970-е гг.: так, в 1973 г. прошло заседание Госсовета КНР по вопросу охраны окружающей среды и был принят первый нормативный акт в этом отношении – «Некоторые положения по охране и улучшению окружающей среды» (《关于保护与改善环境的若干规定, *гуаньюй баоху юй гайшань хуаньцзин дэ жогань гуйдин*)³. С тех пор была создана обширная нормативно-правовая база в отношении защиты как окружающей среды в целом, так и морской в частности. Главным двигателем процесса стало осознание влияния экологических проблем на социально-экономическое развитие государства. В связи с этим в 2002 г. обеспечение здоровой окружающей среды стало одним из условий построения общества малого благоденствия (《小康社会, *сяокан шэцзуй*).

Однако зачастую, несмотря на принимаемые законы, проблемы не только оставались, но и продолжали усугубляться, главными причинами чего являлись отсутствие комплексности и низкий уровень контроля над исполнением принятых норм⁴. Китай часто подвергался осуждению со стороны западных стран, которые рассматривали его как мировую экологическую угрозу и обвиняли в «климатической недобросовестности»⁵. В результате давление Запада и набирающая обороты мировая климатическая повестка

1 “胡波: “全球海上多极格局与中国海军的崛起 (Hu Bo: Global Maritime Multipolarity and the Rise of the Chinese Navy),” Academy of Ocean of China, 2022, accessed December 18, 2023, https://aoc.ouc.edu.cn/_t719/2022/0623/c9821a373084/page.htm.

2 Куан 2014.

3 Hou et al. 2021.

4 Пятачкова et al. 2022.

5 Манкевич, В. Экология – новое оружие Китая // РСМД. 11 августа 2020. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/ekologiya-novoe-oruzhie-kitaya/> (дата обращения: 25.12.2023).

в совокупности с очевидными негативными последствиями экологических угроз стали решающими факторами в усилении мер по борьбе с загрязнением среды. Апогеем этого и стало появление в 2007 г. концепции «экологической цивилизации» (《生态文明》, *шэнтай вэньмин*)¹, что ознаменовало переход от идеи постоянного экономического роста к рациональному развитию с учетом экологических проблем.

Особое развитие экологическая повестка и защита океана получили после прихода к власти председателя КПК Си Цзиньпина, который придавал вопросу защиты экологии статус стратегической значимости. Так, например, в 2013 г. на 8-м коллективном заседании, посвященном вопросам изучения превращения в морскую державу, он заявил, что Китай должен защищать экологию моря и предотвращать ее деградацию, контролируя загрязнение и осуществляя проекты по восстановлению². По словам Си Цзиньпина, Китаю необходимо стремиться к построению «морской экологической цивилизации». Более того, была предложена концепция Сообщества единой судьбы океана (《海洋命运共同体》, *хайян минюнь гунтунти*), согласно которой океан является общим достоянием всего человечества, что ведет к общей ответственности за его разработку и освоение.

Внимание правительства к вопросам защиты морской среды обуславливается разными факторами. С одной стороны, главная причина заключается в самой ценности, которую представляет океан для национального развития. Во-первых, с экономической точки зрения он определяет занятость КНР в морском хозяйстве, что связано с географией страны и способом расселения. Основная масса населения проживает вдоль восточного и юго-восточного побережья (плотность там составляет более 600 чел. на 1 кв. км, в то время как в Центральном Китае – 300 чел. на 1 кв. км, на Западе – менее 10 человек³), соответственно, морское хозяйство занимает важное место в национальной экономике: так, в 2022 г. ее доля составила 7,8% ВВП страны, увеличившись на 1,9% в сравнении с предыдущим годом⁴. Среди морских отраслей одно из главных мест занимает рыбная промышленность, поскольку Китай является крупнейшим производителем рыбной продукции⁵, что также играет важную роль в понимании вопроса защиты морской экологии в КНР.

Во-вторых, море содержит значительные запасы минерального сырья, среди которых нефть и газ особенно необходимы в обеспечении экономической стабильности КНР. Это подчеркивается фактом ограниченности и неравномерности распределения этих ресурсов на материке, а также политическими условиями, в результате чего роль моря как важной энергетической базы растет: в последние годы большая часть добычи нефти и газа осущест-

1 Hou et al. 2021.

2 “习近平：要进一步关心海洋、认识海洋、经略海洋 (Xi Jinping: Care about the Ocean, Understand the Ocean, Manage the Ocean),” The State Council of the People's Republic of China, July 31, 2013, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/ldhd/2013-07/31/content_2459009.htm.

3 Баженова 2015

4 “去年海洋经济生产总值逾9.46万亿 我国港口规模稳居世界第一 (Last Year Gross Marine Economic Output Exceeded 9.46 Trillion, Chinese Port Scale Ranked First in the World),” The State Council of the People's Republic of China, April 14, 2023, accessed October 1, 2023, <http://surl.li/rpasu>.

5 “渔业与水产养殖 (Fisheries and Aquaculture),” Food and Agriculture Organisation of the United Nations, accessed October 8, 2023, <https://www.fao.org/fishery/zh/countrysector/cn/zh?lang=zh>.

влялась в океане, морская нефть обеспечивала около 80% роста добычи сырой нефти¹.

В-третьих, океан важен с точки зрения транспортных путей, которые являются одним из главных средств транспортировки товаров, отвечая за 80% мировой торговли². Это особенно подчеркивается тем, что по морю перевозятся минеральные ресурсы – нефть и газ, которые имеют высокую значимость в обеспечении энергетической безопасности Китая.

В-четвертых, моря, являясь естественной буферной зоной, способствуют обеспечению национальной безопасности Китая, который стремится создать мощный флот, способный действовать за пределами прибрежных вод³.

С другой стороны, борьба с загрязнением океана нацелена на разрешение проблем не только экономических, но и геополитических. Использование экологической повестки является одним из инструментов решения вопросов глобального лидерства. Китай стремится создать образ великой морской державы, которая придерживается ответственного подхода в решении мировых проблем. Таким образом он умело сочетает свое стремление к превращению в великую мировую державу и «возрождение великой китайской нации» с концепцией «мирного восхождения», стремясь избежать конфликтов с другими странами.

Также важно упомянуть и то, как Китай использует проблематику изменения климата для установления статуса «околоарктического государства». Заявляя о том, что таяние льдов в Арктике оказывает негативный эффект на окружающую среду Китая, и проявляя свою крайнюю заинтересованность в изучении изменения арктического климата, КНР стремится узаконить свою роль приарктического государства и получить доступ к управлению регионом, его ресурсами и морскими путями. Это, однако, указывает не просто на желание КНР вести какую-либо правомочную деятельность в Арктике, но и на стремление расширить сферы своего присутствия в мире, что также направлено на трансформацию существующего мирового лидерства.

Основные угрозы морской среде в Китае

Сегодня спектр проблем морской среды в КНР достаточно широк, что в значительной степени вызвано ростом антропогенного давления на экосистемы, произошедшим в последние десятилетия. Например, мелиорация, загрязнение прибрежных вод и промышленная деятельность привели к разрушению почти 70% береговой линии страны⁴.

Одна из ключевых проблем – воздействие загрязнения воздуха выбросами CO₂ на состояние морской среды, главными источниками которого являются промышленность (40% выбросов), в основном угольные электростанции, и транспорт (8%).

- 1 “去年海洋经济生产总值逾9.46万亿 我国港口规模稳居世界第一 (Last Year Gross Marine Economic Output Exceeded 9.46 Trillion, Chinese Port Scale Ranked First in the World),” The State Council of the People's Republic of China, April 14, 2023, accessed October 1, 2023, <http://surl.li/rpasu>.
- 2 Согласно обзору морского транспорта за 2022 год, более 80% мировой торговли осуществляется по морю, см.: “Review of Maritime Transport 2022 Report,” UNCTAD, accessed October 9, 2023, <https://unctad.org/>.
- 3 Кашин et al 2020.
- 4 “中国首次对海洋环境保护制定“五年规划” (China Formulated a “Five-Year Plan” for Marine Environmental Protection for the First Time),” Chinese Dialogue Ocean, August 10, 2021, accessed October 8, 2023, <https://chinadiialogueocean.net/zh/4/90518/>.

При этом, поскольку уголь пока остается главным ресурсом в структуре энергопотребления (его доля составляет 60%¹), проблема продолжает усугубляться. Согласно отчету по качеству воздуха за 2021 г., в 143 городах КНР (что составляет 11% городов в Восточной Азии) уровень CO_2 превышал нормы Всемирной организации здравоохранения в семь раз, а в городе Хотань в Синьцзяне – в 20 раз². Поскольку океан является основным инструментом фильтрации CO_2 , выбросы оказывают негативное экологическое давление на прибрежные воды. Это приводит к росту окисления воды (*ocean acidification*), которое может воздействовать на флору и фауну и, соответственно, на морскую пищевую промышленность.

Следующим вызовом является загрязнение морским мусором, в том числе пластиковым. Китай является крупнейшим производителем³, экспортером и потребителем⁴ пластиковой продукции, при этом объемы его экспорта и потребления внутри страны постоянно растут, и лишь 17% подвергается переработке⁵. В 2017 г. почти 89% всего плавающего на поверхности моря мусора составлял пластик⁶. Это угрожает выживанию флоры и фауны, что является проблемой как сохранения биоразнообразия, так и безопасности пищевой промышленности.

Другой причиной сокращения популяций морской фауны выступает незаконный вылов. По словам агентства по надзору за состоянием океана *Sea Shepherd Conservation Society*, более 20% всего вылова рыбы составляет противозаконный нерегулируемый вылов⁷. Согласно данным *Financial Times*, Китай занимает первое место в мире по незаконному вылову рыбы⁸, что вызывает не только негативный отклик у международного сообщества, но даже риски возможного столкновения с США и другими странами. В 2022 г. Соединенные Штаты наложили санкции на некоторые китайские компании и отдельных лиц за эти правонарушения⁹. Серьезной проблемой является незаконное рыболовство в Южно-Китайском море, ресурсы которого истощились минимум на треть за последние три десятилетия¹⁰. Многие соседние страны часто возлагают на Китай ответственность за сокращение пищевых ресурсов в регионе и обвиняют в незаконной ловле за пределами его исключительной экономической зоны. Также вызывают опасения методы, используемые рыбаками для ловли, такие как динамит и цианид, которые наносят вред коралловым рифам и самому морскому дну¹¹.

1 "Top 5 Environmental Issues in China in 2023," Earth.Org, March 10, 2023, accessed October 9, 2023, <https://earth.org/environmental-issues-in-china/>.

2 Ibid.

3 "Export Value of Plastic Products from China from 2010 to 2020," Statista, November 29, 2022, accessed October 9, 2023, <https://www.statista.com/statistics/225932/export-value-of-plastic-products-from-china/#:~:text=Chinese%20plastic%20exports,with%20a%20combined%2019%20percent.>

4 "Top 5 Environmental Issues in China in 2023," Earth.Org, March 10, 2023, accessed October 9, 2023, <https://earth.org/environmental-issues-in-china/>.

5 Ibid.

6 "China's Ocean Waste Surges 27% in 2018: Ministry," Reuters, October 29, 2019, accessed October 9, 2023, <https://www.reuters.com/article/us-china-pollution-oceans-idUSKBN1X80FL>.

7 "Front Lines Sea Shepherd is Taking the Fight to Illegal Fishing," Sea Shepherd, accessed October 9, 2023, <https://seashepherd.org/iuu/>.

8 "China's Fishing Fleet Embroiled in Rising Tensions with US," Financial Times, accessed October 8, 2023, <https://www.ft.com/content/5b3cc3a1-0c42-4679-81ca-be0ca7f448d1>.

9 "US Sanctions China-Based Firms over Illegal Fishing Abuses," Al Jazeera, December 9, 2022, accessed October 9, 2023, <https://www.aljazeera.com/news/2022/12/9/us-sanctions-china-based-firms-over-illegal-fishing-abuses>.

10 "In Deep Water: Current Threats to the Marine Ecology of the South China Sea," Observer Research Foundations, March 8, 2021, accessed October 8, 2023, <https://www.orfonline.org/research/in-deep-water-current-threats-to-the-marine-ecology-of-the-south-china-sea/>.

11 Ibid.

Экологическое состояние Южно-Китайского моря сегодня вызывает тревогу у многих стран. В связи с тем что там проходят одни из самых загруженных коммуникационных линий¹, а также с активной экономической деятельностью, в основном – Китая по строительству искусственных островов и добыче углеводородов, экология подвергается сильнейшему давлению². Отмечается, что вследствие антропогенного воздействия Китай потерял около 50% прибрежных водноболотных угодий, 57% мангровых зарослей и 80% коралловых рифов в регионе, что также оказывает негативное влияние на обитание рыб³.

В 2023 г. Китай столкнулся с новой угрозой своей морской среде, когда в августе Япония приняла решение осуществить сброс радиоактивной воды с ядерной электростанции «Фукусима» в Тихий океан⁴. Правительство КНР, как и многие другие представители международного сообщества, рассматривают эти действия как противоправные и наносящие огромный ущерб морской среде в регионе, обвиняя Японию в безответственном подходе. Эта ситуация подчеркивает роль геополитического фактора в проблематике загрязнения Мирового океана, поскольку указывает на соперничество между КНР и Японией за позицию ответственной мировой державы.

Основные меры по борьбе с деградацией морской среды в Китае

На сегодняшний день основные меры, предпринимаемые правительством Китая для разрешения экологических проблем в море, включают совершенствование правовой системы, сохранение биоразнообразия, повышение осознанности населения в отношении значения защиты окружающей среды, морскую экологическую дипломатию, оптимизацию экологического мониторинга и управления и др⁵.

Создание специальных охраняемых зон

Важной практической мерой по борьбе с деградацией морской среды является создание особых зон, среди которых можно выделить два типа: «красные линии экоохраны» и морские заповедники. Проект по «красным линиям экоохраны» (《生态保护红线》, *шэнтай баоху хунсянь*) был предложен в 2011 г. с целью сохранения (особенно в прибрежных районах и других экологически важных регионах) водных ресурсов, биоразнообразия, почвы, а также борьбы с опустыниванием, эрозией и т.д. Он представляет собой специальные зоны, где запрещена любая деятельность, наносящая вред окружающей среде. В 2013 г. идея была вновь подтверждена новым на тот момент генеральным секретарем

1 “In Deep Water: Current Threats to the Marine Ecology of the South China Sea,” Observer Research Foundations, March 8, 2021, accessed October 8, 2023, <https://www.orfonline.org/research/in-deep-water-current-threats-to-the-marine-ecology-of-the-south-china-sea/>.

2 См., например, Ло 2019..

3 “In Deep Water: Current Threats to the Marine Ecology of the South China Sea,” Observer Research Foundations, March 8, 2021, accessed October 8, 2023, <https://www.orfonline.org/research/in-deep-water-current-threats-to-the-marine-ecology-of-the-south-china-sea/>.

4 Очередная пресс-конференция 28 августа 2023 г. у официального представителя МИД КНР Ван Вэньбиня // Генеральное консульство Китайской Народной Республики в г. Владивостоке. 28 августа 2023. [Электронный ресурс]. URL: http://vladivostok.china-consulate.gov.cn/rus/fyrth_10/202308/t20230830_11135586.htm (дата обращения: 12.10.2023).

5 См., например: Третьяков 2012, Куан 2014.

рем КПК Си Цзиньпином, а впоследствии стала одним из ключевых аспектов построения экологической цивилизации¹. В августе 2023 г. была выпущена «Синяя книга красных линий экоохраны» (《中国生态保护红线蓝皮书》, *Чжунго шэнтай баоху хунсянь ланьпишу*), согласно которой площадь красной линии на море составляет около 150 тыс. кв. км², то есть почти 40% территориальных вод КНР (их площадь составляет 380 тыс. кв. км, согласно Министерству природных ресурсов КНР на 2008 г.³); также в систему красных линий включено около 37% береговой линии⁴.

Что касается морских заповедников (《海洋保护地》, *хайян баохуди*), главная цель их строительства состоит в защите биоразнообразия и качества среды таких природных объектов, как мангровые заросли, коралловые рифы, водно-болотные угодья, острова, заливы, а также в сохранении редких видов животных. Было создано более двухсот заповедных зон площадью 124 тыс. кв. км в прибрежных провинциях КНР: Ляонине, Хэбэе, Шаньдуне, Цзянсу, Чжэцзяне, Фуцзянь, Гуандуне, Гуанси и Хайнани, а также в городах Тяньцзинь и Шанхай⁵.

Проекты по восстановлению морских и прибрежных территорий

Реализация программ по реконструкции затронутых антропогенным воздействием морских и приморских районов включает борьбу с загрязнением, создание искусственных береговых линий, строительство прибрежных парков, высадку рифов, очищение вод и т.д. Одним из проектов, например, является «Голубой залив» (《“蓝色海湾”整治项目》, *ланьсэ хайвань чжэнцэ сяню*), в рамках которого был восстановлен район Дунтоу в городе Вэньчжоу⁶. В результате было восстановлено более 100 тыс. кв. км пляжной зоны, высажено 419 акров мангровых зарослей, построено 23 км экологических морских коридоров, демонтирована дамба. По данным китайского правительства, к 2022 г. Китаю удалось реализовать 58 таких проектов⁷. Различные программы реализуются и в других районах: например, в заливе Бохай к 2022 г. было проведено более 60 проектов по очищению⁸, а на острове Вэйчжоу с 2013 по 2022 г. выращено около 200 тыс. кораллов на 8 гектарах⁹.

1 “全国划定生态保护红线面积约319万平方公里 (China has about 3.19 Million Square Kilometers of Ecological Protection Red Lines Nationwide),” The State Council of the People's Republic of China, August 15, 2023, accessed October 8, 2023, https://www.gov.cn/yaowen/shipin/202308/content_6898470.htm.

2 “我国首部生态保护红线蓝皮书正式发布 (China's First Ecological Protection Red Line Blue Book Officially Released),” The State Council of the People's Republic of China, August 16, 2023, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/lianbo/bumen/202308/content_6898527.htm.

3 “我国的海洋资源 (China's Marine Resources),” Ministry of Natural Resources of the People's Republic of China, April 18, 2008, accessed October 9, 2023, https://m.mnr.gov.cn/zt/hd/dqr/39/dzyzy/201807/t20180709_2052567.html#:~:text=我国是一个陆海兼具,为38万平方公里%E3%80%82.

4 “我国海洋生态系统保护修复取得显著成效 (China's Marine Ecosystem Protection and Restoration Achieved Remarkable Results),” The State Council of the People's Republic of China, June 8, 2022, accessed October 8, 2023, https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/08/content_5694738.htm.

5 “我国各级各类海洋自然保护区达271处 (China has 271 Marine Nature Reserves of Various Types and Levels),” The State Council of the People's Republic of China, June 5, 2019, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/xinwen/2019-06/05/content_5397578.htm.

6 “我国将实施“蓝色海湾”等工程修复海洋生态环境 (China Will Implement the Project “Blue Bay” to Restore the Marine Ecological Environment),” The State Council of the People's Republic of China, January 22, 2016, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/xinwen/2016-01/22/content_5035381.htm.

7 “我国海洋生态系统保护修复取得显著成效 (China's Marine Ecosystem Protection and Restoration Achieved Remarkable Results),” The State Council of the People's Republic of China, June 8, 2022, accessed October 8, 2023, https://www.gov.cn/xinwen/2022-06/08/content_5694738.htm.

8 Ibid.

9 Ibid.

Регулирование рыболовства

Регулирование вылова рыбы способствует сохранению биоразнообразия и обеспечению продовольственной безопасности КНР, что реализуется посредством установления рыболовных сезонов, закрытых зон и охраняемых территорий, моратория на вылов рыбы (с 1995 г. действует система летнего моратория на рыболовство), запрета на использование некоторых методов и инструментов ловли. Также по всей стране созданы специальные органы для отслеживания состояния морской рыболовной среды¹.

Контроль над загрязнениями

Источники загрязнения морской среды в Китае варьируются от обычного мусора и отходов от рыболовной промышленности² до специальных контролируемых сбросов в назначенных местах³ и т.д.

Для борьбы с масштабами пластиковых отходов правительство Китая ввело ряд мер, как, например, запрет на импорт пластиковых и некоторых других видов твердых отходов в 2018 г., которые раньше импортировались в целях переработки⁴. В последующий период список запрещенных к ввозу позиций увеличился, а в 2020 г. Китай ввел запрет на импорт всех видов твердых отходов. В 2021 г. правительство приняло пятилетний план (на 2021–2025), направленный на постепенный отказ от производства и употребления одноразового пластика. Поскольку рыболовная промышленность вносит наибольший вклад в загрязнение океана пластиком, правительство Китая ввело ряд мер для решения вопроса сокращения количества отходов, остающихся от рыболовной деятельности⁵.

Следующим типом загрязнения, достойным внимания, является сброс отходов в океан. Например, по данным *Reuters*, в 2018 г. Китай сбросил в прибрежные воды около 200 млн куб. метров отходов – рекордное количество за десятилетие⁶. Однако Чэнь Дунсин, Му Гуйчжэнь, Ван Суйтао и др. отмечают, что сброс отходов в море в КНР осуществляется по особым правилам, следуя принципам научности, рациональности, экономичности и безопасности, и регулируется специальными ведомствами⁷. Контроль осуществляется не только над типом выбрасываемых веществ, но и над местами, которые специально отводятся для сброса в соответствии с критериями.

Большое внимание уделяется предотвращению и контролю загрязнений на суше, созданию систем регулирования и мониторинга канализации, управления отходами предприятий, контроля загрязнения воздуха⁸. В соответствии с программами последних пятилеток, по всем видам промышленности готовятся

1 “中国海洋事业的发展 (The Development of China's Maritime Industry),” The State Council of the People's Republic of China, May 26, 2005, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/zhengce/2005-05/26/content_2615749.htm.

2 Yu, Liu 2023.

3 Chen et al. 2024.

4 “Top 5 Environmental Issues in China in 2023,” Earth.Org, March 10, 2023, accessed October 9, 2023, <https://earth.org/environmental-issues-in-china/>.

5 Yu, Liu 2023.

6 “China's Ocean Waste Surges 27% in 2018: Ministry,” Reuters, October 29, 2019, accessed October 9, 2023, <https://www.reuters.com/article/us-china-pollution-oceans-idUSKBN1X80FL>.

7 Chen et al. 2024.

8 “中国海洋事业的发展 (The Development of China's Maritime Industry),” The State Council of the People's Republic of China, May 26, 2005, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/zhengce/2005-05/26/content_2615749.htm.

экологические отчеты, а также проводятся проверки на соответствие предприятий экологическим стандартам. Более того, введена практика предоставления кредитов только тем предприятиям, которые исполняют требования по охране окружающей среды; также с 2018 г. введен налог на загрязнение среды¹.

Правительство Китая сегодня принимает активные меры по противодействию загрязнению воздуха. Основная цель заключается в сокращении выделения углекислого газа посредством снижения доли угольной промышленности в энергетике и стимулирования альтернативной энергетики (к 2060 г. доля ядерных и возобновляемых источников должна составлять около 90%²), а также постепенного перехода на более экологичные виды транспорта³. С 2018 по 2019 г. количество автомобилей на альтернативной энергии в Китае выросло с 1,99 млн единиц до 3,5 млн, что составляло более 50% общемирового уровня⁴. К 2030 г. доля машин на альтернативной энергии достигнет 40% во всем автопарке КНР⁵.

Китай также уделяет внимание борьбе с загрязнениями морской среды вследствие эксплуатации судов, особенно нефтепродуктами. Согласно белой книге «Развитие морской индустрии Китая», все суда должны быть оборудованы специальной системой очистки; в портах существуют специальные сооружения по очистке сточных вод, содержащих нефть⁶. Кроме того, большое внимание сохранению среды уделяется при добыче энергетических ресурсов на морских платформах, где действуют специальные механизмы для предотвращения разлива нефти, а также правила действий в чрезвычайных ситуациях⁷.

Правовая ответственность за нарушение экологических законов

Важную роль в сохранении природной среды играет государственный контроль с акцентом на ужесточении мер привлечения лиц к ответственности за нарушение законов по защите окружающей среды и внедрение уголовной ответственности. Например, в 2006 г. был издан закон «Временные меры в отношении наказаний за нарушение законов об охране окружающей среды» (《环境保护违法违规违纪行为处分暂行规定》, *хуаньцзин баоху вэйфа вэйцзи синвэй чунфэн цзаньсин гуйдин*); в 2009 г. – «Меры по надзору и учету экологических нарушений» (《环境违法案件挂牌督办管理办法》, *хуаньцзин вэйфа аньцзянь гуапай дубань гуаньли баньфа*); в 2015 г. приняты «Меры по ответственности руководства партии и правительства в отношении экологического ущерба» (《党政领导干部生态环境损害责任追究办法(试行)》, *данчжэн линдао ганьбу шэнтай хуаньцзин суньхай цзэжэнь чжуйцзю баньфа*)⁸. Как справедливо отмечает Е.И. Кранина, одной из главных идей защиты среды является концепция «нулевой терпимости» в отношении нарушений

1 Кранина, Лю 2022.

2 Ibid.

3 Сазонов, Ван 2020.

4 Ibid.

5 Кранина, Лю 2022.

6 «中国海洋事业的发展 (The Development of China's Maritime Industry),» The State Council of the People's Republic of China, May 26, 2005, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/zhengce/2005-05/26/content_2615749.htm.

7 См., например, Митина et al. 2018.

8 Hou et al. 2021.

экологических законов¹.

Экологическая дипломатия КНР в области защиты морской среды

Экологическая дипломатия, представляющая собой международную кооперацию в сфере защиты природной среды, является важным инструментом сохранения морской экологии в Китае. По мнению Ван Гуаньцзюня, она обеспечивает государству продвижение собственного экологического курса, защиту экологических прав и интересов, а также способствует экологическому и экономическому развитию². Сотрудничество осуществляется в рамках как международных органов и организаций, таких как ООН, Межправительственная океанографическая комиссия ЮНЕСКО, Научный комитет по океаническим исследованиям, Международная морская организация, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН, так и двусторонних и многосторонних договоров и региональных организаций (например, Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в области рыбного хозяйства³).

КНР участвует в заседаниях комиссий, научных конференциях и других форматах сотрудничества с различными государствами, в разработке международных соглашений и конвенций по предотвращению загрязнения Мирового океана. Например, с 1993 по 1995 г. Китай участвовал в разработке положений концепции ООН по морскому праву о сохранении трансграничных рыбных запасов и запасов далеко мигрирующих рыб и управлении ими⁴; присоединился к Конвенции о сохранении ресурсов минтая и управлении ими в центральной части Берингова моря; Международной конвенции о сохранении атлантических тунцов; Международной конвенции по обеспечению готовности на случай загрязнения нефтью, борьбе с ним и сотрудничеству 1990 г.; Международной конвенции по предотвращению загрязнения с судов 1973 г. В 2021 г. Китай провел ряд консультаций высокого уровня по морским делам с Японией, где, кроме политэкономических вопросов, была затронута тема защиты морской экологии, а именно борьбы с пластиковым загрязнением океана⁵.

КНР также участвует в международных исследованиях океана. В 2010 г. под руководством Китая был реализован план международного сотрудничества по исследованию циркуляции и климата Северо-Западной части Тихого океана, в котором приняли участие восемь стран, включая США⁶. В 2014 г. Океанический университет Китая и Океанографический институт Вудс Хол в США подписали

1 Кранина, Лю 2022.

2 Ван 2011.

3 Россия и Китай определили планы сотрудничества в области рыбного хозяйства на 2023 год // Федеральное агентство по рыболовству. 15 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://fish.gov.ru/news/2023/03/15/rossiya-i-kitaj-opredelili-plany-sotrudnichestva-v-oblasti-rybnogo-hozyajstva-na-2023-god/> (дата обращения: 09.10.2023).

4 "中国海洋事业的发展 (The Development of China's Maritime Industry)," The State Council of the People's Republic of China, May 26, 2005, accessed October 9, 2023, https://www.gov.cn/zhengce/2005-05/26/content_2615749.htm.

5 "中日举行第十二轮海洋事务高级别磋商 (China and Japan Hold 12th Round of High-level Consultations on Maritime Affairs)," China Ocean Mineral Resources R&D Association, February 5, 2021, accessed October 8, 2023, http://www.comra.org/2021-02/05/content_41463623.htm.

6 "经略海洋提高中国海洋研究国际话语权 (Managing the Ocean to Improve China's International Voice in Ocean Research)," Xinhua-net, September 26, 2022, accessed October 8, 2023, http://lw.news.cn/2022-09/26/c_1310665911.htm.

соглашение о создании совместной научно-исследовательской лаборатории¹. В 2019 г. КНР и Россия договорились о совместных арктических исследованиях², а в 2023 г. в рамках сессии Смешанной Российско-Китайской комиссии по сотрудничеству в области рыбного хозяйства стороны договорились о продолжении научного сотрудничества по исследованию некоторых видов рыб и о его расширении³.

Заключение

В настоящий момент защита морской среды и экологии в целом в Китае является одним из ключевых направлений внешней и внутренней политики. Это подтверждается объемом усилий, которые КНР вкладывает в решение этих проблем. Обусловливается это как экономическими причинами, так и, в значительной степени, геополитическими. Скоординированные действия по улучшению морской среды являются не только важной частью морской политики Китая и его стремления к превращению в великую морскую державу, но и попыткой претендовать на первенство в мировой климатической повестке и лидерство в глобальной политике. Для этого Китай грамотно использует концепции «морской экологической цивилизации», которые отражают его желание показать ответственность в своем подходе при решении мировых проблем. В то же время КНР использует экологическую повестку для противостояния с некоторыми странами, в том числе с Японией, а также для достижения своих интересов в Арктике.

Данное исследование позволяет предположить, что, с одной стороны, деятельность КНР по защите морских пространств является логичным ответом на давление стран коллективного Запада в отношении экологической повестки, а с другой стороны, Китай сам использует эту повестку в попытке трансформации механизмов доминирования как в рамках морской политики, так и на международной арене в целом.

- 1 “中国海洋大学与美国伍兹霍尔海洋研究所共建国际合作联合实验室 (Ocean University of China and Woods Hole Oceanographic Institution of the United States Jointly Established a Laboratory for International Cooperation),” Department of Science and Technology of Shandong Province, November 24, 2014, accessed October 8, 2023, http://kjt.shandong.gov.cn/art/2014/11/24/art_13363_7489125.html.
- 2 Ученые РФ и Китая договорились о совместной разработке технологий для исследования Арктики // ТАСС. 18 декабря 2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/v-strane/4823063> (дата обращения: 01.10.2023).
- 3 Россия и Китай определили планы сотрудничества в области рыбного хозяйства на 2023 год // Федеральное агентство по рыболовству. 15 марта 2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://fish.gov.ru/news/2023/03/15/rossiya-i-kitaj-opredelili-planu-sotrudnichestva-v-oblasi-rybnogo-hozyajstva-na-2023-god/> (дата обращения: 09.10.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Анисимов, А.П., Волков, И.К. Концепция экологической цивилизации Китая: представляет ли она интерес для российского права // *НОМОТЭТИКА: Философия. Социология. Право*. 2023. Т. 48. № 3. С. 540–549.

Anisimov, Aleksey P., and Igor K. Volkov. "The Concept of China's Ecological Civilization: Is It of Interest to Russian Environmental Law?" *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law* 48, no. 3 (2023): 540–549 [In Russian].

Баженова, Е.С. Плотность и распределение населения по территории страны // КНР: экономика регионов. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт Дальнего Востока Российской академии наук, 2015. С. 430–454.

Bazhenova, Yelena S. "Density and Distribution of the Population across the Country's Territory." In *KNR: Ekonomika Regionov*, 430–454. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, 2015 [In Russian].

Ван, Гуаньцзюнь. Экологическая дипломатия Китая: история развития и современные проблемы // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2011. № 131. С. 334–341.

Wang, Guanjun. "China's Ecological Diplomacy: History and Current Issues." *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences* 131 (2011): 334–341 [In Russian].

Ван, Гуаньцзюнь. Государственная экологическая политика Китая: история развития и современные проблемы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. 2012. № 1. С. 66–70.

Wang, Guanjun. "Development of the State Environmental Policy in China: History and Today's Issues." *Vestnik of Saint Petersburg University. International Relations*, no. 1 (2012): 66–70 [In Russian].

Кашин, В.Б., Крашенинникова, Л.С., Пятачкова, А.С. Китай: военно-технические и военно-морские аспекты лидерства // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 7. С. 49–59. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-7-49-59>.

Kashin, Vasily B., Krasheninnikova, Lyubov' S., and Anastasiya S. Piatachkova. "China: Military-Technical and Naval Aspects of Leadership." *World Economy and International Relations* 64, no. 7 (2020): 49–59 [In Russian].

Кондратенко, Г.В. Экологическая дипломатия стран Северо-Восточной Азии // Известия Восточного института. 2016. № 2 (30). С. 47–64.

Kondratenko, Galina V. "Environmental Diplomacy of the Countries of North-East Asia." *Izvestiya Vostochnogo institute*, no. 2 (30) (2016): 47–64 [In Russian].

Кранина, Е.И. Китай на пути к достижению углеродной нейтральности // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 5. С. 51–61. <https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-5-51-61>.

Kranina, Yelena I. "China on the Way to Achieving Carbon Neutrality." *Financial Journal*, no. 5 (2021): 51–61 [In Russian].

Кранина, Е.И., Лю, Сюньюэ. Китайская модель построения «экономики замкнутого цикла» // Новые горизонты экономики КНР в 14-й пятилетке (2021–2025 гг.): Сборник по материалам ежегодной научной конференции, Москва, 15 апреля 2022 года. М.: Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. С. 9–26. <https://doi.org/10.48647/ICCA.2022.35.52.001>. EDN VLITXW.

Kranina, Yelena I., and Liu, Xunyue. "Chinese Model for Building a 'Circular Economy.'" In *New Horizons of the PRC economy in the 14th Five-Year Plan (2021–2025): Collection of Materials from the Annual Scholar Conference, Moscow, April 15, 2022*, 9–26. Moscow: Institute of China and Modern Asia of the Russian Academy of Sciences, 2022 [In Russian].

Куан, Цзэнцзюнь. Правовое регулирование охраны морской среды в Китайской Народной Республике // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 6. С. 26–39.

Kuang, Zengjun "Legal Regulation of the Protection of the Marine Environment in the People's Republic of China." *Moscow university bulletin. Series 11. Law*, no. 6 (2014): 26–39 [In Russian].

Ло, Лань. Вопросы ответственности Китая по защите и сохранению морской среды Южно-Китайского моря // Международный правовой курьер. 2019. № 4–5. С. 42–50.

Luo, Lan. "China's Responsibilities for the Protection and Conservation of the Marine Environment of the South China Sea." *International legal courier*, no. 4–5 (2019): 42–50 [In Russian].

Матвеев, В.А. Борьба с изменением климата – новая арена противоборства Китая и США // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2021. № 26. С. 337–351. <https://doi.org/10.24412/2618-6888-2021-26-337-351>.

Matveyev, Vladimir A. "Struggle against Climate Changes as a New Arena of China-US Confrontation." *China in world and regional politics. History and modernity* 26 (2021): 337–351 [In Russian].

Митина, Н.Н., Сунь, Х., Дроздова, Е.А. Государственное управление природоохранной деятельностью при добыче углеводородов на шельфе Китая // Государственное управление. Электронный вестник. 2018. № 70. С. 274–290. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2018-00094>.

Mitina, Natalya N., Sun, Hao, and Yekaterina A. Drozdova. "State Environmental Management in Oil and Gas Industry in China." *E-journal public administration* 70 (2018): 274–290 [In Russian].

Пятачкова, А.С., Поташев, Н.А., Смирнова, В.А. «Зеленая» повестка в политике КНР: рабочая тетрадь № 64. М.: РСМД, 2022.

Pyatachkova, Anastasiya S., Potashev, Nikita A., Smirnova, Veronika A. "Green" Agenda in Chinese Politics: Workbook no. 64. Moscow: RIAC, 2022.

Резник, Ю.М. Проект экологической цивилизации для России (собственные основания и китайский опыт) // Проблемы цивилизационного развития. 2022. Т. 4. № 1. С. 140–159.

Reznik, Yuriy M. "Project of Ecological Civilization for Russia (Its Wwn Foundations and Chinese Experience)." *Civilization studies review* 4, no. 1 (2022): 140–159.

Сазонов, С.Л., Ван, Ц. О перспективах Китая на мировом рынке «зеленых» автомобилей // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. Т. 25. С. 371–381. <https://doi.org/10.24411/2618-6888-2020-10022>.

Sazonov, Sergey L., and Wang, Jingwei "On the Prospects of China in the World Market of 'Green' Cars." *China in world and regional politics. History and modernity* 25 (2020): 371–381 [In Russian].

Третьяков, К.Н. Правовые основы морской политики Китая // Московский журнал международного права. 2012. № 3. С. 77–107. <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2012-3-77-107>.

Tretyakov, Konstantin N. "Legal Framework of China's Maritime Policy." *Moscow Journal of International Law*, no. 3 (2012): 77–107 [In Russian].

Ушаков, И.В. Экологическая цивилизация: мечта или мираж? // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № S5-1. С. 112–122.

Ushakov, I.V. "Ecological Civilization: Dream or Mirage?" *Far eastern studies* S5-1 (2019.): 112–122.

Yu, Jinkai, and Liu, Jiatong. "Exploring Governance Policy of Marine Fishery Litter in China: Evolution, Challenges and Prospects." *Marine Pollution Bulletin* 188 (2023). <https://doi.org/10.1016/j.marpolbul.2023.114606>.

陈红敏, 李琴, 包存宽: “新时代中国生态文明建设: 思想、制度与实践”, 上海人民出版社, 2023a.

Chen, Hongmin, Li, Qin, and Bao, Cunkuan. *The Construction of Chinese Ecological Civilization in the New Era: Thought, System and Practice*. Shanghai People's Publishing House, 2023a.

陈杰, 罗贤宇, 黄登良: “习近平关于海洋生态文明建设重要论述的生成逻辑、理论意涵与时代价值”, 《中共福建省委党校(福建行政学院)学报》, 2023b 年第二期, 第23–31页. <https://doi.org/10.15993/j.cnki.cn35-1198/c.2023.02.012>.

Chen, Jie, Luo, Xianyu, and Huang, Dengliang. "The Logic, Theoretical Implications and Contemporary Value of Xi Jinping's Important Exposition on the Construction of Marine Ecological Civilization." *Journal of the Party School of the Fujian Provincial Committee of the Communist Party of China (Fujian Administration College)*, no. 2 (2023b): 23–31 [In Chinese].

丁金光, 杨博宇: “中国环境外交50年: 历史演进与成就”, 《鄱阳湖学刊》, 2022年第三期, 第5–15页. <https://doi.org/CNKI:SUN:PYHX.0.2022-03-001>.

Ding, Jinguang, and Yang, Boyu. "50 Years of China's Environmental Diplomacy: Historical Evolution and Achievements." *Poyang Lake Academic Journal*, no. 3 (2022): 5–15 [In Chinese].

侯鹏, 高吉喜, 陈妍, 翟俊, 肖如林, 张文国, 孙晨曦, 王永财, 侯静: “中国生态保护政策发展历程及其演进特征”, 《生态学报》, 2021年第41 (4) 期, 第1656–1667页.

Hou, Peng, Gao, Jixi, Chen, Yan, Zhai, Jun, Xiao, Rulin, Zhang, Wenguo, Sun, Chenxi, Wang, Yongcai, and Hou, Jing. "Development Process and Characteristics of China's Ecological Protection Policy." *Acta Ecologica Sinica* 41, no. 4 (2021): 1656–1667 [In Chinese].

文学禹: “中国式现代化视域下生态文明建设研究”, 《湖南社会科学》, 2023年第二期, 第16–21页.

Wen, Xueyu. "Research on the Construction of Ecological Civilization from the Perspective of Chinese Modernization." *Hunan Social Sciences*, no. 2 (2023): 16–21 [In Chinese].

Сведения об авторе

Мария Евгеньевна Навдаева,

аспирант Кафедры политологии Института международных отношений и социально-политических наук Московского государственного лингвистического университета

119034, Россия, Москва, ул. Остоженка, 38

e-mail: navdayka6848@list.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 30 октября 2023.

Переработана: 8 декабря 2023.

Принята к публикации: 13 декабря 2023.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Навдаева, М.Е. Экологическая повестка в современной морской политике Китая // *Международная аналитика*. 2023. Том 14 (4). С. 133–148. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-133-148>

Environmental Agenda in the Modern Chinese Sea Policy

ABSTRACT

The article is devoted to the study of the role of marine ecology protection in the modern political course of China. Today, the ocean has great importance in Chinese development from an economic, energy, and resource point of view. However, its benefits are threatened by the environmental problems caused by anthropogenic pressure due to the development of human society, population growth, and industry. Currently, China faces plastic, waste, and oil pollution, illegal activities leading to the depletion of food resources, increasing ocean acidification due to air pollution, and degradation of the coastal environment. Awareness of the importance of the ocean for domestic and foreign policy forces China to take measures to protect it. At the same time, since the environmental agenda in modern international relations acts both as an instrument of pressure and as a means of political rise, it is effectively used by China in the struggle for global leadership both in the environmental protection sphere and in the world in general. Using the environmental agenda as a peaceful means of rising, China seeks to transform the current global order while showing itself as a responsible world leader.

KEYWORDS

ecological agenda, China's sea policy, protection of natural resources, ocean pollution, environmental threats, marine degradation

Author

Maria E. Navdaeva,

Post-graduate Student, Institute of Social and Political Sciences,
Department of Political Science, Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka Street, Moscow, Russia, 119034

e-mail: navdayka6848@list.ru

Additional information

Received: October 30, 2023. Revised: December 8, 2023. Accepted: December 13, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the author.

For citation

Navdaeva, Maria E. "Environmental Agenda in the Modern Chinese Sea Policy."
Journal of International Analytics 14, no. 4 (2023): 133–148.
<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-133-148>

Гипотеза «ядерной зимы» и ответственная политика в ядерной сфере

Гинзбург Александр Самуилович, Институт физики
атмосферы им. А.М. Обухова РАН,
Москва, Россия

Самойловская Наталья Александровна, МГИМО МИД России,
Москва, Россия

Контактный адрес: n.samoylovskaya@inno.mgimo.ru

АННОТАЦИЯ

В 1980-х гг. одной из основополагающих тем научных дебатов стало обсуждение глобальных последствий ядерной войны. Именно тогда появилась гипотеза «ядерной зимы», в рамках которой ученые пытались проанализировать теоретическую возможность резкого похолодания на Земле после массовых пожаров и найти природные аналоги потенциальной климатической катастрофы. В последующие десятилетия гипотеза «ядерной зимы» проходила разные этапы критики и переоценки. К началу 2000-х гг. исследования проблематики стали носить региональный характер и были посвящены преимущественно возможным последствиям локальных ядерных конфликтов. Авторы анализируют в статье этапы становления исследований гипотезы «ядерной зимы», обращая внимание на российский и американский подходы, и приходят к выводу, что массив работ, сформированный американскими и советскими учеными в 1983–1985 гг., относится к первым попыткам концептуальных осмыслений научным сообществом проблемы ответственной политики в ядерной сфере.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

гипотеза «ядерной зимы», ядерный порог, климатическое моделирование, ядерное оружие, ответственная политика в ядерной сфере

Введение: из истории теории

В 1980-е гг. открытые теоретические исследования возможных последствий ядерной войны привели к активному развитию научного направления климатического моделирования. Его существенное отличие заключалось не столько в климатическо-экологической повестке, сколько в попытке комплексного анализа глобальных последствий применения ядерного оружия в долгосрочной перспективе. Это стало переломным моментом, так как исследования последствий применения ядерного оружия имели в основном закрытый характер, обслуживали интересы военного планирования и фокусировались прежде всего на прямых эффектах применения ядерного оружия¹.

Статья химиков П. Крутцена и Дж. Беркса² «Атмосфера после ядерной войны: сумерки в полдень» 1982 г., вышедшая в шведском научном журнале *Ambio*, была признана первой работой, открывшей новые эффекты ядерной войны³. Авторы высказали предположение, что из-за возникающих в результате ядерного воздействия множественных пожаров сажа закроет от солнечного света значительную часть планеты на многие месяцы: на Земле станет темно, наступит «ядерная ночь», что приведет к остановке сельскохозяйственной деятельности и напрямую повлияет на возможности воспроизводства продуктов питания в Северном полушарии⁴.

Научное сообщество отреагировало на публикацию неоднозначно. С одной стороны, стали появляться новые количественные исследования, фиксировавшие уязвимость представленных в статье расчетов⁵, с другой стороны, научные коллективы продолжали работу над созданием климатических моделей последствий применения ядерного оружия⁶. Все это сопровождалось политическими дебатами специалистов – сторонников и противников ядерного разоружения⁷.

Впервые понятие «ядерной зимы» было введено в научный оборот группой американских ученых, получившей известность под акронимом *TTAPS*, в статье «Ядерная зима: глобальные последствия множественных ядерных взрывов», опубликованной в 1983 г. в журнале *Science*⁸. Команда *TTAPS*⁹, состоявшая из пяти ученых планетологов и атмосферщиков разного научного авторитета и возраста, проделала большую работу¹⁰: Р. Турко подсчитал количество образующегося дыма; затем совместно с О. Туном были сделаны первые расчеты для ядерных взрывов; Дж. Поллак и Т. Акерман наложили на модель радиационного переноса результаты исследования вулканов; К. Саган был включен в работу как идеолог

1 Richard Wolfson, and Ferenc Dalnoki-Veress, "The Devastating Effects of Nuclear Weapons," The MIT Press Reader, March 2, 2022, accessed January 25, 2023, <https://thereader.mitpress.mit.edu/devastating-effects-of-nuclear-weapons-war/>.

2 Пол Крутцен (голландский химик-атмосферщик, изучавший связь между оксидами азота и фотохимией озона) переехал из Стокгольмского университета в Оксфорд, а затем в Боулдер, и к этому времени он был директором отдела химии воздуха Химического института Макса Планка в Майнце, Германия. Джон Беркс был адъюнкт-профессором химии в Университете Колорадо в Боулдере и научным сотрудником Кооперативного института исследований в области наук об окружающей среде этого университета. Подробнее см. Badash 2009.

3 Martin 1988.

4 Crutzen, Birks 1982.

5 Barton et al. 1984.

6 Turco et al. 1983.

7 Horowitz et al. 1984; Sagan et al. 1986.

8 Turco et al. 1983.

9 Подробнее биографии ученых см. Dörries 2011.

10 Badash 2009.

и не занимался расчетами. Именно он, как наиболее опытный и узнаваемый ученый, сыграл важную роль в продвижении исследования.

Ученые развили идею П. Крутцена и Дж. Беркса и подсчитали, что воздействие аэрозоля на солнечный свет в результате ядерной войны приведет к сильному охлаждению поверхности Земли и резкому похолоданию. Работа вызвала бурные споры среди специалистов еще во время закрытого обсуждения предварительных результатов в Кэмбридже в апреле 1983 г., которое перед ее публикацией организовал К. Саган и в котором по его приглашению участвовали советские ученые Г.С. Голицын, В.В. Александров и Н.Н. Моисеев¹.

После публикации в *Science* научной критике подверглись использованная в исследовании базовая одномерная модель со среднегодовыми значениями инсоляции и температуры, а также условность оценки количества произведенного эффекта дыма, пыли, дисперсии и поведения самой атмосферы в целом². С. Томпсон и С. Шнайдер из Национального центра атмосферных исследований на основе разработанной трехмерной модели пришли к выводу, что вероятные последствия лучше описать как «ядерную осень»³. Эта модель показала, что температурные изменения для средних широт Северного полушария будут меньше, чем это было рассчитано в одномерной модели, следовательно, и последствия будут не столь катастрофичны.

Тем не менее, по мнению вышеупомянутых авторов, тенденция на снижение оценок последствий «ядерной зимы», которая по их же признанию не была плавной и колебалась, не означала ее дискредитацию, а наоборот, являлась нормальным процессом научной оценки моделирования новых климатических эффектов. Авторы сохраняли определенный научный нейтралитет, утверждая маловероятность того, что «какой-то непредвиденный эффект либо вернет оценки ядерной зимы в диапазон полной климатической катастрофы, либо вообще устранил экологические эффекты»⁴.

Но особые репутационные последствия для гипотезы *TTAPS* в американских научных кругах имело мнение физика Э. Теллера, «отца водородной бомбы» и сторонника монополии США на ядерное оружие, посчитавшего, что концепция «ядерной зимы» является «весьма спекулятивной»⁵.

Исследования гипотезы «ядерной зимы» продолжались. Сотрудники советских профильных академических и ведомственных институтов имели возможность ознакомиться с опубликованными и еще находившимися в печати работами зарубежных коллег, что позволило ученым Института физики атмосферы (Г.С. Голицын и А.С. Гинзбург) и Вычислительного центра (В.В. Александров и Г.Л. Стенчиков) АН СССР достаточно быстро сформулировать теоретические и модельные оценки климатических последствий возможного ядерного конфликта и описать некоторые природные аналоги этих последствий⁶.

1 Dörries 2011; Badash 2009.

2 Chester et al. 1984.

3 Thompson et al. 1986.

4 Ibid.

5 Richard Wolfson, and Ferenc Dalnoki-Veress, "The Devastating Effects of Nuclear Weapons," The MIT Press Reader, March 2, 2022, accessed January 25, 2023, <https://thereader.mitpress.mit.edu/devastating-effects-of-nuclear-weapons-war/>.

6 Alexandrov, Stenichikov 1983; Голицын, Гинзбург 1983.

Первые расчеты феномена «ядерной зимы» были выполнены в Вычислительном центре АН СССР с помощью численной модели циркуляции атмосферы и океана, основанной на работе В.В. Александрова¹, что позволяло рассчитывать климатические изменения на поверхности Земли. На базе этой модели группа ученых под руководством Ю.М. Свиричева и А.М. Тарко провела оценку экологических последствий полномасштабной ядерной войны. Главный вывод, к которому они пришли, состоял в том, что нарушение биохимических циклов Земли приведет к уничтожению лесов и их замещению травяной и болотной экосистемой, что критически повлияет на стабильность всей биосферы и ее способность смягчать климатические колебания².

Одновременно в Институте физики атмосферы АН СССР были проведены расчеты на простейшей модели климатической системы, выполнены эксперименты по оценке оптических свойств дымов, образующихся при сжигании различных материалов, проанализированы возможные природные аналоги «ядерной зимы», такие как массовые природные и техногенные (нефтяные) пожары, мощные пылевые бури на Земле и на Марсе.

В развитии советских исследований феномена «ядерной зимы» большую роль сыграли академики Н.Н. Моисеев и А.М. Обуков. Именно Н.Н. Моисеев в 1983 г., когда стали известны первые результаты исследований «сумерек в полдень» и климатических последствий пожаров ядерной войны, организовал в Вычислительном центре АН СССР уникальные работы по численному моделированию атмосферных и климатических эффектов больших выбросов сильнопоглощающего аэрозоля – дыма от лесных и городских пожаров – на температурный режим поверхности и атмосферы Земли. А.М. Обуков также активно интересовался тематикой «ядерной зимы» и поощрял теоретические и даже экспериментальные исследования, направленные на понимание того, насколько могут реально повлиять последствия ядерной войны на атмосферу и климат Земли.

В целом, в 1983–1985 гг. в работах американских и советских ученых были сформулированы основные положения гипотезы «ядерной зимы» и оценены климатические последствия возможного крупномасштабного ядерного обмена. Эти положения внесли важный вклад в осмысление ответственной политики ядерных держав и стали продолжением традиции открытого независимого научного диалога о рисках применения ядерного оружия, заложенной учеными в 1960-х гг.³

«Ядерная зима» и ядерная ответственность

К середине 1980-х гг. феномен «ядерной зимы» стал причиной различных интерпретаций, опиравшихся на серьезную математическую базу. С одной стороны, это было связано с естественным научным процессом изучения большого количества довольно сложных атмосферных явлений. С другой стороны, гипотеза «ядерной зимы» развивалась не в научном вакууме и имела общественный

1 Александров 1982.

2 Тарко 2022.

3 Подробнее об этом этапе см. Самойловская 2023.

резонанс. К тому же само научное знание в области ядерного оружия использовалось в различных политических практиках и трактовках. Очень ярко это проявилось в публичном споре в рамках гипотезы «ядерной зимы» между двумя академическими тяжеловесами – К. Саганом, сторонником политики глубокого сокращения ядерного оружия, и Э. Теллером, придерживавшимся противоположной точки зрения. Дискуссия показала тонкую грань между наукой, политикой и личными убеждениями.

Э. Теллер, как одна из ключевых фигур Манхэттенского проекта, свою публичную позицию сводил к тому, что физик должен заниматься наукой, а вопросами применения ядерного оружия – профессиональные политики и военные¹. К. Саган полагал, что новые результаты исследований катастрофических долгосрочных климатических эффектов должны определять стратегическое планирование применения ядерного оружия. В 1983 г. он опубликовал в *Foreign Affairs* статью, связав долгосрочные эффекты крупномасштабной ядерной войны с уязвимостями процесса разработки доктрин и принятия решений².

К. Саган, основываясь на результатах исследования всего коллектива *TTAPS*, в этой статье выделил целый ряд положений, которые требовали особого внимания в связи с новыми полученными данными по гипотезе «ядерной зимы»: рациональная оценка ожиданий и последствий первого ядерного удара и подпороговой войны; запрещение использования ядерных боеголовок мощностью более 300 килотонн и постепенный переход к арсеналам с низкой мощностью и высокой точностью; политика ненацеливания на города; анализ всего комплекса последствий для неядерных государств, включая вопросы убежищ для гражданского населения всех государств.

В связи с выдвинутой администрацией Р. Рейгана в марте 1983 г. инициативой СОИ К. Саган обратил особое внимание на оценку существующих уязвимостей ПРО в контексте технических, экономических и политических издержек. Такая постановка проблемы существенно противоречила позиции Э. Теллера, высказанной на страницах журнала *Reader's Digest* в 1982 г., где он поддержал идею ПРО как одну из мер эффективной защиты населения, показав себя сторонником первого ядерного удара и скептически высказавшись о самой идее сокращения ядерных арсеналов США³. В статье в журнале *Nature* Э. Теллер усомнился в рассчитанных последствиях «ядерной зимы», сравнив их с реакцией научного сообщества на эффекты радиоактивных осадков и разрушения озонового слоя, которые, по его мнению, «когда-то считались катастрофическими последствиями ядерной войны, теперь оказались несущественными по сравнению с непосредственным военным ущербом»⁴.

Продолжившиеся дискуссии по доктринальным аспектам гипотезы «ядерной зимы», которые публиковались отдельными редакторскими колонками журнала *Foreign Affairs* как реакция экспертов на вышедшую публикацию К. Сагана, имели неожиданные развороты для самого ученого. Так, политологи Д. Хоровиц

1 Барлевен et al. 2010, 396.

2 Sagan 1983, 275.

3 Hippele 1983.

4 Teller 1984.

и Р.Дж. Либера¹, рассмотрев влияние гипотезы «ядерной зимы» на идею ядерного сдерживания, пришли к нетривиальному выводу, полагая, что в будущем «использование ядерного оружия может быть вполне рациональным, если его количество, мощность и расположение не позволят перейти порог ядерной зимы»². В то же время они усомнились в резонансе доктринальной политики НАТО по вопросу «нанесения первого ядерного удара» для сдерживания СССР, так как увидели угрозу ядерной эскалации в Европе с большой вероятностью пересечения порога «ядерной зимы».

Они утверждали, что использование маломощных ядерных зарядов в этом случае (как ответ на конвенциональное превосходство соперника) будет размышлять «выгоды» от повышения рисков дальнейшей эскалации. Обратный вывод, который они сделали, – в такой ситуации лучшей опорой будет не «ядерный зонтик» США, а укрепление собственных конвенциональных сил с ключевой ролью США в этом процессе³. Так, по мнению авторов, результаты гипотезы «ядерной зимы» можно использовать в американских интересах, учитывая принятую политику Вашингтона по уменьшению мощностей ядерных зарядов, а также советский фокус на более мощных зарядах⁴.

Сам К. Саган назвал такие выводы провокационными, особенно, как он предположил, если гипотезу «ядерной зимы» начнут применять для оправдания роста ядерных арсеналов Британии, Франции, Китая и других государств. Он подчеркнул, что существующих зарядов этих стран достаточно для сдерживания и в своих расчетах авторы *TTAPS* опирались на идею неиспользования тактического ядерного оружия, которое, по его мнению, может сыграть роль триггера в Европе и внести значительный вклад в «ядерную зиму». К. Саган выразил скепсис в отношении идеи, согласно которой концепция «ядерной зимы» выгодна США по причине смешанных мощностей в ядерном стратегическом арсенале СССР, а также из-за низкого порога для «ядерной зимы» в Европе. Свое согласие с авторами К. Саган выразил только в необходимости стратегических соглашений между США и СССР⁵.

Гипотеза «ядерной зимы» имела не совсем ожидаемые последствия для стратегической имплементации в результате дискуссий о порогах в ядерной войне⁶. Коллектив авторов *TTAPS* считал подпороговую войну неприемлемой, так как она приведет к эскалации. В то время как Министерство обороны США использовало противоположные доводы, акцентируя внимание на модернизации ядерных зарядов в сторону большей компактности и точности. Более того, было заявлено, что модернизация стратегической доктрины по расширению вариантов ядерных ударов, включая опции «ограниченных ядерных ударов», понизит вероятность ядерной войны благодаря более надежному сдерживанию (*credible deterrent*)⁷.

1 Д. Хоровиц – профессор политологии Еврейского университета в Иерусалиме, Р.Дж. Либера – профессор в области государственного управления Джорджтаунского университета. Horowitz et al. 1984.

2 Horowitz et al. 1984, 995.

3 Подробнее на тему стратегических отношений Россия – НАТО в контексте событий на Украине см. Stefanovich et al. 2023.

4 Horowitz et al. 1984, 996.

5 Ibid., 1002.

6 Современные дискуссии о пороговых значениях см. Богданов 2023.

7 Thompson et al. 1986.

В поднятых открытых дискуссиях ученые приблизились к вопросам, ответ на которые является ключевым для понимания сложных стратегических кризисов: кто, почему и когда имеет или не имеет право применять ядерное оружие. По сути центром дискуссии стали не только результаты математического моделирования климатических эффектов после ядерной войны, но и вопросы «приемлемости» последствий различных ядерных сценариев, их (не)признания в контексте определенных политических обстоятельств. Открытый диалог двух уважаемых и именитых ученых Э. Теллера и К. Сагана показал, что, несмотря на все попытки опереться на точное знание, ответы на поднятые вопросы содержат потенциал для разнообразия интерпретаций, зависящих от ценностей и субъективных предпочтений небольшого количества интерпретаторов. Это подводит к самому важному вопросу: насколько человек способен принять рациональное решение о применении ядерного оружия?

К. Саган предполагал, что риск глобальной катастрофы или даже вымирания должен быть устранен, и поэтому выступал за глубокие сокращения арсеналов ядерного оружия, поскольку считал, что гражданским и военным лидерам ядерных государств нельзя доверить «оружие судного дня», равно как и гарантировать технический контроль против тотальной ядерной войны¹. Аргументы Э. Теллера опирались на противоположное предположение². Он считал, что не нужно переоценивать возможные последствия ядерной катастрофы, а следует более серьезно относиться к тому, что отношения с СССР невозможно строить на доверии, необходимом для ядерного разоружения, поэтому нужно делать ставку на «оборонительные меры»: противоракетную оборону и модернизацию ядерного потенциала США.

Этот диалог подтверждает выводы У. Волкера о том, что существует целый спектр взглядов на ответственное поведение ядерных держав, начиная с реалистской позиции, где «первоочередная ответственность государства – использовать ядерное сдерживание для собственной защиты и защиты населения», до космополитической идеи о том, что «все государства несут первостепенную ответственность за ликвидацию ядерного оружия по этическим и благоразумным причинам»³.

Дебаты вокруг гипотезы «ядерной зимы» проходили в довольно сложной научной области, допускающей достаточно широкий диапазон интерпретаций, имеющий ярко выраженный политический раздел по линии сторонников разоружения и его противников. Гипотеза «ядерной зимы» стала попыткой группы ученых за пределами сообщества, связанного с разработками ядерных вооружений, повлиять на стратегическое планирование в области ядерного оружия. Поэтому она перестала быть научно нейтральной концепцией и в определенных дискуссиях использовалась как политический инструмент для критики или оправдания ядерной политики.

Несмотря на то что гипотеза «ядерной зимы» напрямую не повлияла на стратегическое планирование США и СССР, она предоставила возможность

1 Sagan 1983.

2 Hippel 1983; Teller 1985.

3 Walker 2010.

размышлять над множеством нюансов ядерной политики и их последствиями, подготовив почву для открытого обсуждения комплекса проблем практического характера, как, например, асимметрия ядерных потенциалов; развязка тактических и стратегических вооружений; усложнение логистики, роль систем *C3I* (*command, control, communications and intelligence* – управление, контроль, связь и разведывательные данные) и союзников¹, в более широком контексте восприятия и ожиданий, не утративших свою актуальность и сегодня.

Заключение. Новый ядерный век

Очередное противостояние США и СССР в 1980-х гг. и гонка вооружений привели к серьезному стратегическому кризису между двумя ядерными державами, в предупреждении которого пытались активно участвовать ученые. Гипотеза «ядерной зимы», возникшая в обостренной политической обстановке, показала, что последствия ядерной войны недостаточно изучены и мало учитываются в процессе принятия решений о применении ядерного оружия. В этом контексте дебаты вокруг «ядерной зимы» актуализировали иллюзорность контроля над обстоятельствами, имеющими случайные и нерациональные последствия, которые невозможно просчитать.

Игра в «Гордого пророка» (*Proud Prophet*), проведенная Министерством обороны в 1983 г., еще раз показала, что не всегда все идет по контролируемому плану, тем более если это касается масштабного влияния техногенного фактора с ядерной разрушающей силой. П. Брекен, разработавший эту игру для правительства США, в своем отчете констатировал, что следование высших должностных лиц стандартным правилам реагирования в кризисных ситуациях привело к катастрофе, в которой «полмиллиарда людей погибли в ходе первых обменов и еще как минимум столько же умерло бы от радиации и голода»². По его мнению, результат этой игры повлиял на смягчение риторики администрации Р. Рейгана в отношении ядерной войны.

Современные климатические модели показывают, что полномасштабная ядерная война между США и Россией даже при сегодняшних сокращенных арсеналах может привести к выбросу в верхние слои атмосферы более 150 млн тонн дыма и сажи. Следствием может стать снижение глобальной температуры, влияние которого на мировые запасы продовольствия будет разрушительным. Результаты моделирования в целом подтверждают выводы более простых моделей 1980-х гг. о том, что полномасштабный ядерный конфликт между Россией и США приведет к «ядерной зиме»³.

На рубеже XX и XXI вв. произошли кардинальные изменения в стратегическом балансе сил. В западной литературе наступление «второго ядерного века»⁴ связывают со смещением биполярного противостояния и наступлением многополярности, ознаменовавшей появление новых ядерных государств в Азии и

1 Подробнее анализ дискуссий по стратегическим вопросам в контексте гипотезы «ядерной зимы» см. Badash 2009.

2 “Reagan’s Nuclear War Briefing Declassified,” National Security Archive, accessed January 1, 2023, https://nsarchive.gwu.edu/briefing-book/nuclear-vault/2016-12-22/reagans-nuclear-war-briefing-declassified#_ednref9.

3 Coupe et al. 2019.

4 Nacht et al. 2010.

повышение риска дальнейшего ядерного распространения на Ближнем Востоке и в Латинской Америке. Поэтому значительное внимание научного сообщества уделяется моделированию потенциальных климатических последствий возможных локальных ядерных конфликтов, например между Индией и Пакистаном¹, а также их природных и рукотворных аналогов, таких как Кувейтские нефтяные пожары во время «войны в Заливе» в 1991 году².

Опасность применения ядерного оружия значительно возросла не только по причине его распространения, но и по причине «эмоционального подхода» к разрешению конфликтных вопросов. По мнению П. Брекена, сформированная стратегическая культура предшествующего ядерного века стала подменяться «ядерным национализмом»³: «Холодная война велась с ледяной рациональностью и холодной логикой, характерными для подхода двух сверхдержав к ядерному оружию... чего не скажешь о спорах в Азии между Пакистаном и Индией, двумя Кореями, арабскими государствами и Израилем»⁴.

Как отмечает академик А.А. Кокошин, Индия и Пакистан только в 2001 и 2002 гг. несколько раз подходили к «ядерному порогу», а Каргильский инцидент 1999 г., по его мнению, показал несостоятельность утверждения о том, что «наличие ядерного оружия у двух антагонистов увеличивает их сдержанность в применении военной силы уже на дальних подступах к ядерному порогу»⁵. В одном из недавних исследований с говорящим названием «Ядерный голод» отмечается, что обмен ядерными ударами между Индией и Пакистаном с применением 250 единиц оружия (близких по мощности бомбе в Хиросиме, примерно 15 тыс. тонн в тротиловом эквиваленте) сократит вегетационные периоды, поставив под угрозу снабжение продовольствием около миллиарда человек⁶. Автор предлагает экстраполировать результаты на любой локальный ядерный конфликт. Так, по его мнению, взрыв 1/20 части мировых ядерных арсеналов приведет к климатической катастрофе и массовому голоду.

По состоянию на начало 2023 г. девять ядерных государств обладали примерно 12 500 боеголовками⁷. По мощности существующие ядерные заряды делятся условно на заряды сверхмалой мощности (тротиловый эквивалент до 1 тыс. тонн), малой мощности (1–10 тыс. тонн), средней мощности (10–100 тыс. тонн), крупной мощности (100 тыс. тонн – 1 млн тонн) и сверхкрупной мощности (более 1 млн тонн)⁸.

По общим подсчетам порога «ядерной зимы», для климатической катастрофы достаточно взрыва от 500 до 2000 стратегических ядерных боезарядов. Так, в исследовании был установлен ядерный порог в 100 мегатонн (или 100 млн тонн в тротиловом эквиваленте)⁹. И хотя сами авторы указывали на условность

1 Toon et al. 2019.

2 Ginzburg et al. 1992.

3 Bracken 2000.

4 Ibid.

5 Кокошин 2003.

6 Bivens 2022.

7 Hans Kristensen, Matt Korda, Eliana Johns, and Kate Kohn, "Status of World Nuclear Forces," Federation of American Scientists, March 31, 2023, accessed January 25, 2023. <https://fas.org/initiative/status-world-nuclear-forces/>.

8 Ядерные боеприпасы // Министерство обороны Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details_rvsn.htm?id=13804@morfDictionary.

9 Sagan 1983.

пороговых значений, использованных в расчетах, все-таки важно понимать, какие стратегические последствия имеет вопрос пусть даже условного существования такого порога.

Гипотеза «ядерной зимы» визуализировала дилемму ядерной безопасности. Глубокие сокращения ядерных арсеналов до предполагаемого порога «ядерной зимы» несут риск отхода от «ядерного табу» с очевидными последствиями для ядерного распространения. В то время как опора на мощные ядерные арсеналы будет сохранять свой сдерживающий фактор, но при этом решение об их использовании может зависеть от случайного набора рациональных и иррациональных факторов. Сужение стратегического выбора и краткосрочное мышление в кризисных ситуациях не могут гарантировать рационального принятия решения по вопросу применения ядерного оружия, так же как оправдание такого решения национальным соперничеством или идеологией конфронтации. Во многом это вопрос психологического восприятия и знания.

Поэтому сегодня диалог о формировании политики ответственного поведения для ядерных государств представляет собой довольно сложную задачу, может иметь широкий круг интерпретаций, но при этом является важным шагом в становлении новой стратегической культуры в ядерной сфере, не допускающей приоритета «ядерного национализма». Все это требует особых усилий и стратегических решений по кризисному взаимодействию, позволяющему минимизировать последствия случайности в отношениях государств, обладающих ядерным оружием и несущих в этой связи особую ответственность перед человечеством.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Александров, В.В. Модель общей циркуляции атмосферы с бароклинным приспособлением // Докл. АН СССР. 1982. Вып. 265. № 5. С. 1094–1097.
- Aleksandrov, Vladimir V. "Model' obshchei tsirkulyatsii atmosfery s baroklinnym prispособleniem." Dokl. AN SSSR 265, no. 5 (1982): 1094–1097 [In Russian].
- Барлевен, фон К., Наумова Г. Книга знаний: беседы с выдающимися мыслителями нашего времени. М.: Прогресс-Традиция, 2010.
- Barleven, von K., Naumova G. *Kniga znanii: besedy s vydayushchimisya myslitelyami nashogo vremeni*. M.: Progress-Traditsiya, 2010 [In Russian].
- Богданов, К.В. Сдерживание в эпоху малых форм // Россия в глобальной политике. 2023. Т. 21. № 3. С. 42–52. <https://globalaffairs.ru/articles/sderzhivanie-v-epohu-malyh-form/>.
- Bogdanov, Konstantin V. "Deterrence in the Era of Small Forms." *Russia in Global Affairs* 21, no. 3 (2023): 42–52 [In Russian].
- Голыцын, Г.С., Гинзбург, А.С. Климатические последствия возможного ядерного конфликта и некоторые природные аналоги. М.: ИФА АН СССР, 1983. 24 с.
- Golitsyn, Georgy S., Ginzburg, Alexander S. *Klimaticheskie posledstviya vozmozhnogo yadernogo konflikta i nekotorye prirodnye analogi*. M.: IFA AN SSR, 1983 [In Russian].
- Кокосин, А.А. Ядерные конфликты в XXI веке (типы, формы, возможные участники). М.: Букнист, 2003. 144 с.
- Kokoshin, A.A. *Yadernye konflikty v XXI veke (tipy, formy, vozmozhnye uchastniki)*. M.: Bukinist, 2003 [In Russian].
- Самойловская, Н.А. О запрещении ядерных испытаний в трех средах: между страхом и сомнениями. – Полис. Политические исследования. 2023. № 6. С. 52–65. <https://doi.org/10.17976/jpps/2023.06.05>.
- Samoylovskaya, Natalya A. "On the Prohibition of Nuclear Tests in Three Environments: Between Fear and Doubt." *Polis. Political Studies*, no. 6 (2023): 52–65 [In Russian].
- Alexandrov, Vladimir V., Stenchikov, Georgy L. *On the Modelling of the Climatic Consequences of the Nuclear War*. M.: The Computing Centre of AS USSR, 1983.
- Badash, Lawrence. *A Nuclear Winter's Tale: Science and Politics in the 1980s*. The MIT Press, 2009.
- Barton, Ian James, and Garth William Paltridge. "Twilight at Noon' Overstated." *Ambio* 13, no. 1 (1984): 49–51. <http://www.jstor.org/stable/4312989>.
- Bivens, Matt. *Nuclear Famine: Even a "Limited" Nuclear War Would Cause Abrupt Climate Disruption and Global Starvation*. International Physicians for the Prevention of Nuclear War, 2022. <https://www.ipnpw.org/wp-content/uploads/2022/09/ENGLISH-Nuclear-Famine-Report-Final-bleed-marks.pdf>.
- Bracken, Paul. "The Second Nuclear Age." *Foreign Affairs* 79, no. 1 (2000): 146–56. <https://doi.org/10.2307/20049619>.
- Chester, C.V., Kornegay, F.C., Perry, A.M. *A Preliminary Review of the TTAPS Nuclear Winter Scenarios*. Oak Ridge National Laboratory, 1984. https://inis.iaea.org/collection/NCLCollectionStore/_Public/16/027/16027025.pdf.

Coupe, Joshua, Bardeen, Charles G., Roboc, Ian, and Owen B. Toon. "Nuclear Winter Responses to Nuclear War Between the United States and Russia in the Whole Atmosphere Community Climate Model Version 4 and the Goddard Institute for Space Studies ModelE." *Journal of Geophysical Research: Atmospheres*, no. 124 (2019): 8522–8543. <https://doi.org/10.1029/2019JD030509>.

Crutzen, Paul J., and John W. Birks. "The Atmosphere After a Nuclear War: Twilight at Noon." *Ambio* 11, no. 2/3 (1982): 114–125. <http://www.jstor.org/stable/4312777>.

Dörries, Matthias. "The Politics of Atmospheric Sciences: 'Nuclear Winter' and Global Climate Change." *Osiris* 26, no. 1 (2011): 198–223. <https://doi.org/10.1086/661272>.

Ginzburg, A., Haritonenko, V., and Kurliandskaya, O. "Possible Effects of Smoke from Kuwaiti Oil Fires on Climate and Society." In *Climate Change and Energy Policy*, 160–164. N.Y.: American Institute of Physics, 1992.

Hippel, von, Frank. "The Myths of Edward Teller." *Bulletin of the Atomic Scientists* 39, no. 3 (1983): 6–12. DOI: 10.1080/00963402.1983.11458958.

Horowitz, Dan, Lieber, Robert J., Luttwak, Edward N., Clawson, Patrick, Seitz, Russell, and Carl Sagan. "Nuclear Winter." *Foreign Affairs* 62, no. 4 (1984): 995–1002. <https://doi.org/10.2307/20041916>.

Martin, Brian. "Nuclear Winter: Science and Politics." *Science and Public Policy* 15, no. 5 (1988): 321–334. <https://doi.org/10.1093/spp/15.5.321>.

Nacht, Michael, Frank, Michael, and Stanley Prussin. "The Second Nuclear Age (1992–Present)." In *Nuclear Security: the Nexus Among Science, Technology and Policy*, 213–263. Springer, Cham., 2010. https://doi.org/10.1007/978-3-030-75085-5_5.

Sagan, Carl. "Nuclear War and Climatic Catastrophe: Some Policy Implications." *Foreign Affairs* 62, no. 2 (1983): 257–92. <https://doi.org/10.2307/20041818>.

Sagan, Carl, Turco, Richard, Rathjens, George W., Siegel, Ronald H., Thompson, Starley L., and Stephen H. Schneider. "The Nuclear Winter Debate." *Foreign Affairs* 65, no. 1 (1986): 163–78. <https://doi.org/10.2307/20042868>.

Stefanovich, Dmitriy V. and Alexander S. Ermakov. "Guns Before Butter – A New Reality?" *Russia in Global Affairs* 21, no. 4 (2023): 24–46. <https://10.31278/1810-6374-2023-21-4-24-46>.

Tarko, A.M. "About the History and Modeling of Nuclear Winter." *Norwegian Journal of Development of the International Science*, no. 97 (2022): 3–13.

Teller, E. "Climatic Change with Nuclear War." *Nature* 318, no. 99 (1985). <https://doi.org/10.1038/318099a0>.

Teller, E. "Widespread After-Effects of Nuclear War." *Nature*, no. 310 (1984): 621–624. <https://doi.org/10.1038/310621a0>.

Thompson, Starley L., and Stephen H. Schneider. "Nuclear Winter Reappraised." *Foreign Affairs* 64, no. 5 (1986): 981–1005. <https://doi.org/10.2307/20042777>.

Toon, Owen B., Bardeen, Charles G., Robock, Alan, Xia, Lili, Kristensen, Hans, McKinzie, Matthew, Peterson, R.J., Harrison, Cheryl S., Lovenduski, Nicole S., and Richard P. Turco. "Rapidly Expanding Nuclear Arsenals in Pakistan and India Portend Regional and Global Catastrophe." *Science Advances* 5, no. 10 (2019): 1–13. <https://doi.org/10.1126/sciadv.aay5478>.

Turco, R.P. Toon, O.B., Ackerman, T.P., Pollack, J.B., and C. Sagan. "Nuclear Winter: Global Consequences of Multiple Nuclear Explosions." *Science* 222 (1983): 1283–1292.

Walker, William. "The UK, Threshold Status and Responsible Nuclear Sovereignty." *International Affairs* 86, no. 2 (2010): 447–464.

Сведения об авторах

Александр Самуилович Гинзбург,

д.ф.-м.н., заведующий лабораторией математической экологии и главный научный сотрудник Института физики атмосферы им. А.М. Обухова (ИФА) РАН, Россия, Москва, Пыжевский пер. 3, 119017

e-mail: gin@ifaran.ru

Наталья Александровна Самойловская,

младший научный сотрудник Института международных исследований МГИМО МИД России, Россия, Москва, проспект Вернадского 76, 119454

e-mail: n.samoylovskaya@inno.mgimo.ru

Дополнительная информация

Поступила в редакцию: 18 ноября 2023.

Переработана: 1 декабря 2023.

Принята к публикации: 15 декабря 2023.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Цитирование

Гинзбург, А.С., Самойловская, Н.А. Гипотеза «ядерной зимы» и ответственная политика в ядерной сфере // *Международная аналитика*. 2023. Т. 14 (4). С. 149–160.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-149-160>

“Nuclear Winter” Hypothesis Research and Responsibilities in Nuclear Policy

ABSTRACT

In the 1980s, one of the fundamental topics of scientific debate was the discussion of the global consequences of nuclear war. At that time, the hypothesis of “nuclear winter” emerged, in which scientists attempted to analyse the theoretical possibility of a sharp cooling of the Earth after mass fires, and to find natural analogues of a potential climatic catastrophe. In the following decades, the “nuclear winter” hypothesis went through various stages of criticism and reassessment. In the early 2000s, studies of the problem became regional in nature, focusing mainly on the possible consequences of local nuclear conflicts. In this article, the authors analyse the stages of development of research on the “nuclear winter” hypothesis, focusing on the Russian and American approaches, and conclude that the body of work produced by American and Soviet scientists in 1983–1985 represents the first attempts by the scientific community to conceptualise the problem of responsible nuclear policy.

KEYWORDS

“nuclear winter” hypothesis, nuclear threshold, climate modelling, nuclear weapons, responsible nuclear policy

Authors

Alexander Samuilovich Ginzburg,

PhD in Physics and Mathematics, Head of the Laboratory of Mathematical Ecology and Senior Research Fellow, A.M. Obukhov Institute of Atmospheric Physics (IAP), Russian Academy of Sciences

3, Pyzhevsky Lane, Moscow, Russia, 119017

e-mail: gin@ifaran.ru

Natalya Alexandrovna Samoylovskaya,

Junior Researcher, Institute for International Studies, MGIMO University

76, Vernadsky avenue, Moscow, Russia, 119454

e-mail: n.samoylovskaya@inno.mgimo.ru

Additional information

Received: November 18, 2023. Revised: December 1, 2023. Accepted: December 15, 2023.

Disclosure statement

No potential conflict of interest was reported by the authors.

For citation

Ginzburg, Alexander S., Samoylovskaya, Natalya A. “Nuclear Winter” Hypothesis Research and Responsibilities in Nuclear Policy.” *Journal of International Analytics* 14, no. 4 (2023): 149–160.

<https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-4-149-160>

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Представление рукописей на рассмотрение редакционной коллегией осуществляется через сайт журнала www.interanalytics.org в разделе «Отправить статью» или по электронной почте: submissions@interanalytics.org

Подача статьи осуществляется в формате двух файлов: текст статьи без указания сведений об авторе и текст с информацией об авторе. Такое разделение мотивировано правилами двойного слепого рецензирования. Во втором файле мы приветствуем указание идентификатора автора: ORCID, SPIN-код, Researcher ID, Scopus Author ID, РИНЦ Author ID.

Журнал выпускает аналитические материалы по трём направлениям: исследовательская статья, обзорная статья, рецензия.

Исследовательская статья содержит результаты самостоятельных исследований автора и несет добавочное научное знание. Обзорная статья дает другим исследователям представление о текущем состоянии и направлении развития некоторой области знаний, теории или методов. Рецензия является критическим очерком о прочитанном научном исследовании.

Объем научной литературы, рассматриваемый автором, должен содержать как минимум 20 работ, в том числе и наиболее свежие по теме исследования. В список литературы не включаются ссылки на авторефераты, диссертации, учебники, учебные пособия, ГОСТы, распоряжения.

К публикации принимаются статьи объемом от 35 000 до 45 000 знаков с пробелами без метадаанных. Материалы для рецензий принимаются в виде краткой (до 25 000 знаков с пробелами) аналитической рецензии на недавно вышедшую книгу по тематике журнала. Работа должна быть оригинальной. Неоригинальные материалы не принимаются к рассмотрению.

Аннотация объемом 250–300 слов должна содержать характеристику темы исследования и основные выводы. Аннотация должна быть представлена на русском и английском языках. После аннотации следуют ключевые слова (до 7 слов) также на двух языках.

При оформлении списка литературы, полные требования по которому указаны на сайте журнала www.interanalytics.org в разделе «Правила для авторов», не забудьте указать имеющийся DOI всех цитируемых работ. Указание DOI осуществляется путем добавления рабочей гиперссылки в конце библиографического описания работы. Проверить наличие DOI можно на сайте www.crossref.org, в разделе Simple Text Query.

За разрешением на перепечатку или перевод опубликованных в нашем журнале материалов обращаться в Редакцию.

Содержание статей не обязательно отражает точку зрения Учредителя и Редакции.

Адрес редакции:

Проспект Вернадского, 76Б, Москва, 119454.

Оформить подписку на журнал «Международная аналитика» можно:
в почтовом отделении по каталогу «Пресса России», подписной индекс 38777;
по интернет-каталогу ООО «Агентство «Книга-Сервис», а также по каталогам стран СНГ www.akc.ru

Международная аналитика. – 2023 – 14(4). – С. 1-160.

Подписано к печати: 20.12.23.

Формат: 108x70/16. Печать офсетная. Цена свободная.

Уч.-изд. л. 10,0. Тираж 200 экземпляров. Заказ 242.

Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО МИД России.

119454, Москва, просп. Вернадского, 76.